

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2024 Том 19 № 1 (41)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Подписной индекс издания 70771. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (uralpress.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (zhanry-rechi.sgu.ru)
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1, специальности: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8)
- Журнал входит в ядро РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
- Журнал входит в международные базы данных Scopus, ERIH PLUS, DOAJ

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2024

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алтатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Е. Ю. Викторова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, Ph.D., проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
И. Э. Ключанов, Ph.D., проф. (Вашингтон, США)
Р. Лакофф, Ph.D., проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, Ph.D., проф. (Каунас, Литва)
М. Макуховска, Ph.D., проф. (Ополе, Польша)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Белоруссия)
А. Мустайоки, Ph.D., проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Белоруссия)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, Ph.D., проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
П. Сериио, Ph.D., проф. (Лозанна, Швейцария)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
М. Сифиану, Ph.D., проф. (Афины, Греция)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Р. Г. Тирадо, Ph.D., проф. (Гранада, Испания)
Хуан Мэй, Ph.D., проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

- Vladimir M. Alpatov (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>
Elena G. Elina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>
Olena I. Goroshko (Kharkov, Ukraine), <https://orcid.org/0000-0002-8592-1022>
Vladimir I. Karasik (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>
Robin Lakoff (Berkeley, USA)
Igor E. Klyukanov (Washington, USA), <https://orcid.org/0000-0003-2240-0980>
Tat'yana V. Larina (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>
Eleonora Lassan (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>
Marzena Makuchowska (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0003-1357-2211>
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>
Mei Huang (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>
Arto Mustajoki (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>
Boris Y. Norman (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>
Natalia V. Orlova (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>
Valeri V. Prozorov (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>
Renate Rathmayr (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>
Vladimir A. Salimovsky (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>
Patrick Sériot (Lausanne, Switzerland), <https://orcid.org/0000-0002-4805-883X>
Tat'yana V. Shmelyova (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>
Maria Sifianou (Athens, Greece), <https://orcid.org/0000-0002-3231-937X>
Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>
Tat'yana I. Steksova (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>
Zifa K. Temirgazina (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>
Rafael Guzman Tirado (Granada, Spain), <https://orcid.org/0000-0002-4615-6436>
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>
Maria Yelenevskaya (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

Дементьев В. В. Саратов, Россия	К проблеме интегрального описания речевых жанров..... 6
Тарасова И. А. Саратов, Россия	Литературный жанр в сознании читателя: эмпирический подход..... 23
Орлова Н. В. Омск, Россия	Количественное измерение жанра: функционирование «краткий» и «короткий» в позиции определений имен жанров 29

Исследования отдельных жанров

Вепрева И. Т., Полякова И. Г., Шалина И. В. Екатеринбург, Россия	Откровенный разговор в устном дискурсе репродуктивной медицины: особенности профессионального преломления 38
Волкова Я. А. Панченко Н. Н. Москва, Россия, Волгоград, Россия	Мотивационная речь: специфика функционирования речевого жанра 47
Богинская О. А. Иркутск, Россия	«Очевидно, что ...»: бустинг как стратегия экспликации уверенности автора в достоверности пропозиции (корпусный анализ жанра «аннотация к научной статье») 56

Интернет-жанры

Кожемякин Е. А. Дубровская Т. В. Белгород, Россия, Пенза, Россия	Жанр научной статьи в Интернете: структурно-семиотическая трансформация..... 66
Карасик В. И. Москва, Россия	Читательский комментарий как речевой жанр современной российской блогосферы 79

Жанры новых культурных сфер

Смирнова И. В. Москва, Россия	Дискурс технически опосредованного мошенничества: жанр «развод» / «разводилов» и его стратегии 90
---	--

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

- Dementyev V. V.** On the problem of integral description of speech genres 6
Saratov, Russia
- Tarasova I. A.** Literary genre in the mind of the reader:
Saratov, Russia Empirical approach 23
- Orlova N. V.** Genre quantification: The functioning of “brief” and “short”
Omsk, Russia in the position of definitions of genre names 29

Studies of Individual Genres

- Vepreva I. T.,
Polyakova I. G.,
Shalina I. V.** Open talk in the oral discourse of reproductive medicine:
Yekaterinburg, Russia Peculiarities of professional refraction 38
- Volkova Ya. A.** Motivational speech: Specifics of the speech genre
Moscow, Russia, functioning 47
- Panchenko N. N.**
Volgograd, Russia
- Boginskaya O. A.** “It is evident that ...”: Boosting as a strategy employed
Irkutsk, Russia to express author’s commitment to the truth of a proposition
(a corpus-based analysis of research article abstracts) 56

Internet Genres

- Kozhemyakin E. A.** Genre of a scientific article on the Internet:
Belgorod, Russia, Structural and semiotic transformation 66
- Dubrovskaya T. V.**
Penza, Russia
- Karasik V. I.** Reader’s comment as a genre
Moscow, Russia of the modern Russian blog sphere 79

Genres of New Cultural Fields

- Smirnova I. V.** The discourse of technically mediated fraud:
Moscow, Russia The genre “razvod” / “razvodilovo” (\approx “swindle” / “con
game”) and its strategies 90

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 6–22
Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 6–22

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22>, EDN: SEOJBY

Научная статья
УДК 81'42

К проблеме интегрального описания речевых жанров

В. В. Дементьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории,
истории языка и прикладной лингвистики, dementevvv@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Аннотация. В статье формулируются предмет и задачи будущей речезанровой дисциплины – интегрального описания речевых жанров, – которая, по мнению автора, претендует на центральное место в составе общей теории речевых жанров.

К главным источникам интегральности ТРЖ относятся высокий уровень РЖ как речевой и языковой единицы, сложный, многоаспектный и многокомпонентный характер РЖ, мультидисциплинарность ТРЖ (привлекает данные практически всех гуманитарных и отчасти негуманитарных наук).

ИОРЖ будет включать параметры: культурно-исторический контекст РЖ; типологические характеристики РЖ (в том числе место в различных типологиях); речезанровая вариантология и вторичность, включая новые техногенные и интернет-производные от первичных, традиционных жанров; представленность в корпусах.

ИОРЖ и его параметры обсуждаются в связи с членением лингвистики (отчасти – других наук, например литературоведения). Показано, что большинство значимых для ИОРЖ членений лингвистики восходят к сосюровской идее о противопоставлении внутренней и внешней лингвистики, а главные задачи ТРЖ соответствуют сформулированным В. М. Алпатовым трем «вечным» проблемам лингвистики: «Как устроен язык?», «Как функционирует язык?» и «Как развивается язык?».

Обсуждаются направления важнейших жанроведческих исследований, из которых должно «складываться» ИОРЖ, используемые для их отбора критерии: 1) модель уже интегральная (многокомпонентная и междисциплинарная); 2) универсальная (применима ко многим языкам и национальным культурам, в разные исторические периоды); 3) по данной модели было осуществлено наибольшее число исследований. Первому критерию отвечает «анкета РЖ» Т. В. Шмелевой, второму – универсалистская модель А. Вежицкой, третьему – традиционные речезанровые модели: лексическая, синтаксическая, прагматическая.

В заключение обсуждаются нерешенные проблемы речевых жанров, которые логично решать на основе ИОРЖ: типология (интегральные основания классификации РЖ претендуют на большую надежность), вариантология, прикладной и экспериментальный аспекты (словарное представление РЖ и корпусный аспект, включая анализ ключевых фраз РЖ).

Ключевые слова: интегральное описание речевых жанров, междисциплинарность, многокомпонентность, универсальность, культурно-исторический контекст, типология, вариантология, членение лингвистики

Для цитирования: Дементьев В. В. К проблеме интегрального описания речевых жанров // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 6–22. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22>, EDN: SEOJBY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the problem of integral description of speech genres

V. V. Dementyev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim V. Dementyev, dementevvv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Abstract. The article formulates the subject and tasks of the future speech-genre discipline – the integral description of speech genres – which, in the author’s opinion, claims to be central to the general theory of speech genres.

The main sources of the theory of speech genres integrality include the high level of a speech genre as a speech and language unit, the complex, multidimensional and multicomponent nature of the theory of speech genres, the multidisciplinary nature of the theory of speech genres (it draws on data from almost all the humanities and partly non-humanities).

The integral description of speech genres will include the following parameters: the cultural and historical context of the speech genre; typological characteristics of speech genre (including their place in various typologies); speech-genre variantology and recurrence, including new technogenic and Internet derivatives from primary, traditional genres; representation in the corpus.

The integral description of speech genres and its parameters are discussed in connection with the division of linguistics (partly – other sciences, for example, literary criticism). It is shown that the majority of divisions of linguistics that are significant for the integral description of speech genres go back to Saussure’s idea of opposing internal and external linguistics, and the main tasks of the theory of speech genres correspond to those three “eternal” problems of linguistics formulated by V. M. Alpatov: “How is language structured?”, “How does language function?” and “How does language develop?”

The author discusses directions of the most important genre studies, from which the integral description of speech genres should be “composed”, and the criteria used for their selection: 1) the model is already integral (multi-component and interdisciplinary); 2) universal (applicable to many languages and national cultures, in different historical periods); 3) based on this model, the largest number of studies was carried out. The first criterion is met by the model of T. V. Shmeleva, the second – by the universalist model of A. Wierzbicka, the third – by traditional speech-genre models: lexical, syntactic and pragmatic.

In conclusion, the author discusses the unresolved problems of speech genres, which can be logically solved on the basis of the integral description of speech genres: typology (integral bases for the classification of speech genres claim to be more reliable), variantology, applied and experimental aspects (vocabulary representation of speech genres and corpus aspect, including the analysis of key phrases of speech genres).

Keywords: integral description of speech genres, interdisciplinarity, multicomponent nature, universality, cultural and historical context, typology, variantology, division of linguistics

For citation: Dementyev V. V. On the problem of integral description of speech genres. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 6–22 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-6-22>, EDN: SEOJBY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

1. Задачи статьи / будущей книги

Проблеме интегрального описания речевых жанров (далее – ИОРЖ) мы предполагаем впоследствии посвятить большую книгу (возможно, коллективного авторства).

Проблема ИОРЖ есть прежде всего проблема методики – как следует из названия, данная методика интегрирует, т. е. объединяет, ряд разделов жанроведения, различных приемов и принципов, соответствующих:

- параметрам речеганровой модели (вернее, речеганровых моделей), разработанным в рамках различных концепций (например, [1–35]), смысл ИОРЖ состоит именно в том, что данные параметры «работают» вместе;

- сферам и типам дискурса / типам речевых жанров – как внутри одного языкового страта / функционального стиля, так и в разных; как внутри одной речекоммуникативной культуры, так и в разных; как внутри одного временного среза, так и в разных; ИОРЖ предполагает сведение этих разнородных и «разносферных» РЖ в единое «жанровое и околожанровое пространство», единообразно описанное в одной символической системе; при этом ИОРЖ предполагает не только упорядочивание данного набора сфер и дискурсивных типов, но и определенное ограничение (например, выбор гомогенности или гетерогенности жанров в онтогенезе предполагает описание только РЖ взрослых или только РЖ детей или тех

и других вместе). Возможность же непротиворечивого и неэклетичного объединения и должна обеспечить адекватная непротиворечивая теория – как видим, ограничить ИОРЖ только методикой в конечном счете было бы не только неверно, но и невозможно;

- типам носителей и пользователей речевых жанров – типам языковых личностей, выделяемым на различных «горизонтальных» (неоценочных: национальных, психологических, гендерных и т. п.) и «вертикальных» (оценочных: возрастных, статусных, морально-этических, профессиональных) основаниях.

Соответственно, будущую книгу составят, в виде глав, микроисследования, осуществленные на основе данных параметров и вариантов модели.

Как всегда бывает в исследованиях теоретико-практического характера, есть надежда на то, что применение модели на конкретном практическом материале, столкнувшись с рядом конкретных, возможных, не предвиденных ранее особенностей данного материала, потребует корректировки не только методики, но и теории. Забегая вперед, ИОРЖ на такой результат претендует. В целом логично, расширяя материал (=присовокупляя новые сферы – первый аспект интегральности), ожидать, что это вызовет и «расширение» (по крайней мере уточнение) и теории, и методики (второй аспект интегральности). В истории конкретных лингвистических и нелингвистических дисциплин так иногда получалось, иногда – не получалось; во всяком случае, проблема эта ставилась и требовала серьезного к себе отношения [36: 66].

2. Актуальность идеи интегральности в теории речевых жанров

Развитие теории речевых жанров (ТРЖ) привело к появлению подхода, вернее, потребности в подходе, который стал бы в рамках данной дисциплины оптимальным, наиболее адекватным способом осмысления и систематизации языкового и речевого материала (взгляд в будущее) и одновременно оптимальным, наиболее адекватным подведением итогов существующих на данный момент подходов (взгляд в прошлое).

Актуальность идеи интегральности в жанроведческих исследованиях означает: (а) необходимость данной идеи с точки зрения потребностей текущего состояния науки и на перспективу, (б) достаточность предпосылок для нее (нельзя говорить о настоящей актуальности проблемы для науки, если наука совершенно не готова к ее решению). Значимы также (в) концептуальная (имманентно присущая теории, потенциальная) и реально реализовавшаяся в исследованиях интеграль-

ность в жанроведении (ее логично рассматривать в связи с интегральностью в лингвистике / филологии в целом), (г) отношения ИОРЖ и ТРЖ и отдельные теоретические и практические задачи ИОРЖ в составе ТРЖ. (Одна из таких задач – модернизация существующей классификации РЖ; строго говоря, классификации РЖ в ИОРЖ и ТРЖ могут да и должны быть разными, а рассмотрение их соотношения – еще одна достойная задача в этом ряду.)

Название *ИОРЖ* мы заимствуем у Ю. Д. Апресяна, который называет *интегральным описанием* разработанный им новый раздел лингвистики (далее – ИОЛ), т. е. использует этот термин применительно к языку.

Заимствование термина обусловлено не только близостью подходов, но и очевидным и общепризнанным сходством РЖ и языка в плане сложности и объема. О сущностной связи РЖ и языка писал еще М. М. Бахтин (ср., например: «Речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык, <чей> словарный состав и грамматический строй мы узнаем не из словарей и грамматик, а из конкретных высказываний, которые мы слышим и которые мы сами воспроизводим в живом речевом общении с окружающими нас людьми» [37: 181] и др. его высказывания на эту тему); писали об этом мы в цикле статей «Аспекты проблемы “жанр и язык”: жанры речи и... “язык речи”?», «Что дало жанроведение современной лингвистике?», «Снова о “жанрах речи и языке речи”: что дала жанроведению лингвистика?» [13, 14, 38]. Не будем повторять отдельные пункты сходства, выделяемые и обсуждаемые в этих работах, отметим лишь, что объем и сложность РЖ вполне сопоставимы с языковыми, но гораздо меньше изучены: количество, разнообразие и степень разработанности речевых подходов, концепций и дисциплин пока несопоставимы с лингвистическими.

3. Интегральность как многоаспектность → мультидисциплинарность

Многоаспектность РЖ имеет, как представляется, ряд принципиально разных источников, где первый, для наших рассуждений по сути тавтологичный – зеркальное отражение в РЖ очень многих свойств языка, связанного с РЖ и функционально, и генетически, и фило- и онтогенетически (овладение ребенком), среди которых к важнейшим относятся: сложносоставность, многоаспектность, противоречивость (описываемая как *асимметрия* (С. Карцевский), *семантическая* (Э. Бенвенист), *политропия* (П. Фридрих), *полиморфизм* (В. В. Налимов), *неформализованность* (А. Соломоник)). Как и разделы лингвистики, посвященные единицам языка высоких уровней, ТРЖ является и комплексной, и мультидисциплинарной изначально: чем выше уровень

единицы языка / речи, тем больше существует и ее собственных аспектов, и соприкосновений с другими единицами, другими уровнями, со смежными дисциплинами, ее изучающими, а РЖ, конечно, единица очень высокого уровня. (О членении ТРЖ, конкретных ее разделах, пересечениях с ТРА и прагмалингвистикой, стилистикой, коллоквиалистикой, социо- и (онто)психолингвистикой, (лингво)культурологией, (лингво)персонологией, литературоведением и т. п. см. детальные разборы в [4, 7, 18, 19, 20, 27, 29, 39]).

Наибольший импульс к развитию ТРЖ был дан в период господства в лингвистике прагматики и изучения устной речи (в частности русской разговорной речи). Все эти дисциплины тоже являются внешнелингвистическими и мультидисциплинарными. А значит, ИОРЖ как бы изначально заложено в ТРЖ на самых ранних стадиях ее развития.

На идее интегральности как многоаспектности, с выходом на мультидисциплинарность, строил свою концепцию ИОЛ Ю. Д. Апресян – впрочем, он в значительной степени сводил многоаспектность к двуаспектности: лексика + грамматика. Причем ко времени создания ИОЛ и фактор мультидисциплинарности лингвистических исследований, и фактор развития целого комплекса «внешнелингвистических» дисциплин, т. е. находящихся на стыке лингвистики с другими науками, стал уже очень хорошо осознаваемым учёными и не подвергался сомнению.

Уже в начальный период развития ТРЖ – в 1990-е гг высказывалась сходная идея «прагмасемиотического» изучения РЖ, включающего семантику + синтактику РЖ [40: 9–30]; тогда же или чуть позже была доказана необходимость введения третьего, главного пункта – прагматики РЖ. В одной из первых жанроведческих моделей – «анкете РЖ» Т. В. Шмелевой – важнейшими были также прагматические пункты: цель; образ автора; адресата [30].

К наиболее очевидным источникам интегральности ТРЖ относится то, что она привлекает данные многих наук – не только лингвистики (хотя, так сказать, было бы достаточно одной лингвистики – прежде всего ее новых разделов, которые сами являются выражено интегральными: социолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лингвистики текста) и литературоведения, но и практически всех гуманитарных наук, комплексный, многоаспектный характер которых проистекает из многоаспектности человека – психической, социальной, культурной и т. д. Систематизация РЖ безусловно должна пересекаться с типологизацией языковых личностей (ЯЛ)

(точнее, многими различными типологизациями) (см. [41]), как и типы, варианты и аспекты РЖ – с отдельными аспектами ЯЛ [42, 43].

4. Интегральное описание речевых жанров ← от интегрального описания лингвистики

Влияние на ТРЖ и становление ИОРЖ интегрального описания лингвистики, разработанного как со стороны теории, так и методики, является частью общего влияния на ТРЖ лингвистики (см.: [14, 38]). ТРЖ в ее современном виде во многих отношениях зародилась и выросла в недрах лингвистики, как логичное продолжение естественного развития некоторых ее новых (тогда) тенденций и направлений (подобно тому, например, как развились теория актуального членения в синтаксисе, лингвистика текста, психолингвистика, когнитивная лингвистика). А именно: ТРЖ появилась тогда, когда в лингвистике наметился поворот от изучения только языка к изучению речи, преодоление сосюрковского положения об «отсутствии системы на оси времени» (т. е. речи), а тем самым – признание наличия особой речевой системности. Закладывая основы для лингвистики речи, Бахтин ввел не что иное, как противопоставление «жанры речи ~ язык речи» – как два типа речевой системности: язык – модель виртуально-актуальная / инвариантно-вариантная, а тем самым – абстрактная, «мёртвая», «ничья», тогда как речевой жанр – модель принципиально иная – «живая» [37: 181]. Мнение, что основа речевой системности – РЖ, сегодня разделяет большинство лингвистов речи, хотя и не все (подробнее см.: [14: 8–9]).

ИОЛ Ю. Д. Апресяна, наряду с другими направлениями лингвистики, разрабатываемыми одновременно или немного раньше – генеративной лингвистикой, теорией актуального членения, – ознаменовало собой смену парадигм в лингвистике – от структурализма к постструктурализму, – став подведением итогов структурализма и попыткой преодолеть его ограничения, прежде всего, заполнить лакуны в теории языка, которые препятствовали адекватному пониманию языка. Как известно, таких лакун в редуционистском подходе структурализма к языку было много, и интегральный подход, как и само понятие интегральности, логично предполагал рассмотрение множества – огромного множества! – аспектов языка. Безусловно, Ю. Д. Апресяном и ИОЛ и было рассмотрено многое. Нет смысла говорить, что «не всё» (это и невозможно, и не нужно), однако, справедливо критикуя предшествующую лингвистику за ограничения и реально затрагивая безусловно многие аспекты языка, не рассматривавшиеся ранее, Ю. Д. Апресян тем не менее реально выделяет два

главных аспекта и в основном развивает их: лексическое + грамматическое значения слова / языковой единицы: «интегральное описание языка <есть> такое лингвистическое описание, в котором два его основных компонента – грамматика и словарь – согласованы друг с другом по типам помещаемой в них информации и по формальным способам ее записи. При этом под “грамматикой” понимается свод всех правил языка, включая семантические» [44: 57]. Прагматика У Ю. Д. Апресяна затрагивается фактически только на уровне контекстов слова – недаром он подчеркивал много лет спустя: в модели «смысл ⇔ текст» в реальности рассматривается не текст, а предложение [45: 44].

ИОЛ – наиболее формализованная, но далеко не единственная интегральная концепция в лингвистике, проистекающая из попытки охватить а) разные типы языковых единиц и их значений, б) разные лингвистические направления и дисциплины.

В целом, как известно, идеи выделения различных внутренне- и внешнелингвистических дисциплин и их дальнейшей «тасовки» друг с другом проистекают из соссоровской концепции лингвистики, ее задач и обусловленного ими членения; впоследствии данные идеи активно и успешно развивали многие лингвисты, историки науки: А. А. Кибрик, В. М. Алпатов, К. Ф. Седов.

Все это закономерно выводит нас (как вывело Ю. Д. Апресяна) на такие общие вопросы, как уточнение объекта лингвистики, расширительная и сужающая тенденции в лингвистике, противопоставление общей и частной лингвистики и т. п. Как известно, в лингвистике все эти вопросы еще далеко не решены. Напомним в этой связи несколько концепций, которые представляются наиболее значимыми для ИОРЖ в том отношении, что 1) в членении лингвистики среди других разделов выделяется речезанровый (при этом специфика различных направлений речезанровой лингвистики определяется отношениями с другими разделами лингвистики), 2) предлагается членение на общую и частные лингвистики на основаниях, которые кажутся близкими к ИОРЖ (точнее, близки к основаниям, по которым ИОРЖ выделяется из ТРЖ или противопоставляется ей).

Во всяком случае, главные задачи ТРЖ полностью соответствуют сформулированным В. М. Алпатовым трем главным проблемам лингвистики: «“Как устроен язык?”, “Как функционирует язык?” и “Как развивается язык?”» [46: 17]. Если заменить «язык» на «жанр», то, несомненно, в составе общей ТРЖ именно ИОРЖ больше всего может претендовать на решение таких общих проблем.

Большинство значимых для ИОРЖ членений лингвистики восходят к идее Ф. де Соссюра, предложившего членение лингвистики на микро- и макролингвистику (иначе – внутреннюю и внешнюю). До сих пор эти «две лингвистики» (и многие более частные лингвистические дисциплины в составе каждой из них) весьма трудно (даже драматично) взаимодействуют и сочетаются друг с другом (ср.: [47: 98–99]).

В теории и истории лингвистики этой метанаучной проблематике уделялось много внимания; много предлагалось и конкретных членений лингвистики в развитие идеи Соссюра.

Приведем одну концепцию – К. Ф. Седова, в которой, наряду с другими разделами лингвистики, прямо выделяется жанроведение, задачи которого определяются именно через место в лингвистике: (1) лингвистика языка (изучение «языка-системы»), (2) лингвистика речи (то же, что коммуникативная лингвистика = социолингвистика с главным разделом – жанроведением), (3) психолингвистика (с примыкающей к ней когнитологией) и (4) лингво-поэтика [43: 9–26]. Теоретической основой данного членения у К. Ф. Седова служит признание языка сложным коммуникативно-когнитивным феноменом, для понимания которого необходимо рассмотреть такие аспекты языка, как (1) «язык-система», (2) речь, (3) системное начало в общении / речи, а также (4) индивидуальное, коммуникативное и «поэтическое» мышление – выделение аспектов, по всей видимости, должно соответствовать настоящему членению лингвистики.

Сравнивая концепцию Седова с приведенным выше определением Алпатова, видим отсутствие у Седова раздела, посвященного решению проблемы «как произошел язык», или, иными словами, истории. Бедность ли это и недостаток концепции Седова? Представляется, нет. Представляется, что историческая часть просто не выделяется специально, но возможна в седовской тетраде: все четыре компонента могут относиться к настоящему (как, в общем, и есть у Седова), а могут и к прошлому; кроме того, по всей видимости, такое же «удвоение» имеет место в случае изучения одного языка / вне сопоставления – и в сопоставлении языков.

Алпатову же можно возразить: как произошел язык и как функционирует язык – разные аспекты существования изучения языка, но точно так же есть разные аспекты истории: как произошел язык-система и как произошло функционирование языка, т. е., в другой терминологии, историческая грамматика и историческая коммуникативистика. Точно так же (продолжая развивать концепцию Седова) есть и историческая поэтика.

5. Из каких направлений жанроведческих исследований «складывается» речезанровая интегральность?

Формулировка понятийной системы ИОРЖ требует, во-первых, отбора тех существующих

речежанровых концепций, на которые ИОРЖ будет в наибольшей степени опираться (цель отбора – выработать параметры, по которым должна быть представлена информация о данном РЖ в энциклопедии); во-вторых – представления (частично – переформулировки) их в одной понятийной системе: «просто пересказ» этих концепций быстро обнаружил бы большую степень несовместимости и противоречивости.

По-видимому, сразу должен быть отвергнут механический путь равного числа заимствований: по n (2, 3...) пунктов из каждой модели: это была бы весьма относительная сбалансированность. Предлагаем следующие критерии: 1) обсуждаемая модель уже в значительной степени интегральная (комплексная, междисциплинарная, параметрическая и (много)компонентная) (желательно, чтобы параметры, выделяемые в ней, были важными для РЖ, однако мы отдаем себе отчет, что этот вопрос наиболее субъективен); 2) универсальная в том смысле, что применима (и применялась) ко многим языкам и национальным культурам, желательно в разные исторические периоды; 3) по данной модели было осуществлено наибольшее число жанроведческих исследований.

Полагаем, что **первому критерию** в наибольшей степени отвечает «анкета РЖ» Т. В. Шмелевой (далее – АШ) и ее прямых и опосредованных последователей – ср. модели М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой, И. Н. Борисовой, а также в большой степени, хотя и для специфических сфер – Н. Б. Лебедевой, С. Херринг, И. Г. Маланчук¹. Все они, в общем, предлагают разновидности компонентного анализа. При этом отдельные аспекты ИОРЖ не равны компонентам компонентного анализа РЖ как такового, но, конечно, пересекаются с ними: в традиционном понимании, например, речежанровая история, функционирование, культурология, психология (все это возможные и даже обязательные разделы ИОРЖ) представляют другие направления, чем компонентный анализ, который традиционно принято сводить к изучению структуры. Мы уже давали развернутую характеристику этой хронологически первой и концептуально, безусловно, очень значимой речежанровой модели «по красивому поводу» – к 30-летию данной модели [53]; ср. также главу в нашей совместной с Л. В. Балашовой монографии «Русские речевые жанры» [2: 35–48]. АШ рассматривалась нами широко – с позиций

ее «прошлого, настоящего, будущего», что, конечно, близко к ИОРЖ.

Второму критерию отвечает школа А. Вежбицкой, где изучение жанров – лишь часть направлений исследований, но важная (проблему типов ЯЛ и сведения их в одну модель Вежбицкая не рассматривает – этой проблеме много внимания уделял, например, К. Ф. Седов). Как и АШ, концепцию Вежбицкой мы подробно представили в нашей совместной с Л. В. Балашовой монографии «Русские речевые жанры» [2: 28–35], а в связи с жанрами непрямого общения – в статье тоже по красивому поводу: к юбилею пани Анны [54]. Есть основания утверждать, что предложенный и разработанный А. Вежбицкой подход к сравнительному изучению речевых жанров в разных культурах («Речевые жанры, выделенные данным языком, являются <...> одним из лучших ключей к культуре данного общества» [4: 111]) является единственным по-настоящему новым и оригинальным направлением современной теории речевых жанров, который не был в том или ином виде предвосхищен М. М. Бахтиным либо его непосредственными последователями. Идея сравнения национальных культур через посредство наборов разных универсальных и национально специфичных речевых жанров является востребованной в целом ряде современных сопоставительных, типологических, кросс-культурных, а также общетеоретических исследований.

Рассмотрение этих моделей с точки зрения их значимости для ИОРЖ (особенно модели А. Вежбицкой) выводит на первый план аспекты РЖ, которые должны занять важное место среди параметров интегральной методики описания РЖ, – культурно-исторический контекст (вторичные РЖ по Бахтину): место в типологиях, речежанровая вторичность / производность / переакцентуация (как было сказано выше, в АШ этот пункт отсутствует), включая, возможно, интернет-производные данного жанра; персонологический аспект (жанры ↔ типы личностей); представленность / бытование: в корпусах (количество входов) и в Интернете (где количество тоже исчислимо).

Эти аспекты ИОРЖ определяют выделение сфер, из которых должны быть взяты РЖ для интегрального описания, а также внутреннее членение данных сфер и основания типологизации жанров, шире – облик будущего ИОРЖ (составные части, их своеобразие – при наличии обобщающей идеи – и отношения между ними):

¹М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова [48], И. Н. Борисова [49] разрабатывают комплексный и/или мультидисциплинарный речежанровый анализ в исследовании русской разговорной речи, Н. Б. Лебедева [50] – естественной письменной речи, С. Херринг [51] – интернет-коммуникации, И. Г. Маланчук – естественной детской речи [52].

1_а) глобальная совокупность всех РЖ (она же = речежанровое пространство);

1_б) совокупность всех РЖ / речежанровое пространство отдельной национальной культуры (в данный период – и в динамике);

1_в) совокупность всех РЖ / речежанровое пространство отдельной внутрикультурной субкультуры (элитарной, просторечной, народной);

1_г) совокупность всех РЖ / речежанровое пространство (+его структура и последовательность отдельных РЖ) отдельной возрастной субкультуры (младенческой, детской, подростковой...);

2_{а и б}) околожанровое пространство речи (2_а – глобальное околожанровое пространство, 2_б – околожанровое пространство отдельной национальной культуры);

3) параметризация речевой ситуации, точнее, речежанрового оформления ее, где отдельному выделяемому параметру соответствует отдельный аспект (и аспект компонентного анализа (поля) РЖ, и аспект ИОРЖ); при этом понятия (2_{а и б}) предполагают, очевидно, большее разнообразие таких параметров, во всяком случае, количество этих параметров больше, чем в случае (1_{а и б}).

Причем должны приниматься в расчет и противопоставление, так сказать, объективного и субъективного существования / бытования данных наборов и вариаций жанров: в реальном коммуникативном пространстве и в сознаниях людей, т. е. коммуникативно-языковой компетенции носителей данного типа речевой культуры: они могут не совпадать и даже противоречить друг другу; немаловажно и существующее оценочное отношение к данным жанрам в данных культурах («поддерживаемость» и «неподдерживаемость»): официальное и неофициальное (ср. официальную неподдерживаемость и неофициальную поддерживаемость похабных анекдотов); немаловажно и оценивающее отражение данных жанров в соответствующих сферах данных культур: литературе, СМИ, рекламе.

Третий критерий, конечно, вызывает наибольшие сомнения: ставить знак равенства между распространенностью и интегральностью нельзя, хотя между распространенностью и удачностью модели, видимо, уже можно; удачность же часто проистекает именно из многоаспектности. Сюда относятся наиболее традиционные модели: лексическая, синтаксическая, прагматическая (в этих работах иногда РЖ противопоставляется речевому акту (РА), иногда рассматривается отдельно – как «не-РА», иногда они вообще рассматриваются вместе как нерасчлененное единство).

Наибольшую ценность для ИОРЖ имеют разработанные направления современной лингвистики: прагматическое / речеактовое

и дискурсивное (или дискурсивно-прагматическое); социолингвистическое / коллоквиалистское (пересекается с прагматическим в изучении текстовых структур); функционально-стилистическое (пересекается и с социолингвистическим, и с прагматическим); лексико-семантическое (включая метафоры); психолингвистическое (в том числе онтопсихолингвистическое) и когнитивно-концептологическое (оно в значительной степени пересекается с лексико-семантическим (тогда на первый план выходят оценочные лексемы и когнитивные метафоры) и психолингвистическим, меньше – с социолингвистическим и прагматическим); персонологическое; наконец, художественное.

Данные подходы, в силу их очень большой разработанности, распространенности и известности, нет смысла рассматривать подробно, тем более что о части из них мы уже писали соответствующие довольно подробные обзоры, и сейчас отсылаем читателя к нашим работам: [9, 10, 12, 13, 36, 2: гл. I–III].

О чрезвычайно активно развивающемся **прагматическом / речеактовом и дискурсивном (или дискурсивно-прагматическом) жанроведении** скажем лишь, что многие споры о соотношении РЖ и РА, по нашему мнению, могут быть удовлетворительно и непротиворечиво разрешены, если принять за базовую единицу речи / текста / дискурса не РА, а РЖ, в частности, то, что в западной прагмалингвистике считается речевым актом, мы считаем частным случаем речевого жанра (первичным, простым, монологическим, конвенциональным и т. д.).

Вторым, после прагматического, по степени разработанности теории и методики (и по количеству исследований) является **когнитивная генристика** (аспект «жанрового мышления»): здесь следует подчеркнуть, что в сознании носителей языка жанры организуются вокруг разных вещей: интенций, типов отношений. Очень важны РЖ, организуемые некоторой идеей, «визидением мира» (ср. когнитивные аспекты РЖ, о которых говорит Г. Г. Слышкин [27]). Организующая РЖ идея может быть разной природы: оценочная, утилитарная, фатическая, даже идеологическая. Иногда в результате образуется полноценный жанр (хотя обладающий спецификой, отличающей его от других жанров), иногда – подобие жанра. Часто эта идея проистекает от идеи типа дискурса, которому принадлежит жанр, каковые идеи бывают тоже весьма специфическими: политический, идеологический, волонтерский, даже пародийный (ряд моих статей по конкретным современным жанрам выводил на первый план и такие жанры, и такие организующие

их идеи – ср. *переживательные истории о котиках в парадигме волонтерского дискурса* [55], *отзывы иностранцев о советском фильме* [56] и *популярные статьи о животных* [57]. Очень заметно это в заимствованных РЖ / типах дискурса, когда такие организующие идеи неестественны или даже противоречат другим – естественным параметрам РЖ (ср. многочисленные в современной ТРЖ работы по РЖ *светской беседы*). Таким идеям – как внутрижанровым ценностям – была посвящена моя монография [58].

Художественные жанры: говорить о них, конечно, во многом = пересказывать общеизвестное уже ставшее классикой: в таком смысле жанры и начали изучаться, и изучались только в таком смысле очень долго – пока Бахтин не объединил художественные и нехудожественные жанры в общие – словесности.

Но за всё время существования ТРЖ изучение художественных жанров в большой степени обособилось, да и после привлечения нехудожественных жанров художественные и нехудожественные жанры изучались во многом параллельно, без пересечений или почти без пересечений. «Примирить» их получалось только в немногочисленных моделях общетеоретического характера, создаваемых, что интересно, и лингвистами, и литературоведами [43: 309–366, 59, 60].

6. Актуальные и нерешенные проблемы речевых жанров, которые логично решать через призму речежанровой интегральности

6.1. Типология от ИОРЖ: от речежанровой интегральности → к интегральной типологии РЖ или наоборот?

Пожалуй, наиболее близок к ИОРЖ классификационно-типологический подход в ТРЖ. Он интересует многих жанроведов и очень активно разрабатывался уже на раннем этапе развития ТРЖ (начиная с первых классификаций Бахтина) и не перестал сейчас. В отличие от многих рассмотренных выше подходов, типологический подход имеет преимущественно теоретический характер. Для ИОРЖ наиболее значимым является то, что с развитием данного направления ТРЖ увеличивается количество оснований классификации; и сами основания претендуют на большую надежность (уже тем, что вырабатываются в рамках разных концепций, сравниваются, «отсеиваются» лишние). Типология РЖ через призму ИОРЖ есть метатипология. Типологический подход в ТРЖ неоднороден, деленится на довольно много разных разделов.

Главный параметр метатипологии ИОРЖ, видимо, – деление признаков РЖ, которые могут и должны быть положены в основу типологии РЖ, претендующей на информативность, адекватность, нетривиальность (вернее, не одной, а множества типологий – конкретные признаки и базовые единицы в таких типологиях будут разные, и результаты тоже будут разные, но равно важные и информативные), и признаков РЖ, которые НЕ будут класться в основу типологии. (Чисто теоретически они равноправны, и любой признак может быть положен в основу какой-то классификации, причем будет в этом отношении «не хуже» любого другого, но на практике, конечно, разница есть, и очень существенная. Это известный парадокс лингвистической типологии, который разрешается только с привлечением субъективного момента [61: 60–64]).

Так, довольно большое количество исследований посвящено типологии РЖ внутри одной культуры, разрабатываются принципы такой типологии. Если типологические речежанровые разработки именно внутри одной культуры дают хорошие результаты, то попытки выйти за пределы культуры, механически перенести принципы речежанровой типологии на другую культуру часто оканчивались неудачей (например, попытки найти соответствие русского *разговора по душам* в англосаксонской культуре).

Другое направление – сравнительное: сравниваются РЖ в разных культурах (см. сравнение *выражения сочувствия* в русской и англосаксонской культурах [62], *спора* в русской и англосаксонской [63], *small talk* в англосаксонской культуре и *светской беседы* в русской [64]), выявляются различия как собственно речесистемные и языковые, так и общекультурного плана (как, например, А. Вежбицка сравнивает англосаксонские, польские, русские, японские, малайские и т. д. РЖ и жанроподобные явления, опираясь на лежащие в их основе разные культурные сценарии [65]).

Сравниваются также сами культуры с точки зрения представленных в них наборов РЖ и принципов их организации (например, англосаксонской культуре присуща фатическая центростремительность, русской – фатическая центробежность [66]).

Особое направление типологического жанроведения – разработка типологических характеристик РЖ, используемых при описании отдельных жанров (среди них выделяются универсальные, присущие РЖ во всех культурах, и национально-специфические).

Тем самым ИОРЖ вновь претендует на то, чтобы занять центральное место в составе ТРЖ, которая (в отличие, например, от лингвогенетических концепций) есть по сути теория

типологическая (хотя «чисто типологические» ограничения наподобие неисторичности исправляются пунктом «история» / «культурно-исторический контекст» ИОРЖ, который, как было показано, в ИОРЖ приоритетный).

Избранные для ИОРЖ основания классификации, даже если они те же, что в рамках какой-то частной речежанровой концепции, получают гораздо более обширный, часто – и более разнообразный материал.

Трудности и возможные противоречия связаны с попытками некритично объединить принципы разных типологий, например, выделять, употреблять и оценивать в одном ряду типы РЖ, выделяемые в разных типологиях (ср. формулировку: «*императивные, художественные и вторичные РЖ»).

6.2. Вариантология

Установление тождества жанра, границ между разными жанрами и вариантами одного жанра – одна из важнейших проблем ТРЖ, и способность образовывать варианты относится к важнейшим характеристикам РЖ, поэтому речежанровая вариантология, безусловно, должна быть частью ИОРЖ.

Основы речежанровой вариантологии заложил Бахтин, который выделял два взаимосвязанных, но принципиально разных явления речежанровой динамики: вторичные РЖ и переакцентуацию, где переакцентуация = развитие вариантов жанра, которая впоследствии может приводить, а может не приводить к образованию вторичных РЖ – онтологически связанных с первичными, но принципиально других жанров (в концепции Бахтина новая сфера общения всегда порождает вторичные РЖ) [37: 161–162]; ср.: «Речевые жанры вообще довольно легко поддаются переакцентуации, печальное можно сделать шутливо-веселым, но в результате получается нечто новое (например, жанр шутливой эпитафии)» [Там же: 192].

Современные концепции, развивающие бахтинскую идею вторичного РЖ, исходят из того, что меняется не столько сфера, сколько общий культурный фон, на котором люди используют речь с определенными целями. Исторически изменение какого-то из компонентов фона (межличностные отношения, статус, канал связи) всегда приводит к изменениям жанра; но правила нового жанра немедленно охватывают и другие аспекты речи (как, например, произошло со светской беседой, если сравнить ее с болтовней или сплетнями, или с жанрами виртуального общения блог, форум, чат, если сравнить их с перепиской, дневником, обменом записочками, дружеской беседой). Важно, что любое изменение всегда не только что-то добавляет, но одновременно

что-то ограничивает, порождает один или целую серию запретов.

Данный раздел ТРЖ довольно активно разрабатывается: см., например, монографии М. А. Кантуровой и Т. И. Стексовой [16], докторскую диссертацию Т. Г. Рабенко [67] (защитенную в упоминавшейся Кемеровской лингвистической школе под руководством Н. Б. Лебедевой), однако «общевариантологические» контуры ИОРЖ далеко не до конца ясны.

Много дает для речежанровой вариантологии современная теория тональности, восходящая к названной идее переакцентуации Бахтина.

Выделяется несколько типов коммуникативной тональности: информативная, фатическая, статусная, шутливая, торжественная, гипотетическая, агрессивная, манипулятивная, фасцинирующая (серьезное эстетическое общение), идеологическая (серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим либо чужим), эзотерическая (экзальтированное общение, направленное на поиск тайных знаков, целью которого является получение сакрального знания) (список является открытым) [68: 81–94]; см. также: [69].

Как известно, в лингвистике принято выделять варианты в пределах одной системы, но не в разных (*тропинка, дорожка* – варианты, *стёжка* – нет). Точно так же английский *small talk* нельзя считать вариантом русского жанра *светской беседы* [64].

По всей видимости, это касается и внутринациональных речевых культур: *потчевание* в русской крестьянской культуре – не вариант *потчевания* в русской городской, а другой жанр [70].

По этой причине, например, претендующее на объективность исследование даже такого «простого» и очевидно локального жанра, как *отзыв иностранцев о советском фильме в Рунете* (далее – ОИФ), требует привлечения обширного культурного и исторического контекста, т. е. интегрального описания, как было показано в нашей статье [56].

Факторы, обуславливающие необходимость такого подхода:

а) двойное авторство ОИФ: автор оригинального высказывания о советском фильме на английском языке и русскоязычный автор, который отбирает, переводит и иногда комментирует данные высказывания иностранцев, создавая собственно текст ОИФ на русском языке. За речевой деятельностью авторов стоят разные культурные картины, ценности, оценочные шкалы, представления о жанрах, содержании, технике и т. д. фильмов, включая знания о правилах написания текстов рецензий;

б) иностранец оценивает явление чужой ему культуры. Иностранец предстает как носитель «мировой» культуры (набора знаний о знаковых

произведениях культуры), системы ценностей, оценок; компетенций в плане написания кинокритик; знаний о русской / советской культуре (в том числе кино), включая стереотипы (эти «знания» часто ущербны: содержат лакуны и ошибки, что вызывает отдельный интерес у читателя);

в) русскоязычный автор же выступает как подчеркнута «свой» по отношению к читателю: носитель тех же знаний, ценностей, оценок, включая оценки советских фильмов. Так, постоянно подчеркивается, что он любит советские фильмы и советскую культуру, а к западным ценностям (включая нормы западных жанров – критики и интернет-речи) относится хотя и в целом толерантно, но критично, часто – иронично (такое позиционирование себя $R_{yc}A_{вт}$ не всегда кажется убедительным) [Там же].

Так же обстоят дела в диахронии: ср., например, наше исследование жанра *научно-популярной статьи о животных* в советской печати XX в. и публикациях в Рунете XXI в. [57] – рассмотрение динамики жанра выявило столь большие различия, что потребовалось привлечение очень обширного культурного и исторического контекста.

Этим вариативный подход принципиально противопоставлен типологическому, но различить их далеко не всегда бывает просто.

Актуальными исследованиями, которые «открывают» ИОРЖ, могут стать, например, изучение гетерогенных ситуаций, жанров несловесности и т. п. Мы планируем в ближайшее время написать отдельные статьи на эти темы.

6.3. Прикладной и экспериментальный аспекты ИОРЖ

Любая теория предполагает появление – факультативного или более значимого для самой теории – прикладного аспекта; теория же глобальная, интегральная – предполагает появление целого ряда прикладных аспектов.

Для ИОРЖ безусловно значимо современное (опирающееся на технические, «цифровые» возможности) развитие изучения очень традиционного **словарного аспекта** (словарное представление РЖ; лексикографическая информация при описании отдельных РЖ и их групп), а также – пожалуй, целиком – **корпусный аспект** (сюда входит по сути то же самое + включение в анализ ключевых фраз РЖ, отражение их в корпусах, в том числе количественное).

В «прикладном идеале», вероятно, ИОРЖ должно представлять собой собрание, систематизацию, формализацию, а также «цифровизацию» с размещением в соответствующих базах и проектах-опытах, обеспечивающих и хранение, и пополнение, и какое-то членение,

и поиск (словари, словники, конкордансы, энциклопедии / антологии (включая электронные с различными способами представления, поиска, разметки); корпуса и подкорпусы; атласы национальных культур с точки зрения РЖ, в том числе электронные², поисковики), и разметкой данных, полученных в результате разнообразных исследований, реализующих разные подходы и даже разные концепции РЖ.

Новая эпоха и порожденные ею возможности позволяют не только электронное представление «Энциклопедии РЖ», наподобие многочисленных и разнообразных электронных словарей, но и разметку по различным важным с точки зрения ИОРЖ принципам; в результате (теоретические вопросы РЖ) что-то дополнительно проясняется в их понимании, а что-то – и создается (ср. наши размышления о факторе РИНЦ как жанрообразующем, а также наши статьи о РЖ в связи с цифровизацией словесности) [36, 71].

Главный вывод из прикладной части: в будущей энциклопедии РЖ, составленной на основе ИОРЖ, будут важные пункты «представление жанра в НКРЯ / РИНЦ, а также в нейросети, чат-ботах», ключевые фразы жанра и их актуализация через количество вхождений в корпусах.

7. Об опасности эклектичности и возможности ее преодоления

Конечно, опасность эклектичности есть при построении любой интегральной, многокомпонентной, ступенчатой и т. п. модели.

Как известно, некоторые исследования по РЖ стоят настолько особняком, что принципиально не могут быть объединены с другими в одну концепцию и/или методическую модель. Речь, конечно, не столько о терминологии (именно оригинальную, «непонятную другим» терминологию сами авторы нередко считают своим достоинством, что, понятно, сомнительно), сколько о принципиальной разнице между взглядами – хотя и на одни и те же рассматриваемые явления, но настолько под разным углом, в ином свете, – что объекты в результате предстают фактически иными. Совместить некоторые подходы, взгляды, теоретические плоскости иногда очень трудно, но можно и теоретически и практически полезно, многие – невозможно и не нужно (такие как оценка жанров одной национальной культуры по наборам жанров и жанровым параметрам, присущим другой культуре, или оценка жанров одной эпохи по наборам жанров и жанровым параметрам, присущим другой эпохе).

Не претендуя дать полный список таких противоречащих друг другу подходов, назовем

²Возможно, напоминающие Всемирный атлас языковых структур «ВАЛБЦ»: <http://wals.info/>.

несколько, с нашей точки зрения, наиболее принципиальных: хотя их ценность для собственно положений и методики ИОРЖ может вызывать сомнения, они должны учитываться при обсуждении общих теоретических положений ИОРЖ; в то же время все они касаются достаточно важных особенностей и закономерностей РЖ, возможно, недостаточно объясняемых другими моделями – настолько, что ни «выкинуть», ни «растворить» в других концепциях их невозможно.

• Прежде всего здесь должны быть названы традиционно противоположные подходы: **инвариантный и прототипный**. Ко второму примыкает **концептологический**, точнее, та его часть, которая затрагивает образный компонент концепта – метафоры и онтологически близкие к метафорам вторичные РЖ. В целом к прототипному больше склоняется не столько речевая модель, сколько текстовый, особенно интертекстуальный, идущий от прецедентности: вторичные тексты, а не жанры: жанры всегда несколько абстрактны (⇒ типологический подход). Соединить эти два подхода – инвариантный и прототипный – трудно, но пытались, например, докторанты-жанроведы из школы Т. В. Матвеевой: Т. В. Ицкович, М. А. Ширинкина, школы Н. Б. Лебедевой – Т. Г. Рабенко.

• **Формацентризм – содержательноцентризм**, где РЖ-подход тяготеет к содержательноцентризму, отсюда – тяготение РЖ-подхода, как и других в этом ряду, к единичности, широким контекстам, литературоцентричности (ср. «жанрово-речевые сценки» и «генрогенные ситуации» как часть «субстанционального» подхода).

Частью этого противоречия является, вероятно, противопоставление: общефилологический (описательный) ~ формальный (подобное противопоставление было при изучении речевых актов, но там, где преобладала западная традиция, больших успехов достиг второй; у нас же – как раз первый) (ср.: [46, 72, 73]).

• Описание **по разным точкам зрения / изнутри РЖ и извне** (противопоставление, сформулированное А. Д. Шмелёвым [74]), полагаем, является одним из главных отличий ИОРЖ от параметрического / компонентного описания. Ср. различные представления жанра со стороны коммуникации (описание протекания коммуникации, поворотов, ходов, реакций и т. д.) и со стороны языка (например имён РЖ, а также различные языковые инвентари: стилистически отмеченные, этикетные, инвективы, вокативы). Кроме того, при описании со стороны коммуникации важно различать точки зрения самих коммуникантов и наблюдателей (простых носителей языка + речевых компетенций и исследователей-жанроведов).

Ср. также оценочные характеристики жанра (или действия / акта в составе жанра, внутрижанровой стратегии и подоб.) – прилагательные, наречия: оценивается манера исполнения жанра, при этом: а) общая оценка РЖ сохраняется и усиливается (жанр исполняется правильно): *задушевный, искренний, мудрый разговор по душам, высокохудожественный роман...*; б) противоречит или противоположна общей оценке РЖ (жанр исполняется неправильно): *фальшивый разговор по душам, графоманский роман...*. Вопрос этот, впрочем, не очевидный, скорее дискуссионный: должно ли описание по разным точкам зрения быть в ИОРЖ? Если интегральное – вроде бы да; если это ОДНА модель – нет.

• Как уже было сказано, мы не считаем критичным противоречием, рядомположенным названным, когда одно и то же явление рассматривается как РЖ или РА.

• Не столь принципиальным представляется и такое «конкретно-научное» противопоставление (с чисто теоретической точки зрения данное разграничение и противопоставление очевидно незначимо), как разграничение тех направлений, **где уже многое сделано**, и тех, **где может быть** (как нам кажется) **сделано**, но реально сделано не много.

В этом принципиальное отличие, например, от теории речевых актов (ТРА), где такого противопоставления нет: из-за гораздо меньшего уровня единицы у нее и гораздо меньше аспектов (прежде всего, гораздо меньше или отсутствует диалогический / диалогообразующий потенциал) (конечно, это не значит, что их (аспектов) мало и они уже изучены до конца, что не могут появиться новые).

Заключение

Теоретической основой ИОРЖ считаем представление о РЖ как основе речевой системы, соответственно среди единиц речи – главной; остальные же единицы речи рассматриваются через призму *околожанрового пространства речи*.

Главный практический вывод ИОРЖ – будущая энциклопедия РЖ, составленная на основе ИОРЖ, где на основе ИОРЖ же определяется структура статьи, а именно:

- прагматика (цели; ролевая структура и отдельные (локальные) цели каждого из коммуникантов);
- сферы (≈стили);
- лексика (имена РЖ и их компонентов);
- композитность жанра (РА, стратегии, тактики и т. д. в его составе и отдельные (локальные) цели каждого из компонентов);
- когнитивный аспект (коммуникативные концепты и их компоненты);

- культура (поддерживаемые и неподдерживаемые РЖ);
- история (первичные-вторичные РЖ, речежанровые заимствования);
- внутреннее (изнутри) и внешнее оценочное отношение к данному жанру;
- представление жанра в НКРЯ / РИНЦ (в том числе ЖРС) и т. п.;
- ключевые фразы жанров и их актуализация в НКРЯ / РИНЦ.

Логично сравнить судьбу будущего ИОРЖ с судьбой ИОЛ, оказавшего заметное влияние на последующее развитие лингвистики (фактически разделами ИОЛ стали не только непосредственно книги Ю. Д. Апресяна, но и созданные им и его соратниками словари³, и некоторые разделы будущей (тогда) науки концептологии⁴. Кстати, наши размышления об Энциклопедии РЖ и отношениях ЭРЖ и ИОРЖ развивают эту же логику.

Здесь уместно также сравнение с типологическим методом, ставшим очень влиятельным в различных направлениях лингвистики: он хотя и изначально предполагает скорее не изучение какого-то одного отдельно взятого языка, а сравнение многих (всех) языков, но в реальности довольно частотно используется при описании именно отдельных языков – как до-

полнительные типологические характеристики данного языка, а именно: место его по отношению к системам других языков (В. Скаличка [47: 98–99]).

ИОРЖ, вероятно, может занять свое место в описаниях отдельных жанров – как 1) глобальная модель, некоторые параметры которой используются при описании данного жанра (с указанием, какие именно параметры были использованы и – не менее важно – какие еще могли бы быть использованы, с обозначением перспективы или без нее); 2) выявление и фиксация каких-то характеристик жанра, которые релевантны и для других жанров (внутри данной или других лингвокультур, где проявляются в большей или меньшей степени).

ИОРЖ, мы полагаем, позволит: 1) более эффективно использовать достижения отдельных направлений ТРЖ при анализе жанров, 2) сравнить эти направления, попытаться преодолеть непринципиальные противоречия (непринципиальные противоречия проистекают, прежде всего, из разной терминологии), 3) дать для будущих исследований теоретическую плоскость, наличие которой, вероятно, сделает их более успешными (одновременно интегральными, непротиворечивыми и простыми).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова Т. В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 40 с.
2. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский дом ЯСК, 2022. 832 с. (Studia Philologica).
3. Бузальская Е. В. Лингвокогнитивная типология речевых жанров: на материале эссе // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 30–36. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-30-36>
4. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99–111.
5. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 103–112.
6. Гиндин С. И. Болевые точки теории речевых жанров // Русский язык сегодня. Вып. 6 : Речевые жанры современного общения : сб. докл. М. : Институт рус. языка им. В. В. Виноградова РАН, 2015. С. 55–61.

7. Гольдин В. Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 4–6.

8. Девяткин Д. А., Каджая Л. А., Салимовский В. А. Жанры речи как объект компьютерного анализа (на материале научных текстов) // Жанры речи. 2019. № 2 (22). С. 86–104. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-86-104>

9. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109–121.

10. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.

11. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.

12. Дементьев В. В. Жанры в меняющемся мире: креационистские потенциалы речевых жанров и эпистемологические потенциалы теории речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 6–21. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>

13. Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27).

³Ср. «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (М. : Языки славянской культуры, 2004; под ред. Ю. Д. Апресяна), целый ряд статей которого (около 30) посвящен фактически именам речевых жанров (беседа, брань, «брюзжание», ворчание, высмеивание, «дерзость», доказательство, жалоба, извинение, капризничание, молва, мольба, оправдание, осуждение, порицание, похвальба, предсказание, «придирки», просьба, прощение, разрешение, рекомендация, слухи, совет, убеждение, уверение, угроза, укор, упрек, ябедничество и др.), и «Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика» Л. М. Васильева (Уфа, 2005), в котором выделяется обширная тематическая группа «предикаты речи» (глаголы и именные корреляты). Еще больше это касается словаря «Ответные реплики в русской диалогической речи» В. Т. Бондаренко (о речежанровой значимости этого словаря см.: [75]).

⁴Ср. Апресяновские идеи в восьмитомной «Антологии концептов» [76], двухтомной «Антологии типажей» [77, 78].

С. 172–194. <https://doi.org/10.18500/23110740-2020-3-27-172-194>

14. Дементьев В. В. Снова о «жанрах речи и языке речи»: что дала жанроведению лингвистика? // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 1 (33). С. 6–20. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20>

15. Дускаева Л. Р. О жанровых текстовых категориях // *Жанры речи*. 2016. № 2 (14). С. 25–32. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-25-32>

16. Кантурова М. А., Стеклова Т. И. Производность и вариативность речевых жанров. Новосибирск : Новосибир. гос. пед. ун-т, 2019. 128 с.

17. Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // *Жанры речи*. 2019. № 1 (21). С. 49–55. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>

18. Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // *Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 52–61.*

19. Красных В. В. Жанры речи сквозь призму многомерности бытия Человека говорящего // *Жанры речи*. 2015. № 1 (11). С. 9–14. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2015-1-11-9-14>

20. Маслова В. А. Теория речевых жанров сквозь призму современной лингвистики // *Жанры речи*. 2021. № 1 (29). С. 6–11. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-6-11>

21. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. 235 с.

22. Салимовский В. А., Яруллин Д. В. О тождестве речевого жанра // *Жанры речи*. 2017. № 2 (16). С. 151–159. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159>

23. Седов К. Ф. Анатомия жанров бытового общения // *Вопросы стилистики*. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1998. Вып. 27. С. 9–20.

24. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // *Антология речевых жанров: повседневная коммуникация*. М. : Лабиринт, 2007. С. 7–38.

25. Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // *Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 23–40.*

26. Сиротина О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // *Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 26–31.*

27. Слышкин Г. Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // *Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 34–49.*

28. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *Вопросы языкознания*. 1997. № 5. С. 102–120.

29. Шевченко И. С. Концепт коммуникативного поведения и жанр // *Жанры речи*. 2015. № 1 (11). С. 23–29.

30. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // *Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.*

31. Шурина Ю. В. Речевые жанры комического в современной массовой коммуникации. Чита : Забайкальский гос. ун-т, 2015. 223 с.

32. Askehave I., Nielsen A. What are the Characteristics of Digital Genres? // *Genre Theory from a Multi-modal Perspective. Proceedings of the 38th Hawaii International Conference on System Sciences*. University of Hawaii at Manoa. 2005. P. 120–141. <https://doi.org/10.1109/HICSS.2005.687>

33. Automatic Genre Identification: Issues and Prospects // *Journal for Language Technology and Computational Linguistics*. 2009. Vol. 24, № 1.

34. Bhatia V. K. Critical Genre Analysis: Theoretical Preliminaries // *HERMES-Journal of Language and Communication in Business*. 2015. Vol. 27, № 54. P. 9–20.

35. Giltrow J. Genre and Difference: The Sociality of Linguistic Variation // *Syntactic Variation and Genre / eds. H. Dorgeloh, A. Wanner*. Berlin ; New York : De Gruyter Mouton, 2010. P. 1–26.

36. Дементьев В. В. Новая дискурсивная революция? (к осмыслению двух типологических характеристик интернет-коммуникации) // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2021. Т. 80, № 2. С. 64–80. <https://doi.org/10.31857/S241377150014556-4>

37. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 5 т. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. С. 159–206.

38. Дементьев В. В. Аспекты проблемы «жанр и язык»: жанры речи и... «язык речи»? // *Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 5–22.*

39. Дённингхаус С. Теория речевых жанров М. М. Бахтина в тени прагмалингвистики // *Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 104–117.*

40. Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов : Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1998. 107 с.

41. *Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. 351 с.*

42. Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. Психо- и социолингвистический аспекты. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 180 с.

43. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : Издательский дом ЯСК, 2016. 440 с. (*Studia Philologica*).

44. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // *Вопросы языкознания*. 1986. № 2. С. 57–70.

45. Апресян Ю. Д. Грамматика глагола в активном слове (АС) русского языка // *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука*. М. : Языки славянских культур, 2012. С. 42–59.

46. Алпатов В. М. Что и как изучает языкознание // *Вопросы языкознания*. 2015. № 3. С. 7–21.

47. Скаличка В. Копенгагенский структурализм и «Пражская школа» // Звезгинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Изд. 2-е. Ч. 2. М. : Учпедгиз, 1960. С. 92–99.

48. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М. : Русские словари, 1999. 396 с.

49. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 430 с.
50. Лебедева Н. Б. Жанры естественной письменной речи // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 116–123.
51. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // Language@Internet, 2007. № 4. Article 1. Retrieved April 26, 2009, from <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761>
52. Маланчук И. Г. Речь как психический процесс : монография. Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2009. 285 с.
53. Дементьев В. В. «Анкета речевого жанра» Т. В. Шмелёвой: прошлое, настоящее, будущее (к 30-летию жанроведческой модели) // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 252–262. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>
54. Дементьев В. В. Некоторые методологические принципы изучения речежанровых заимствований // Вестник Российского университета дружбы народов : научный журнал. Сер. Лингвистика. 2016. № 1. С. 7–24.
55. Дементьев В. В. Переживательные истории о котиках в Рунете в парадигме жанров волонтерского дискурса // Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 305–326. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-305-326>
56. Дементьев В. В. Отзыв иностранцев о советском фильме как жанр Рунета // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 3 (35). С. 220–233. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-220-233>
57. Дементьев В. В. Научно-популярные статьи о животных: речежанровые характеристики и их динамика (на материале советской печати XX в. и публикаций в Рунете XXI в.) // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 43–57. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-43-57>
58. Дементьев В. В. Речежанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2016. 396 с.
59. Прозоров В. В. О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 142–150. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150>
60. Прозоров В. В. Лирический дискурс / текст как речежанровый кроссовер // Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 126–135. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-126-135>
61. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Изд-во иностр. лит., 1963. Вып. 3. С. 60–94.
62. Казачкова Ю. В. Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении (жанровый аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 21 с.
63. Горбачева Е. Н. Спор как лингвокультурный концепт : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.
64. Фенина В. В. Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 20 с.
65. Вежбицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 118–156.
66. Дементьев В. В., Фенина В. В. Центробежность и центростремительность праздоречевых жанров (на материале русского и английского языков) // Антропологическая лингвистика. Вып. 7. Волгоград : Колледж, 2007. С. 30–58.
67. Рабенко Т. Г. Жанры естественной письменной русской речи в вариантологическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2018. 50 с.
68. Карасик В. И. Коммуникативная тональность // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 81–94.
69. Багдасарян Т. О. Тональность как компонент модели речевого жанра (на материале речевого жанра «угроза») // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 240–245.
70. Иванцова Е. В. Речевой жанр потчевания в традиционной народной культуре // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. С. 269–279.
71. Дементьев В. В. Статья по жанрам речи в журнале «Жанры речи» как... жанр речи? // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 12–33. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33>
72. Алпатов В. М. О двух «детских болезнях» современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры) // Жанры речи. 2014. № 1-2 (9-10). С. 9–15.
73. Дементьев В. В. О некоторых содержательно-центричных тенденциях в современной отечественной лингвистике // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2021. № 72. С. 42–73. <https://doi.org/10.17223/19986645/72/3>
74. Шмелёв А. Д. Русские речевые жанры извне и изнутри // Русский язык сегодня. Вып. 6 : Речевые жанры современного общения : сб. докладов / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН ; отв. ред. А. В. Занадворова. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2015. С. 372–380.
75. Киреева Е. З. О возможностях словаря «Ответные реплики в русской диалогической речи» В. Т. Бондаренко // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 317–324. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-317-324>
76. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика и И. А. Стернина. Т. 1–8. Волгоград : Парадигма, 2005–2009.
77. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград : Парадигма, 2005. 310 с.
78. Лингвокультурные типы: признаки, характеристики, ценности: коллективная монография / под ред. О. А. Дмитриевой. Волгоград : Парадигма, 2010. 228 с.

REFERENCES

1. Anisimova T. V. *Typology of genres of business speech (rhetorical aspect)*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Krasnodar, 2000. 40 p. (in Russian).
2. Balashova L. V., Dementyev V. V. *Russkiye rechevyye zhanry* [Russian speech genres] (Studia Philologica). Moscow, LRC Publishing House, 2022. 832 p. (in Russian).
3. Buzalskaya E. V. Linguocognitive typology of speech genres: On the basis of an essay. *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 30–36 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-30-36>
4. Wiezhbicka A. *Speech genres. Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov,

GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 99–111 (in Russian).

5. Gajda S. Genres of spoken utterances. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1999, iss. 2, pp. 103–112 (in Russian).

6. Gindin S. I. Pain points of the theory of speech genres. *Russian language today. Vol. 6: Speech genres of modern communication.* Moscow, V. V. Vinogradov Russian Langwagw Institute of RAS Publ., 2015, pp. 55–61 (in Russian).

7. Goldin V. E. Problems of genre studies. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1999, iss. 2, pp. 4–6 (in Russian).

8. Devyatkin D. A., Kadzhaya L. A., Salimovsky V. A. Speech genres as an object of computer analysis (based on academic texts). *Speech Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 86–104 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-86-104>

9. Demytyev V. V. The study of speech genres. A review of works in modern Russistics. *Topics in the Study of Language*, 1997, no. 5, pp. 109–121 (in Russian).

10. Demytyev V. V. *Teorija rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian).

11. Demytyev V. V. The theory of speech genres and actual processes of the modern speech. *Topics in the Study of Language*, 2015, no. 6, pp. 78–107 (in Russian).

12. Demytyev V. V. Genres in changing world: Creationistic potentials of speech genres and epistemological potentials of the theory of speech genres. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 6–21 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>

13. Demytyev V. V. What have genre studies given to modern linguistics? *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 172–194 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/23110740-2020-3-27-172-194>

14. Demytyev V. V. About “genres of speech and language of speech” again: What has linguistics given to genre studies? *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 1 (33), pp. 6–20 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-6-20>

15. Duskajeva L. R. About genre text categories. *Speech Genres*, 2016, no. 2, pp. 25–32 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-25-32>

16. Kanturova M. A., Steksova T. I. *Proizvodnost' i variativnost' rechevykh zhanrov* [Productivity and variability of speech genres]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2019. 128 p. (in Russian).

17. Karasik V. I. Genres of network discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 49–55 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>

18. Kozhina M. N. Speech genre and speech act: Some aspects of the problem. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1999, iss. 2, pp. 52–61 (in Russian).

19. Krasnykh V. V. Speech genres through the prism of the multidimensionality of homo loquens. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 9–14 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2015-1-11-9-14>

20. Maslova V. A. Speech genre theory through the prism of modern linguistics. *Speech Genres*, 2021, no. 1 (29), pp. 6–11 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-6-11>

21. Salimovskiy V. A. *Zhanry rechi v funktsionalno-stilisticheskoy osveshchenii* [Genres of speech in functional and stylistic aspects]. Perm, Perm State University Publ., 2002. 235 p. (in Russian).

22. Salimovsky V. A., Yarullin D. V. On a speech genre identity. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 151–159 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159>

23. Sedov K. F. Anatomy of the genres of everyday communication. *Voprosy stilistiki* [Questions of stylistics]. Saratov, Saratov State University Publ., 1998, iss. 27, pp. 9–20 (in Russian).

24. Sedov K. F. Man in the genres of modern communication space. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres: Daily communication]. Moscow, Labirint, 2007, pp. 7–38 (in Russian).

25. Sedov K. F. Linguistics. Speech studies. Genristics. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, ITs “Nauka”, 2009, iss. 6. Genre and language, pp. 23–40 (in Russian).

26. Sirotnina O. B. Some reflections on the terms “speech genre” and “rhetorical genre”. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, ITs “Nauka”, 1999, iss. 2, pp. 26–31 (in Russian).

27. Slyshkin G. G. Speech genre: Prospects of conceptology analysis. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, ITs “Nauka”, 2005, iss. 4, pp. 34–49 (in Russian).

28. Fedosyuk M. Yu. Unsolved problems in the theory of speech genres. *Topics in the Study of Language*, 1997, no. 5, pp. 102–120 (in Russian).

29. Shevchenko I. S. Concept of communicative behavior and genre. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 23–29 (in Russian).

30. Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).

31. Shchurina Yu. V. *Rechevyye zhanry komicheskogo v sovremennoy massovoy kommunikatsii* [Comic speech genres in modern mass communication]. Chita, Transbaikalian State University Publ., 2015. 223 p. (in Russian).

32. Askehave I., Nielsen A. What are the Characteristics of Digital Genres? *Genre Theory from a Multi-modal Perspective. Proceedings of the 38th Hawaii International Conference on System Sciences.* University of Hawaii at Manoa, 2005, pp. 120–141. <https://doi.org/10.1109/HICSS.2005.687>

33. Automatic Genre Identification: Issues and Prospects. *Journal for Language Technology and Computational Linguistics*, 2009, vol. 24, no. 1.

34. Bhatia V. K. Critical genre analysis: Theoretical Preliminaries. *HERMES-Journal of Language and Communication in Business*, 2015, vol. 27, no. 54, pp. 9–20.

35. Giltrow J. Genre and Difference: The Sociality of Linguistic Variation. In: Dorgeloh H., Wanner A., eds. *Syntactic Variation and Genre.* Berlin, New York, De Gruyter Mouton, 2010, pp. 1–26.

36. Demytyev V. V. A new discursive revolution? (to the comprehension of two typological characteristics of Internet communication). *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2021, vol. 80, no. 2, pp. 64–80 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S241377150014556-4>

37. Bakhtin M. M. Problem of speech genres. *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij : v 4 t. T. 5. Raboty 1940–1960 godov* [Collected works : in 5 vols. Vol. 5. Works of 1940–1960]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1996, pp. 159–206 (in Russian).
38. Demytyev V. V. Aspects of the problem “genre and language”: The genres of speech and... “language of speech”? *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, ITs “Nauka”, 2009, iss. 6. Genre and language, pp. 5–22 (in Russian).
39. Dönninghaus S. M. M. Bakhtin’s theory of speech genres in the shadow of linguistic pragmatics. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 2002, iss. 3, pp. 104–117 (in Russian).
40. Demytyev V. V., Sedov K. F. *Sotsiopragsmaticheskij aspekt teorii rechevykh zhanrov* [Sociopragmatic aspect of the speech genres theory]. Saratov, Saratov Pedagogical Institute Publ., 1998. 107 p. (in Russian).
41. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 7. Zhanr i yazykovaya lichnost’* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, ITs “Nauka”, 2011, iss. 7. Genre and language personality. 351 p. (in Russian).
42. Sedov K. F. *Stanovleniye diskursivnogo myshleniya yazykovoy lichnosti. Psiko- i sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Formation of discursive thinking of a linguistic personality. Psycho- and sociolinguistic aspects]. Saratov, Saratov State University Publ., 1999. 180 p. (in Russian).
43. Sedov K. F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and anthropocentric linguistics] (Studia Philologica). Moscow, LRC Publishing House, 2016. 440 p. (in Russian).
44. Apresyan Yu. D. Integral description of the language and explanatory dictionary. *Questions of Linguistics*, 1986, no. 2, pp. 57–70 (in Russian).
45. Apresyan Yu. D. Verb grammar in the active dictionary of the Russian language. In: *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchiye syuzhety: sbornik statey v chest’ 80-letiya I. A. Mel’chuka* [Meanings, texts and other exciting stories: Collection of articles in honor of the 80th anniversary of I. A. Melchuk]. Moscow, LRC Publishing House, 2012, pp. 42–59 (in Russian).
46. Alpatov V. M. What and how studies linguistics. *Topics in the Study of Language*, 2015, no. 3, pp. 7–21 (in Russian).
47. Skalichka V. Copenhagen Structuralism and the “Prague School”. In: *Zvegintsev V. A. Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh. Izd. 2-e. Ch. 2* [Zvegintsev V. A. History of Linguistics XIX–XX centuries in essays and extracts. 2nd ed. Part 2]. Moscow, Uchpedgiz, 1960, pp. 92–99 (in Russian).
48. Kitajgorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Rech’ moskvichej. Kommunikativno-kul’turologicheskij aspekt* [Speech of Muscovites. Communicative and cultural aspect]. Moscow, Russkie slovari, 1999. 396 p. (in Russian).
49. Borisova I. N. *Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika* [Russian spoken dialogue: The structure and dynamics]. Yekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2001. 430 p. (in Russian).
50. Lebedeva N. B. Genres of natural writing. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres: Everyday communication]. Moscow, Labirint, 2007, pp. 116–123 (in Russian).
51. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. *Language@Internet*, 2007, no. 4. Article 1. Retrieved April 26, 2009, from <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761>
52. Malanchuk I. G. *Rech’ kak psikhicheskii protsess: monografiya* [Speech as a mental process: Monograph]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev Publ., 2009. 285 p. (in Russian).
53. Demytyev V. V. “Questionnaire of a Speech Genre” of T. V. Shmeleva: Past, Present, Future (for the 30th Anniversary of the Genre Model). *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 252–262 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>
54. Demytyev V. V. Some methodological principles of studying of speech genres borrowing. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*, 2016, no. 1, pp. 7–24 (in Russian).
55. Demytyev V. V. Heart-moving stories about kitties in Runet in the paradigm of the genres of volunteer discourse. *Speech Genres*, 2021, no. 4 (32), pp. 305–326 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-4-32-305-326>
56. Demytyev V. V. Foreigners’ review of the Soviet film as a genre of Runet. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 3 (35), pp. 220–233 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-220-233>
57. Demytyev V. V. Popular science articles about animals: Speech genre characteristics and their dynamics (on the material of the Soviet press of the 20th century and publications in Runet of the 21st century). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 43–57 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-43-57>
58. Demytyev V. V. *Rechezhanrovyye kommunikativnyye tsennosti v novykh i noveyshikh sferakh russkoy rechi* [Speech genre communicative values in the new and newest spheres of Russian speech]. Saratov, Saratov State University Publ., 2016. 396 p. (in Russian).
59. Prozorov V. V. Typology of speech genres in terms of fiction-writing modes theory. *Speech Genres*. 2017, no. 2 (16), pp. 142–150 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150>
60. Prozorov V. V. Lyric discourse / text as a speech-genre crossover. *Speech Genres*, 2021, no. 2 (30), pp. 126–135 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-126-135>
61. Greenberg J. Quantitative approach to the morphological typology of languages. *New in Foreign Linguistics*, Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury, 1963, iss. 3, pp. 60–94 (in Russian).
62. Kazachkova Yu. V. *Expression of sympathy in Russian and English speech communication (genre aspect)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2006. 21 p. (in Russian).
63. Gorbacheva E. N. *Dispute as a linguocultural concept*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2006. 20 p. (in Russian).
64. Fenina V. V. *Speech Genres “small talk” and “svetskaya beseda” in the Anglo-American and Russian cultures*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2005. 20 p. (in Russian).
65. Wierzbicka A., Goddard K. Discourse and Culture. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 2002, iss. 3, pp. 118–156 (in Russian).

66. Demytyev V. V., Fenina V. V. Centrifugality and centripetality of idle speech genres (on the material of russian and english languages). *Antropologicheskaya lingvistika. Vyp. 7* [Anthropological Linguistics, iss. 7]. Volgograd, CKolledzh, 2007, pp. 30–58 (in Russian).
67. Rabenko T. G. *Genres of natural written Russian language in the variantological aspect*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2018. 356 p. (in Russian).
68. Karasik V. I. Communicative tonality. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, ITs “Nauka”, 2007, iss. 5. Genre and culture, pp. 81–94 (in Russian).
69. Bagdasaryan T. O. Tonality as a component of the speech genre model (on the material of the speech genre “threat”). *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 2002, iss. 3, pp. 240–245 (in Russian).
70. Ivantsova E. V. Speech genre of regaling in traditional folk culture. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, ITs “Nauka”, 2011, iss. 7. Genre and linguistic personality, pp. 269–279 (in Russian).
71. Demytyev V. V. An article on speech genres in the “Speech genres” journal as... a speech genre?. *Speech Genres*, 2021, no. 1 (29), pp. 12–33 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33>
72. Alpatov V. M. About two “childhood diseases” of modern linguistics (language, ideology, speech genres). *Speech Genres*, 2014, no. 1-2 (9-10), pp. 9–15 (in Russian).
73. Demytyev V. V. About some content-centric trends in modern Russian linguistics. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2021. no. 72, pp. 42–73 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/19986645/72/3>
74. Shmelev A. D. Russian speech genres from the outside and from the inside. *Russkiy yazyk segodnya. Vyp. 6: Rechevyye zhanry sovremennogo obshcheniya: sb. dokladov. In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, otv. red. A. V. Zavadvorova* [Zanadvorova A. V., ed. Russian language today. Vol. 6: Speech genres of modern communication. V. V. Vinogradov Institute of Russian Language of Academy of Sciences]. Moscow, Flinta, Nauka, 2015, pp. 372–380 (in Russian).
75. Kireeva E. Z. On opportunities of dictionary “Response Remarks in Russian Dialogic Speech” by V. T. Bondarenko. *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 317–324 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-317-324>
76. *Antologiya kontseptov. Pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. T. 1–8* [Karasik V. I., Sternin I. A., eds. Anthology of concepts. Vol. 1–8]. Volgograd, Paradigma, 2005–2009 (in Russian).
77. *Aksiologicheskaja lingvistika: lingvokul’turnye tipazhi: sb. nauch. tr. Pod red. V. I. Karasika* [Karasik V. I., ed. Axiological linguistics: Linguocultural character types: Coll. of sci. works]. Volgograd, Paradigma, 2005. 310 p. (in Russian).
78. *Lingvokul’turnye tipazhi: priznaki, kharakteristiki, tsennosti: kollektivnaya monografiya. Pod red. O. A. Dmitriyevoy* [Dmitrieva O. A., ed. Linguistic and cultural types: Signs, characteristics, values: Collective monograph]. Volgograd, Paradigma, 2010. 228 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 20.08.2022; одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 30.09.2022
The article was submitted 20.08.2022; approved after reviewing 16.09.2022; accepted for publication 30.09.2022

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 23–28

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 23–28

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-23-28>, EDN: RNBWXI

Научная статья

УДК 81'23'42

Литературный жанр в сознании читателя: эмпирический подход

И. А. Тарасова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры начального
языкового и литературного образования, tarasovaia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3188-215X>

Аннотация. С когнитивной точки зрения литературные жанры не существуют независимо от их восприятия, они должны быть каким-то образом воплощены в читательском сознании. Когнитивный подход к жанру предполагает в качестве одной из задач рассмотрение жанра как ментальной репрезентации. Согласно нашей гипотезе, эта репрезентация сочетает образный и пропозициональный способы кодирования информации. Не вызывает сомнений, что реконструкция ментальной репрезентации жанра в сознании читателя требует проведения экспериментального исследования. В настоящей статье обнародованы результаты анкетирования, проведенного среди студентов педагогических специальностей факультета психолого-педагогического и специального образования Саратовского университета и учащихся школ города Саратова. Данные эксперимента свидетельствуют, что представление о литературном жанре может опираться на кластерную модель: читатель выделяет ряд признаков, по которым идентифицирует жанр. Не менее актуальна прототипическая модель жанра: в сознании читателя принадлежность отдельного произведения к тому или иному жанру определяется его сходством с «наилучшим» жанровым образцом – эталоном, или прототипом. Количество таких эталонов не очень велико. Как правило, этот статус приобретают произведения, входящие в школьный литературный канон. В представлении читателя жанровые классы не являются образованиями с четкими границами. Они построены по признаку «фамильного сходства». Когнитивная модель жанра в сознании читателя обладает признаками поля. Проведение жанровых исследований когнитивной направленности требует разработки специальной анкеты, учитывающей уровень обычного (наивного) читателя, нефилолога.

Ключевые слова: литературный жанр, наивный читатель, ментальная репрезентация, эмпирическое исследование, когнитивная модель жанра

Для цитирования: Тарасова И. А. Литературный жанр в сознании читателя: эмпирический подход // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 23–28. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-23-28>, EDN: RNBWXI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Literary genre in the mind of the reader: Empirical approach

I. A. Tarasova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina A. Tarasova, tarasovaia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3188-215X>

Abstract. From a cognitive point of view, literary genres do not exist regardless of their perception; they should be embodied in the reader's mind. The purpose of cognitive genre study is to consider genre as a form of mental representation. According to our hypothesis, this representation combines figurative and propositional ways of encoding information. There is no doubt that the reconstruction of the mental representation of the genre in the mind of the reader requires an experimental study. This article publishes the results of a pilot experiment conducted among university students of pedagogical specialties of the Faculty of Psychological, Pedagogical and Special Education of Saratov University and school students of Saratov. The experimental data show that the representation of the genre in the mind of the reader can be based on the cluster model

which suggests that the readers define a number of features by which they identify the genre. The prototype model of the genre is no less relevant: belonging of a particular work to a particular genre is determined in the mind of the reader by its similarity with the best genre model – a standard (or a prototype). The number of such standards is not very large. As a rule, this status is acquired by works that are included in the school literary canon. In the reader's mind, genre classes are not formations with clear boundaries; rather, they are more likely to be built on the principle of "family resemblance". The cognitive model of a genre in the mind of the reader has certain features of a field. Conducting cognitive genre research, i.e. identifying ways of representing the genre in the mind of a reader requires the development of a special questionnaire that takes into account the level of the ordinary (naive) reader who is not a philologist.

Keywords: literary genre, naive reader, mental representation, empirical research, cognitive model of the genre

For citation: Tarasova I. A. Literary genre in the mind of the reader: Empirical approach. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 23–28 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-23-28>, EDN: RNBWXI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Постановка проблемы

В предыдущих работах нами высказано утверждение, что когнитивный подход к жанру предполагает создание гипотетической модели жанра, существующей в сознании читателя [1: 89]. Поэтому одна из задач когнитивной жанрологии – рассмотреть жанр как форму ментальной репрезентации, своего рода ментального шаблона, позволяющего отождествлять с жанровым образцом новые литературные произведения, появляющиеся в зоне читательского опыта.

Ментальная репрезентация – это единица представления реального или вымышленного мира в сознании человека, замещающая в процессе когнитивной обработки реальные или идеальные объекты. Иными словами – это тот способ, каким представляется субъекту окружающая действительность, социальные и культурные факты. Формы ментальной репрезентации могут быть различными: картинка, пространственная схема, комбинация чувственно-эмоциональных впечатлений, категорильная интерпретация. Основными типами репрезентаций являются образные (аналоговые, картиноподобные) и пропозициональные (признаковые, логические). Мы предположили, что жанры могут быть представлены в читательском сознании средствами этих двух кодов.

Однако чтобы определить реальный статус жанровой формы в сознании читателя, необходимо проведение широкого круга экспериментальных исследований феноменологической направленности, понимая под ними, вслед за R. Sokolowski, «изучение человеческого опыта и способов, какими вещи представляют себя нам в и через такой опыт¹» [2:2].

Подведение феноменологической базы под когнитивные исследования является трендом когнитивной науки последнего десятилетия. Так,

по убеждению J. Zlateva, когнитивная лингвистика должна возвратиться к своим эмпирическим истокам: "the focus of Cognitive Linguistics can be brought back to experience, albeit in a more mature manner than 30 years ago" [3]. Экспериментальное исследование не чуждо и современной жанрологии, поскольку она задается вопросом о жанровом мышлении и речевом жанровой компетенции [4]. В то же время, как отмечает В. В. Деметьев, «цельная речевая картина как часть ЯКМ <...> пока что никем из исследователей не была реконструирована» [5: 194]. Кроме того, жанровая составляющая – необходимый компонент литературоведческой и читательской компетенции. Однако ответ на вопрос, о чем мы должны спросить читателя, чтобы реконструировать ментальную репрезентацию жанра в его сознании, пока не найден. Возможно, описание первых шагов в исследовании жанрового сознания читателей подскажет пути решения этой проблемы, поможет обозначить зону дальнейших поисков.

Цель и содержание эксперимента

Одна из самых интересных методик, ориентированных на взаимодействие читателя с жанром, представлена во внушительном опросном листе, разработанном Даниелем Чендлером и включенном в его «Введение в теорию жанров» [6]. Пять десятков направляющих вопросов разбиты на три блока (Общие вопросы; Модус адресации; Отношения с другими текстами). Чтобы создать представление об уровне вопросов, приведем некоторые из них: To what genre did you initially assign the text? What is your experience of this genre? Have you found any formal generic labels for this particular text (where)? What purposes does the genre serve? In what ways are these purposes embodied in the text? What sort

¹В оригинале: "the study of human experience and of the ways things present themselves to us in and through such experience".

of audience did you feel that the text was aimed at (and how typical was this of the genre)?

К сожалению, подобные вопросы не могут быть использованы для реконструкции модели жанра в читательском сознании.

Во-первых, они адресованы искушенным читателям, филологам. Попытки использовать их в качестве методических указаний, обращенных к нефилологической аудитории², регулярно заканчиваются провалом: студенты изначально делают неверное предположение о жанровой принадлежности текста, а затем все последующие ответы выводят из этой неверной посылки. Создается ощущение, что наивный читатель оперирует очень небольшим перечнем жанров, не нуждаясь в детализации. Так, все небольшие прозаические тексты разной жанровой природы (басни, притчи, эссе, стихотворения в прозе и др.) регулярно опознаются как *рассказ*. Для поэтических текстов такой генерализирующей формой выступает *стихотворение*. Тексты большого объема для подобного эксперимента не подходят.

Во-вторых, предлагаемые Д. Чендлером вопросы ориентированы на конкретный текст, который должен «вывести» на жанр (индуктивный путь), мы же задаемся вопросом о воплощении в сознании читателя жанровой формы как таковой. Вот почему акцент был сделан на вопросах общего плана.

Цель анкеты: определить состав жанровых имен в сознании читателя, выявить степень актуальности жанровой характеристики и читательские жанровые предпочтения.

Для пилотного эксперимента были предложены 5 вопросов: *Какие жанры литературы вы знаете? Какой литературный жанр вы больше всего любите? Почему? Назовите «образцовое» произведение этого жанра. Что для вас важнее в процессе выбора книги – жанр или автор? Как вы определяете жанр книги?*

В эксперименте принимало участие 90 человек – студентов-педагогов дошкольного и начального образования. Испытуемые занимают срединное положение на шкале искушенный/наивный читатель. Некоторые теоретические знания о жанрах они получили в школе; жанровая проблематика затрагивается в курсах детской литературы и методических дисциплин, однако навыками жанрового анализа текста студенты не обладают. Можно сказать, что это «обычные», «рядовые» читатели.

Вопросы предъявлялись в письменной форме. Время ответов не ограничивалось, но реально испытуемым потребовалось 15–20 минут для ответов на все вопросы.

Ответы испытуемых свидетельствуют, что для современных читателей жанр оказывается актуальным понятием. На него в процессе выбора книги ориентируется две трети опрошенных. Еще десять человек заявили о равенстве критериев автор/жанр.

Второй письменный опрос проводился среди учащихся 3–7-х классов саратовских школ и студентов первого курса. В нем приняло участие 115 человек. Цель эксперимента: выявить жанрообразующие признаки в сознании читателя (на примере жанра фэнтези), количество и состав жанровых эталонов.

На основе проведенного эксперимента можно предложить несколько жанровых моделей.

Полевая модель жанровых предпочтений

Для общей картины представления жанра в сознании читателя наиболее удобна полевая модель. Вопрос *Какие жанры литературы вы знаете?* позволяет оценить знаниевый компонент жанровой компетенции; вопрос *Какой литературный жанр вы больше всего любите? Почему?* ориентирован на получение данных о реальном взаимодействии с тем или иным жанром (эмпирический компонент жанровой компетенции) и его оценку.

Присущее полевым структурам деление на ядро, центр и периферию позволило выделить по результатам эксперимента три зоны:

- периферию формируют жанры, которые в принципе знают читатели, но называют далеко не все (в эту зону попали жанры, упоминаемые в анкетах менее 15 раз);
- в центральной части поля размещаются жанры, встречающиеся фактически в каждой анкете;
- в ядерную зону попадают жанры, с которыми читатель активно взаимодействует.

Периферия поля довольно обширна. Всего было названо более 50 жанров, в каждом опросном листе содержалось 10–15 жанровых наименований.

Безусловным лидером списка является роман (он упомянут 86 раз), за ним следуют рассказ (66) и повесть (65). Таким образом, верхние позиции списка занимают прозаические жанры. Поэму назвали 56 испытуемых, сказку – 54. Басня упомянута 42 раза, ода – 39. Компактную группу образуют драматические жанры: комедия (31), драма (24), трагедия (21). Закрывают список самых частотных жанров детектив (22) и стихотворение (18). Эти жанры размещаются в центральной части жанрового поля.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что жанровые классификации прово-

²Такие попытки неоднократно предпринимались в рамках дисциплины «Формирование филологической компетенции младших школьников» (программа магистратуры «Начальное образование»). В магистратуре учатся выпускники бакалавриата различных факультетов, чаще всего – негуманитарных.

дятся «поверх барьеров» индивидуального/коллективного творчества: наряду с литературными жанрами в анкетах встречаются жанры фольклора (былина – 15, миф – 8, легенда – 7, единичны упоминания малых фольклорных жанров – считалки, загадки, былички, пестушки и др.). Не определен статус сказки – фольклорная или литературная, она упоминается более чем в половине опросных листов. В результате жанровое поле имеет непрерывный характер.

В двух анкетах представлены попытки соотнести жанр и род: «эпические: роман, эпос, рассказ; лирические: поэма, баллада; драматические: трагедия, комедия». Но, как видно из приведенной анкеты, жесткого соотношения род – жанр в читательском сознании нет. 9 раз наряду с жанрами упомянут литературный род – эпос. В одной анкете вместо жанров названы 3 рода: эпический, лирический и драматический. В одной анкете в качестве жанра упомянута «проза».

Из лирических жанров регулярно называется поэма и такой достаточно аморфный жанр, как стихотворение (иногда с уточнением: лирическое стихотворение). Специфические лирические жанры элегии и сонета упомянуты 7 и 4 раза соответственно. В верхней части списка находится лиро-эпическая баллада (14 упоминаний).

Скорректировать представление о структуре жанрового поля в сознании современных читателей позволил вопрос о любимом жанре. В ответах четко просматривается «прозаическая» доминанта современного жанрового сознания: верхнюю строчку вновь занимает роман, за ним следуют детектив, фэнтези, фантастика, рассказ.

Перечень любимых жанров, т. е. жанров, с которыми реально взаимодействует читатель, существенно (примерно в 5 раз) короче, чем список жанров, о которых он теоретически знает. Жанровое ядро оказывается довольно компактным. Оно центрируется романом как самым популярным современным жанром. Выбравшие роман смогли более-менее внятно сформулировать свои читательские предпочтения, в которых доминирует эмоциональный компонент переживания жанра. Приведем характерные ответы:

- Я получаю бурю эмоций. Выбираю себе героя, который ближе мне по духу, переживаю и не могу уснуть, пока не узнаю продолжения;
- это произведения со сложным сюжетом, описывают чувства и мысли героев, можно проследить их эмоциональное состояние;
- в романе можно пронаблюдать не только за событиями, но и за персонажами и их линиями;

- они вовлекают в свой мир с головой;
- роман изображает жизнь человека, спектр его чувственно-эмоциональных переживаний;
- в этом жанре живут чувства, которые вовлекают меня в мир эмоций;
- время протекает незаметно, когда погружаешься в события книги;
- роман – чтение для тех, кто любит уйти от реальности в чужую жизнь, заглянуть за кулисы и понять чуть больше.

Объяснения читателей коррелируют с выводом, сделанным L. Zunshine в книге “Why we read fiction?” [7]: чтение активизирует нашу ментальную способность понимать чужое сознание, создавать метарепрезентации психических состояний.

По результатам эксперимента можно утверждать, что компактен не только набор актуальных жанров, но в еще большей степени – набор типичных образцов этого жанра, жанровых эталонов (или – в когнитивной терминологии – прототипов³). Наиболее часто встречаются 4 произведения русской классической литературы:

«Война и мир» Л. Н. Толстого,

«Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова,

«Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского,

«Евгений Онегин» А. С. Пушкина.

Из романов зарубежных авторов несколько раз упомянуты «Годость и предубеждение» Д. Остин, «Унесенные ветром» М. Митчел, «Триумфальная арка» Э. Ремарка. Есть вероятность, что популярность первых двух романов объясняется их удачными экранизациями.

В целом же состав жанровых эталонов заставляет задуматься о роли школьного литературного канона в формировании жанрового сознания молодого читателя, о культурной обусловленности жанровых предпочтений.

Жанровая форма в сознании читателя

Следующий вопрос: как читатель идентифицирует тот или иной жанр?

Признаки жанра теоретически можно включить в состав различных моделей.

Фреймовая модель жанра отражена в известной работе Т. В. Шмелевой, где фреймовые слоты суть пункты анкеты, предъявляемой жанру и включающей шесть параметров, в которые укладывается фактически любой речевой жанр [8]. Нами доказана потенциальная применимость этой модели к описанию литературного жанра, хотя некоторые пункты анкеты требуют «расширения». Так, к образам субъекта

³Под прототипом в когнитивных исследованиях понимается образ, являющийся наилучшим представителем данной категории, вокруг которого группируются все другие входящие в эту категорию элементы. Получить представление о категории можно не только через описание ее категориальных свойств, но и через ее образец, когда прототип мыслится скорее как целостность, нежели как пучок признаков [10: 107].

и адресата речи добавляется образ героя; диктумное содержание через тематику соотносится с жанровой картиной мира; временной параметр является отправной точкой для осмысления понятия хронотопа [9].

Однако из этих параметров, предложенных на выбор испытуемым, были отмечены только четыре: содержательный (тематика) – встречается в абсолютном большинстве анкет, образ героя (29), языковые особенности (19) и временной (его отметили 8 человек). 51 человек руководствуется обозначением жанра на титульном листе, 24 – ориентируются на фамилию автора.

Эти декларативные утверждения подлежали проверке на материале конкретного жанра – фэнтези. Испытуемым предлагалось ответить на вопросы о признаках фэнтези, об отличии этого жанра от фантастики и сказки, его целевой аудитории. Так как анкета была адресована в первую очередь школьникам, вопрос об эталоне по сравнению с анкетой для студентов был видоизменен: *Какое фэнтезийное произведение вы бы посоветовали прочитать другу, чтобы он понял, что такое фэнтези?*

Жанровые признаки, оказавшиеся актуальными для читателей фэнтези, сложно организовать во фрейм, скорее, это кластер⁴ из некоторого набора элементов, которые можно упорядочить по частоте встречаемости в анкетах:

- нереальность или необычность сюжета (17% опрошенных);
- магия и вымышленные существа (15%);
- сверхспособности героев (9%);
- наличие отдельной вселенной (8%).

Отметим, что последний признак указывается как жанрообразующий и в литературоведческих работах, и в трудах основателя жанра Дж. Р. Р. Толкиена [11], но он актуален только для 8% читателей.

Соотносимость жанровых признаков в читательском и исследовательском сознании – тема отдельного изучения, которая здесь может только быть поставлена. Предварительно можно сказать только одно: читательское представление о жанре не может быть описано при помощи инвариантной модели, представленной в концепции В. И. Тюпа [12]: наивный читатель не обладает ни могучими аналитическими способностями литературоведа, ни его знаниями об истории жанра. Он классифицирует произведения на основе своего читательского опыта, который порою очень ограничен. Образцы анкет содержат интересные значимые отличия фэнтези от сказки и фантастики (фэнтези охватывает целый мир, фэнтези имитирует прошлое,

фантастика – будущее, фэнтези претендует на историчность), но их смогли сформулировать только 33% опрошенных в паре фэнтези/сказка и 17% опрошенных в паре фэнтези/научная фантастика. «Недостоверность» происходящего становится определяющей чертой, нивелирующей различия между этими жанрами. В то же время группировка произведений на основе отдельных, «выступающих» (салиентных) признаков приводит к отнесенности к фэнтезийным произведениям «Вия» и «Мастера и Маргариты» (в 2 анкетах). Читатель, в отличие от литературоведа, воспринимает произведение в отрыве от литературного процесса, осуществляя «обратное проецирование» популярного жанра на предшествующий период. Восприятию указанных произведений в фэнтезийном ключе способствуют их вольные экранзации, в которых акцент сделан на экшн- и хоррор- составляющих. Таким образом, границы жанрового поля оказываются размытыми.

Как и в случае с эталонами романного жанра, количество прототипических произведений жанра фэнтези невелико. Чаще всего называются «Гарри Поттер» Дж. Роулинг, «Властелин колец» Дж. Р. Толкиена, «Хроники Нарнии» К. Льюиса. С учетом первого опроса к ним можно добавить «Ведьмака» А. Сапковского.

Ограниченный характер жанровых эталонов, их безусловная разделяемость членами читательского сообщества заставляют задаться вопросом: не является ли жанровый прототип тем истинным ядром, вокруг которого группируются жанровые представления? Чем он является по формату кодирования: схемой сюжета, образным представлением, гештальтом? Гипотеза об образном кодировании жанровой информации требует дальнейшей экспериментальной проверки.

Выводы

Представление жанра в сознании читателя опирается на кластерную модель: читатель выделяет целый ряд признаков, по которым идентифицирует жанр. Это вовсе не обязательно те признаки, на которые указывают теоретики жанра. Соотносимость жанровых признаков в читательском и исследовательском сознании – тема отдельного исследования.

Признаковая модель жанра отсылает к пропозициональному способу кодирования жанровой информации. Образный способ кодирования информации в представлении жанра проявляется в отождествлении жанровой формы с конкретным, «наилучшим» образцом жанра – жанровым эталоном (прототипом). Количество таких эта-

⁴См. определение кластера как «пучка характеристик, которые в целом ряде произведений воспроизводятся комплексно <...> Кластер – это эмпирическое обобщение, ориентированное на максимальное количество значимых признаков (не только константных, но и факультативных)» [12: 16].

лонов невелико. Как правило, этот статус приобретают произведения, входящие в школьный литературный канон.

В представлении читателя жанровые классы не являются образованиями с четкими границами, они построены по признаку «фамильного сходства». Отнесение к жанру осуществляется на основе сравнения с жанровым эталоном и обнаружения общих, порою периферийных

признаков, в результате чего жанровая структура приобретает черты поля. При этом можно говорить о двояком применении полевой модели: для жанровой формы в сознании читателя и для схемы жанровых предпочтений.

Проведение жанровых исследований когнитивной направленности требует разработки специальной анкеты, учитывающей уровень обычного (наивного) читателя, нефилолога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарасова И. А. Жанр в когнитивной перспективе // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 88–95. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95>
2. Sokolowski R. *Introduction to phenomenology*. New York : Cambridge University Press, 2000. 247 p.
3. Zlatev J. Turning back to experience in Cognitive Linguistics via phenomenology // *Cognitive Linguistics*. 2016. Vol. 27, iss. 4, pp. 559–572.
4. Седов К. Ф. Дискурс и личность. М. : Лабиринт, 2004. 320 с.
5. Дементьев В. В. О месте понятия «жанр» в языковой компетенции: на материале выражения «в жанре» в НКРЯ // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 193–202. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-193-202>
6. Chandler D. *An Introduction to Genre Theory*. URL: https://faculty.washington.edu/farkas/HCDE510-Fall2012/Chandler_genre_theory (дата обращения: 13.02.2022).
7. Zunshine L. *Why we read fiction: Theory of Mind and the Novel*. Columbus: The Ohio State University Press, 2006. URL: <https://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/book/lookupid?key=olbp70068>
8. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
9. Тарасова И. А. Жанр: к проблеме кроссдисциплинарного инварианта термина // *Языковое сознание. Речевая коммуникация: материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Е. Гольдина*. Саратов : ИЦ «Наука», 2020. С. 200–205.
10. Кубрякова Е. С. *Язык и знание*. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
11. Винтерле И. Д. Феномен незавершенности в раннем творчестве Дж. Р. Толкиена и проблема становления концепции фэнтези : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2013. 24 с.
12. Тюпа В. И. *Дискурс / Жанр*. М. : Интрада, 2013. 211 с.

REFERENCES

1. Tarasova I. A. Genre in cognitive perspective, *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 88–95 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95>

2. Sokolowski R. *Introduction to phenomenology*. New York, Cambridge University Press, 2000. 247 p.
3. Zlatev J. Turning back to experience in Cognitive Linguistics via phenomenology. *Cognitive Linguistics*, 2016, vol. 27, iss. 4, pp. 559–572.
4. Sedov K. F. *Diskurs i lichnost'* [Discourse and personality]. Moscow, Labirint, 2004. 320 p.
5. Demytyev V. V. About the place of the concept of “genre” in language competence: On the material of expression “in Genre...” in the Russian National Corpus. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 193–202 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-193-202>
6. Chandler D. *An Introduction to Genre Theory*. Available at: https://faculty.washington.edu/farkas/HCDE510-Fall2012/Chandler_genre_theory (accessed February 13, 2022).
7. Zunshine L. *Why we read fiction: Theory of Mind and the Novel*. Columbus, The Ohio State University Press, 2006. Available at: <https://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/book/lookupid?key=olbp70068> (accessed February 13, 2022).
8. Shmeleva T. V. Speech genre model. *Speech Genres: Coll. of sci. arts*. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).
9. Tarasova I. A. Genre: To the problem of the cross-disciplinary invariant of the term. In: *Iazykovoie soznanie. Rechevaia kommunikatsiia: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati professora V. E. Gol'dina* [Linguistic Consciousness. Speech Communication: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the Memory of Professor V. E. Goldin]. Saratov, ITs “Nauka”, 2020, pp. 200–205 (in Russian).
10. Kubriakova E. S. *Iazyk i znanie* [Language and Knowledge]. Moscow, LRC Publishing House, 2004. 560 p. (in Russian).
11. Vinterle I. D. *The phenomenon of incompleteness in the early works of J. R. Tolkien and the problem of the formation of the concept of fantasy*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Nizhnii Novgorod, 2013. 24 p. (in Russian).
12. Tiupa V. I. *Diskurs / Zhanr* [Discourse / Genre]. Moscow, Intrada, 2013. 211 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 25.02.2022; одобрена после рецензирования 31.03.2022; принята к публикации 08.04.2022
The article was submitted 25.02.2022; approved after reviewing 31.03.2022; accepted for publication 08.04.2022

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 29–37

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 29–37

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-29-37>, EDN: MJLFDZ

Научная статья

УДК 81'42

Количественное измерение жанра: функционирование «краткий» и «короткий» в позиции определений имен жанров

Н. В. Орлова

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Россия, 644052, г. Омск, проспект Мира, д. 55

Орлова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций, nvorl@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>

Аннотация. Актуальность исследования количественного измерения жанров, в частности жанров малого формата и кратких реализаций жанров в целом, возросла в связи с необходимостью «сжимать» информацию разных типов в современных коммуникациях, недостаточной изученностью закономерностей функционирования кратких и сокращенных текстов/дискурсов, вниманием к количественным аспектам речи в аспекте ценностного отношения. Проблемная ситуация определяется автором как противоречие между констатацией прототипического характера текстов малого объема, достаточно полными описаниями ряда малоформатных жанров – с одной стороны, и невыясненностью факторов, позволяющих либо не позволяющих жанру функционировать в кратком (коротком, неполном, сокращенном) режиме. Целью исследования является выявление и описание обстоятельств, детерминирующих внешнюю дифференциацию и внутреннюю вариативность жанров на основе количественных признаков «краткий» и «короткий». Ведущий метод – корпусный, на его основе сформированы сведения о жанрах, имена которых составили правые контексты прилагательных «краткий» и «короткий» в основном корпусе НКРЯ. Установлено, что как «краткие» определяются реализации жанров, предполагающих письменную форму, развернутость, рациональную стратегию текстопорождения, стандартность содержания. «Короткие» версии приписываются устным жанрам, в которых субъект речи свободен в выборе стратегии и смысловой наполненности текста. Краткие формы могут образовывать институционально закреплённые варианты жанров, самостоятельные жанры и представлять собой индивидуальные реализации жанра. Отношение субъектов речи к выбору краткой формы зависит от множества прагматических факторов, скорее одобряется, чем осуждается.

Ключевые слова: жанр, объем текста, краткие реализации жанра, короткие реализации жанра, жанровый статус кратких форм

Для цитирования: Орлова Н. В. Количественное измерение жанра: функционирование «краткий» и «короткий» в позиции определений имен жанров // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 29–37. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-29-37>, EDN: MJLFDZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genre quantification: The functioning of “brief” and “short” in the position of definitions of genre names

N. V. Orlova

Dostoevsky Omsk State University, 55 Mira Ave., Omsk 644077, Russia

Natalia V. Orlova, nvorl@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>

Abstract. The relevance of the study of the quantitative dimension of genres, in particular genres of small format and short implementations of genres in general, has increased due to the need to “compress” information of various types in modern communications, insufficient knowledge of the patterns of functioning of short and abbreviated texts/discourses, attention to the quantitative aspects of speech in terms of their value. The problematic situation is defined by the author as a contradiction between the ascertainment of the prototypical nature of texts of small volume, rather complete descriptions of a number of small-format genres, on the one

hand, and the lack of clarification of the factors that allow or do not allow the genre to function in a short (short, incomplete, abbreviated) mode. The purpose of the study is to identify and describe the circumstances that determine the external differentiation and internal variability of genres based on the quantitative characteristics of “brief” and “short”. It is a corpus research, the data about genres was formed on the corpus basis, the names of which formed the right contexts of the adjectives “brief” and “short” in the main body of the Russian National Corpus. It has been established that as “brief” are defined the realizations of genres that involve a written form, expansion, a rational strategy of text generation, standard content. “Short” versions are attributed to oral genres in which the subject of speech is free to choose the strategy and semantic content of the text. Brief forms can form institutionally fixed variants of genres, independent genres and represent individual realizations of the genre. The attitude of speech subjects to the choice of a short form depends on many pragmatic factors, it is rather approved than condemned.

Keywords: genre, volume of text, brief realizations of a genre, short realizations of a genre, genre status of short forms

For citation: Orlova N. V. Genre quantification: The functioning of “brief” and “short” in the position of definitions of genre names. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 29–37 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-29-37>, EDN: MJLFDZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Физическая протяженность рассматривается филологами как один из важнейших признаков текста / дискурса, что, в частности, проявляется в функционировании ряда синонимичных терминов, соотносимых с количественным параметром речевого произведения. В обзоре исследований на эту тему А. А. Плотникова называет «длину текста», «формат», «объем», рассматривает объем текста как формально-семантический признак, имеющий к тому же коммуникативные эффекты [1]. Аксиологический вектор количественных характеристик обозначен В. В. Дементьевым, вписавшим «немногословность» в ряд коммуникативных ценностей с «принципиально амбивалентной» оценкой [2: 61].

Очевидно, что оценка физической протяженности отдельного речевого произведения («пространное», «краткое» и т. д.) неотделима от квалификации по этому параметру речевого жанра, к которому оно принадлежит. Не случайно Т. В. Матвеева включает «объем речевого ряда» в перечень жанрообразующих признаков [3: 99–101]. Обусловленность жанра объемом может быть весьма жесткой, измеряться буквально количеством строк, как в случае сообщения – жанра СМИ [4]. С другой стороны, есть жанры, у которых объем текста определяет скорее их внутреннюю дифференциацию. Так, Е. Е. Анисимова называет объем жанрообразующим признаком притчи и анекдота, но не баллады, которая может быть пространной и краткой [5]. Описание круга жанров, предполагающих варьирование по количественному признаку, представляется актуальной исследовательской задачей.

История вопроса о количественных характеристиках текстов, типов текстов, жанров указывает на особое внимание ученых к тем из них, которые имеют малый формат. Показательно, что общепринятые термины «малоформатный текст» [6, 7]; текст-миниатюра [1, 8] не имеют оппозитов в сфере «больших текстов». На наш взгляд, это объясняется комплексом причин: от «прототипического» характера текстов малого объема [9] до их особой культурологической значимости и коммуникативной эффективности [10], возросшей в связи с развитием интернет-технологий, лавинообразным увеличением информации и т. д.

Актуальность предпринятого исследования количественных характеристик жанров мы видим в панорамном подходе к проблеме: при наличии научных сведений о жанрообразующей роли объема у отдельных художественных и нехудожественных типов текста очевидны лакуны в описании закономерностей функционирования количественных характеристик жанров в пространстве русскоязычной коммуникации.

Исследование проведено с использованием корпусного метода. Эмпирическая база сформирована высказываниями, в которых наименование жанра является правым контекстом прилагательных «краткий» и «короткий» в основном корпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Запросы «краткий» и «короткий» уточнялись запросом «2-граммы», затем из фрагментов, ранжированных в корпусе по частотности от 1 до 100 вручную отбирались сочетания с наименованиями жанров. В целях выявления факторов, влияющих на выбор репрезентанта малого объема («краткий» или «короткий») и решения других задач, требующих привлечения контекста,

использовался метод семантико-прагматического анализа высказываний.

Целью исследования является выявление обстоятельств, определяющих внешнюю и внутреннюю дифференциацию жанров на основе количественного признака, а также выбор номинации «краткий» либо «короткий» при необходимости указать на небольшой объем текста / дискурса. К задачам исследования относится также определение ценностно-оценочного отношения субъектов речи к кратким реализациям жанров. В первые 100 позиций правого контекста прилагательных «краткий» и «короткий» попали в общей сложности названия 62 жанров: обзор, очерк, отчет, доклад, ответ, разговор, конспект, молебен, рассказ, отзыв, катехизис, путеводитель, пересказ, протокол, диалог, приказ, спич, характеристика, биография, справка, заметка, беседа, записка, телеграмма, автобиография, лития, статья, молитва, программа, повесть, инструкция, летопись, аннотация, сводка, лекция, хроника, сообщение, руководство, резюме, жизнеописание, письмо, наставление, поучение, обозрение, приветствие, предисловие, молебствие, выступление, введение, вступление, объяснение, заседание, послание, замечание, митинг, совещание, стихотворение, интервью, приказание, распоряжение, обращение, анекдот.

В полученный список ожидаемо не вошли сверхмалые, сверхкрупные и строго регламентированные жанры художественной речи, такие как роман-эпопея или сонет. В аспекте количества не определяются жанры типа доноса, оскорбления, клеветы, имена которых одновременно являются именами речевых поступков [11]. По-видимому, оценка поведения, стоящего за коммуникативным действием, нивелирует форму его исполнения.

Основная часть

1. Свойства жанров, определяемых преимущественно как краткие

Согласно дефинициям «краткий» и «короткий», в языковой системе они соотносятся следующим образом. «Краткий» имеет помету «книжн.» и два значения, из которых 1 – Недолгий, протекающий в малый промежуток времени; 2 – Сжатый, коротко изложенный. У «короткий» шесть значений, из которых со сферой речи связаны тоже два: 2. Непродолжительный, малый по времени; 4. Краткий, немногословный [12]. Как видим, при общем значении 'недолгий, непродолжительный', у «краткий» выделяется специфическое значение 'сжатый'; у «короткий» – 'немногословный'.

Выбор в пользу лексемы «краткий» наиболее очевиден в отношении жанров со следующими признаками. Во-первых, тексты, реализующие данные жанры, развернуты, что создает техническую возможность краткой версии. Во-вторых, они строятся на основе рациональной стратегии, которая позволяет сжать текст, оставив в нем основную или субъективно важную информацию. В-третьих, у них предполагается регламентированное содержание: данная переменная повышает стандартность текста и тем самым способствует «кристаллизации» варианта жанра с меньшим объемом. В-четвертых, с перечисленными признаками по разным основаниям коррелирует письменная форма. В речевом материале кластер, включающий все перечисленные признаки, находим у 15 жанров. Существенное преобладание определителя «краткий» над определителем «короткий» при номинациях данных жанров подтверждает табл. 1. Индексом «*» разделено количество текстов и количество примеров, для подсчета в процентах взято количество текстов. Очевидно, что диктумное пространство каждого из жанров, включенных в табл. 1, образуется множеством пропозиций. Большая часть жанров реализует информационно-аналитическую функцию, у остальных она доминирует. Все жанры бытуют в письменной форме, «краткая биография» и «краткий отзыв» в примерах помещены в какой-либо письменный документ, написаны или напечатаны: *Буду делать маленькие и толстые отрывные календари и на каждом дне-листочке будет красоваться чья-то рожа и ещё что-нибудь про этого человека (например, краткая биография, телефон).* [Искандер Шакиров. *Дневник Ихтика* (1995)].

В данной группе показательным жанром, в силу значительного количества примеров, является обзор. Логико-когнитивные операции по переработке и сжатию информации делают его ценным продуктом: *По этой причине краткий обзор идей Симондона остается столь многообещающим в качестве начальной точки рассуждений.* [Е. В. Петровская. *Безымянные сообщества* (2010)]. В комментариях нуждается включение сюда очерка. Очерки неоднородны в жанрово-стилистическом отношении: делятся на документальные и литературно-художественные, – однако на запрос «краткий очерк» корпус отвечает исключительно примерами научно-информативного дискурса, предполагающего рациональную стратегию развертывания содержания. Кроме того, очерк подразумевает интерпретивную деятельность автора по отношению к объекту описания [13], что означает возможность отбирать информацию и её количество.

Таблица 1 / Table 1

Сочетания типа «краткое руководство»
Combinations of the “brief guide” type

РЖ	Краткий	Короткий	Соотношение, %
Руководство	34*38	Не найдено	100 – 0
Путеводитель	10*10	Не найдено	100 – 0
Введение	9*9	Не найдено	100 – 0
Автобиография	8*8	Не найдено	100 – 0
Обзор	131*160	4*4	97 – 3
Очерк	112*134	5*5	95 – 5
Конспект	24*25	2*2	92 – 8
Биография	36*38	4*4	89 – 11
Отзыв	16*21	2*2	87 – 13
Отчет	56*63	8*8	86 – 14
Летопись	6*6	1*1	84 – 16
Обозрение	12*14	1*1	82 – 12
Аннотация	5*5	1*1	80 – 20
Справка	14*15	3*5	79 – 21
Протокол	8*8	3*3	62 – 38

Автор краткого очерка сосредоточен на главном в объекте описания или (в этом отличие от обзора) на какой-то стороне объекта: *Краткий очерк материальной культуры древнего Новгорода, касающийся только главных ее сторон, естественно начать с сельского хозяйства*. [Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI–XV вв. (1947)].

Итак, краткость для жанров данной группы – прежде всего результат отбора информации. Краткость не снижает качество текста, способствует достижению целей участников коммуникации.

2. Свойства жанров, определяемых преимущественно как «короткие»

Наиболее очевидным фактором выбора лексемы «короткий» является устная природа жанра. Устность является единственной формой реализации (разговор, диалог, митинг, совещание) или первичной, исходной (ответ, интервью). Именно для устной формы речи актуален признак протяженности во времени, образующий одно из значений параметрического по природе прилагательного «короткий» [14]. Анализ контекстов лексем, именующих жанры, которые допускают обе формы реализации, подтверждает тяготение характеристики «короткий» к ситуациям устного общения: – *Потом... – донесся короткий ответ. Илья успел задремать ли, забыть ли не один раз и слышал все те же звуки:*

вздохи, порою кашель и хрип. [Борис Екимов. Предполагаем жить // «Новый мир», 2008].

Определение «короткий» может предпочитаться для жанров письменной речи, но в этом случае актуализируются другие факторы. Парадоксальное содержание и юмористическая прагматика обуславливают сочетание «короткий анекдот» при невозможности «краткий анекдот», хотя сегодня этот жанр бытует в разных формах. Как «короткие» определяются жанры, которые однозначно предусматривают или допускают нерациональную стратегию текстопорождения и/или нерегламентированное содержание. К таким жанрам относится стихотворение и письмо: *Через несколько дней пришло короткое письмо, и из сумбура упреков и восклицаний до сознания дошло несколько строк: «... теперь я опозорена*. [Булат Окуджава. Путешествие дилетантов (Из записок отставного поручика Амирана Амилахвари) (1971–1977)]. Близкая к письму записка определяется как «краткая» и как «короткая» примерно в равных пропорциях (13*13 и 11*11). Показательно, однако, что краткие записки относятся как к официально-деловым текстам (служебная записка, докладная записка), так и к разговорным, короткие – только к разговорным.

Устная форма, нерегламентированность содержания и нерациональная стратегия текстопорождения могут образовывать трехкомпонентный кластер, и здесь лучшим примером будет короткий разговор. В других ситуациях «короткий» выбирается в силу наличия одного

или двух признаков. Последнее утверждение демонстрирует, с одной стороны, совещание, где устная форма сочетается с рациональной стратегией порождения дискурса и регламентированным содержанием, а с другой – письмо, о признаках которого говорилось выше.

Стоит заметить, что статистическая предпочтительность «короткий» в обсуждаемой группе не столь ярко выражена, как предпочтительность «краткий» в предыдущей. Будучи высокочастотной характеристикой одних жанров, «короткий» допускает отношения свободного варьирования с «краткий» у других (табл. 2).

Отдельного внимания в данной группе заслуживает рассказ, особенности которого в избранном аспекте не раскрываются статистикой основного корпуса (65% – ответ на запрос «короткий рассказ», 35% – на «краткий рассказ»). «Ручная» обработка данных показала следующее. Во-первых, номинация «короткий рассказ» относится к самостоятельному литературному жанру, который запрещает по отношению к себе номинацию «краткий рассказ». Даже в ограниченном материале основного корпуса (из 63 текстов о художественных рассказах говорится в 26) наличие короткого рассказа как жанра литературы оказывается замеченным: *Чехов разрушил конструкцию романа... Он создал новую конструкцию: короткий рассказ, ибо без формы искусства быть не может...* [Г. В. Свиридов. Музыка как судьба (1976)]; *Очень редкий жанр – короткий рассказ, зарисовка, единственный недостаток – этих зарисовок довольно много.* [С. Н. Есин. Дневник (2006)]. Во-вторых, дистрибуция «краткий» и «короткий» в отношении нехудожественных рассказов статистически подтверждает сделанные выше наблюдения: среди «коротких расска-

зов» преобладают устные (соотношение 57% – 43%), «краткие рассказы» чаще зафиксированы на бумаге (64% – 36%). Результаты получены на основе семантико-прагматического анализа высказываний с привлечением расширенного контекста: *Он так часто меня перебивал, что короткий рассказ превратился в эпическое повествование.* [Евгений Прошкин. Механика вечности (2001)]; *...Вот краткий рассказ о стерхе. На нескольких страницах можно изложить лишь главное, многое осталось «за кадром».* [Владимир Флинт. Журавль в небе // «Знание – сила», 1998]. Краткие рассказы, как в приведенном примере, имеют научно-популярную, просветительскую направленность.

Резюмируя, подчеркнем, что характеристика «короткий» сообщает в первую очередь о формальных особенностях дискурса / текста, в меньшей степени затрагивая его содержание. «Короткая» реализация жанра означает непродолжительность речевого события или небольшой объем текста.

3. Жанровый статус краткой / короткой формы

Самостоятельный жанр. Выше было сказано, что примером самостоятельного жанра, название которого включает слово «короткий», является жанр художественной литературы «короткий рассказ». «Краткие» и «короткие» нехудожественные рассказы, устные и зафиксированные на письме, нового жанра не образуют. Как самостоятельный жанр СМИ существует краткое сообщение – при отсутствии в этой сфере жанра с названием «сообщение». Примеры из корпуса подтверждают, что основной функцией краткого сообщения (другое название жанра – заметка) является оперативное информирование: *В «Советской культуре» краткое сообщение о смерти Вы-*

Таблица 2 / Table 2

Сочетания типа «короткий разговор» и «короткое письмо»
Combinations of the “short conversation” and “short letter” type

РЖ	Короткий	Краткий	Соотношение, %
Анекдот	11*11	Нет	100 – 0
Интервью	9*9	2*2	78 – 22
Письмо	78*84	18*18	77 – 23
Совещание	17*20	4*4	77 – 23
Митинг	16*18	4*4	75 – 25
Разговор	92*102	26*26	72 – 28
Стихотворение	14*16	4*4	72 – 28
Диалог	20*20	7*8	65 – 35
Рассказ	63*65	22*22	65 – 35

соцкого (без некролога) появилось только во вторник. [И. А. Дедков. Дневник (1980)].

Близки к этой группе жанры, в названии которых отсутствует слово «краткий», но свойство краткости либо отделяет их от смежных жанров, либо является жанрообразующим вне сопоставления с другими жанрами. К первой группе относится устное научное сообщение: *На следующий день академик собрал совещание, я там сделал сообщение и предложение перейти на сплав АМг-б.* [Владимир Губарев, Иосиф Фридляндер. Академик Иосиф Фридляндер: «трижды могли посадить...» // «Наука и жизнь», 2006]. Устное научное сообщение менее продолжительно, чем смежный жанр доклада, что закрепляют регламенты научных конференций. Вторая группа представлена такими жанрами религиозного дискурса, как молебен, катехизис, молебствие, лития. По данным толковых словарей, каждый из них включает признак краткости. Например, «молебен – ... краткое богослужение (о благополучии, о здравии и т. п.)» [12]. Материал корпуса, тем не менее, отражает регулярность плеонастических номинаций (краткий молебен – 23*28; краткий катехизис – 12*12; краткое молебствие – 10*13; краткая лития – 7*7): *На братских могилах воинов, павших в войну 1904–1905 гг., совершалась краткая лития.* [Николай Падерин. В рассеянии (1967) // «Альфа и Омега», 2001].

Вариант жанра. Разновидностями стандартного в количественном отношении жанра являются некоторые документы, определяемые как «краткие» в деловом и научном дискурсах. В основном корпусе они представлены «кратким руководством», «краткой аннотацией» и «кратким протоколом». «Краткое руководство» как продукт профессиональной коммуникации составителя со специалистами и пользователями, «краткая аннотация» в составе научной публикации и официально-деловой документ «краткий протокол» являются яркими представителями номенклатурных разновидностей документов, маркированных по количественному признаку. Существенные признаки этих жанров (функция, цель адресанта, тип адресата, композиция, обязательные структурно-смысловые блоки) в кратких разновидностях сохраняются, но стандартное содержание подвергается в них дополнительным ограничениям. В краткой аннотации устанавливается количественный предел слов или знаков. Краткий протокол регламентируется с точки зрения достаточных и необходимых структурно-смысловых компонентов. Под заголовками «краткое руководство» выходят многочисленные документы инструктивного содержания, где отличия краткого руководства

от руководства, как и в случае с кратким протоколом, четко оговариваются.

В отличие от вышеперечисленных жанров документ-распоряжение не имеет сокращенной версии. Все контексты «коротких» (7 текстов, 7 примеров) и «кратких» (4 текста, 4 примера) распоряжений воспроизводят устную разновидность жанра, функционирующую в неофициальном режиме деловых коммуникаций. Определения «краткий» и «короткий» указывают исключительно на протяженность дискурсивного события: *Сев за стол, Морковин поднял трубку белого телефона и отдал короткое распоряжение.* [Виктор Пелевин. Generation «П» (1999)].

Не жанр. Так же как распоряжение, сокращенной версии не имеет такой жанр официально-деловой речи, как характеристика. Специфика краткой характеристики в том, что она вообще «не отлита» в жанровую форму, если использовать метафору М. М. Бахтина. В конкордансе «краткая характеристика» (59 текстов, 66 примеров) объектом описания и оценки является практически любой феномен действительности (*минералы, новый закон, климат Большого Сочи, основные виды ценных бумаг* и т. д.), а целевая установка определяется в диапазоне от сообщения структурированной информации до выражения эмоций: «...Краткая характеристика была: «Дерьмо. Большой бюджет, но очень непрофессионально». [Борис Рогинский. Нечто об еже // «Звезда», 2003]

Объем жанров становится объектом рефлексии в связи с неочевидностью жанровой принадлежности конкретных текстов. Авторы приказываний выражают несогласие с тем, как определен жанр текста третьим лицом, или вводят двойные номинации: «*Введение*», *представляет, по существу, краткий очерк истории развития минералогии в России, включая и советский период.* [К. Малкова. Рецензия на книгу Д. П. Григорьева и И. И. Шафрановского «Выдающиеся русские минералогии». (Научно-популярная серия.) Изд-во АН СССР. М.; Л. 1949, стр. 273 // «Наука и жизнь», 1950]; *Ну, и я предложил ему написать К. П. краткое письмо-отчет.* [Б. И. Вронский. Дневник (1962)].

4. «Краткий» в аспекте ценности текста / дискурса

В основу анализа материала в аксиологическом аспекте положены а) ответы корпуса на запросы «краткий, но», «но краткий»; «краткий и», «и краткий», подразумевающие проявление в высказываниях ценностно-оценочного отношения субъекта речи к жанрово определенному «краткому» речевому продукту;

б) отобранные ручным способом рефлексивные высказывания на тему объема текста.

«Краткий, но», «но краткий». Значительная часть конкорданса по запросу «краткий, но» фиксирует названия речевых жанров. Вопреки семантической пресуппозиции 'краткий хуже, чем не краткий', которую выражает конструкция с противительным союзом, общий оценочный смысл высказываний имеет знак «плюс». Иначе говоря, имплицитно речевое событие с «краткий» характеризуется как неполноценное, но эта оценка по разным причинам систематически отменяется для конкретной ситуации: «краткий, но *выразительный, содержательный; исчерпывающий, авторитетный и исчерпывающий; сильный, всеобъемлющий; глубоко прочувствованный; верный в общем характере своем; продуманно написанный; свой; четкий; весьма обстоятельный; обстоятельный; бальзамический; многозначительный; характеристичный; имеющий решающую силу; серьезный; правдивый; поучительный; изумительно поэтический* и т. д. Типичным является пример: *Наконец я получил краткий, но выразительный запрос: «Предлагаю немедленно сообщить, на каком основании колония принимает продналог.* [А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. Часть 1 (1933)]. Аналогичную картину представляет конкорданс по запросу «короткий, но». Краткость не мешает речевому действию вполне состояться, исчерпать себя и в случае дисгармоничной коммуникации: *Произошел короткий, но жесткий разговор с элементами уголовных понятий...* [А. Кутузов. Офицер спецназа? По фене бо-таешь? (2004) // «Солдат удачи», 07.07.2004]. Показательно, что на запрос «но краткий» в основном корпусе из 11 примеров не обнаружилось ни одного, в котором бы речь шла о жанре. Можно предположить, что количественный аспект жанрово определенного текста имеет второстепенное значение по отношению к другим его сторонам.

«Краткий и», «и краткий». Контексты, в которых «краткий» относится к названию жанра и включается в соединительные ряды, также дают представление о качественных характеристиках краткости и тем самым выявляют ценностное отношение авторов высказываний к данному свойству. Вслед за фрагментом «краткий и» следуют: *при этом самый полный, неполный, с пробелами, частный, четкий, ясный, однозначный, наиболее конкретный, определенный, дельный, куда более сухой, гневный, популярный, незамысловатый.* Фрагменту «и краткий» предшествуют *жесткий, напряженный, резкий, прямой, простой, официальный, почтительный.* Проявляются амбивалентные характеристики крат-

кости по признаку полноты содержания (*полный, неполный, с пробелами*); способность краткой реализации жанра обнажать основной смысл и выражать его эксплицитно (*четкий, ясный, определенный, однозначный, конкретный, прямой,*), определенность в выражении тональности (*резкий, гневный, официальный, почтительный*), упрощенность (*популярный, незамысловатый*).

Рефлексия над ценностью краткого текста выражается в том, что субъект речи извиняется, дает объяснения, связанные с невозможностью создать более объемный текст: *Спасибо Вам за это! Извините за краткий ответ. Очень трещит голова.* [Аркадий Мацанов. Горечь полыни на губах // «Ковчег», 2013]; *Чему же нас научил этот, по необходимости краткий и беглый, обзор взаимоотношения секуляризации и сакрализации за три столетия эллинизма?* [Ф. Ф. Зелинский. Религия эллинизма (1922)]. В подобных примерах смысл 'краткий хуже, чем не краткий' сохраняется в границах высказывания, однако в других случаях свободно допускается априори ценный краткий текст: *Самый краткий ответ очень порадует Вам искренне преданного.* [С. Ф. Платонов. Письма (1907)]; *Написанный им «Краткий очерк истории развития органической химии в России» чрезвычайно интересен, в его основе лежит глубокое и широкое знание истории химии.* [Н. Гречкин. «А. Е.» К 90-летию академика А. Е. Арбузова // «Химия и жизнь», 1967].

Из сказанного не должно сложиться впечатление, что краткие реализации жанров одобряются без исключений. Выше отмечалась неполнота информации и бедность эмоциональной палитры, которые понижают качество коммуникации. Приведем пример, когда однословный ответ воспринимается как сознательный уход от разговора: *Мною дважды был задан вопрос: Кто еще занимается подобными проблемами? Был очень краткий ответ: – Многие. Конкретно ни о ком ничего Беляев не сказал.* [В. И. Максимов. Дневник научного сотрудника (1996)]. В то же время не вызывает сомнения преобладание положительных оценок кратких реализаций жанров самой разной природы. В завершение перечислим жанры, в которых краткость получила поддержку в проанализированном материале: разговор, ответ, очерк, отчет, обзор, доклад, диалог, вопрос, некролог, рассказ, запрос, афоризм, договор, тезис, комментарий, дневник.

Заключение

Использование корпусного метода с применением опции «2-граммы» позволило обна-

ружить в правых контекстах «краткий» и «короткий», ранжированных по частотности от 1 до 100, имена более шестидесяти жанровых образований. Это весьма высокий показатель, который свидетельствует об актуальности жанровой организации коммуникации, а также значимости квантитативного измерения жанров в русскоязычной картине мира.

Выявлено четыре параметра речевых жанров, которые определяют возможность наделять их малым объемом, а также выбрать для указания на него лексему «краткий» или «короткий». К ним относятся степень развернутости, рациональная либо нерациональная стратегия порождения текста / дискурса, регламентированность содержания, устная или письменная форма функционирования. Слова, выражающие количественную оценку речевого произведения в жанре, могут находиться в отношениях свободного варьирования, но на большом объеме материала просматриваются вполне определенные тенденции, заданные вышеперечисленными параметрами. В качестве общего вывода нельзя не отметить, что дистрибуция лексем-определителей согласуется с их системно-языковой дифференциацией: «краткий» чаще свидетельствует о возможности сжатия текста с выделением ключевой информации; «короткий» – об объ-

еме как таковом, в том числе о временной протяженности речи.

Высказываемая учеными идея о том, что малый объем текста / дискурса детерминирует его жанровую принадлежность, в нашем исследовании выведена за границы изучения отдельных жанровых типов, конкретизирована положениями о дифференциации жанров на основе объема (*доклад – сообщение* в научной сфере), об институционально закрепленных кратких вариантах жанров (*краткий протокол, краткое руководство*) или, напротив, о запрете на краткий вариант (*характеристика*). Установлено, что к образованию кратких версий предрасположены жанры специальной книжности (официально-деловые, научные).

Материал подтвердил аксиологическую амбивалентность малого объема текста / дискурса для жанров разных типов; выявил противоречие между предпосылочным знанием субъектов речи о преимуществе развернутой версии жанровой реализации перед краткой и выраженным одобрением последней в конкретных коммуникативных ситуациях. Согласно примерам из корпуса, к достоинствам краткого исполнения многих жанров относится определенность, четкость, ясность передаваемой информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плотникова А. А. Объем текста лирической интернет-миниатюры как ключевой признак жанра // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 23–26.
2. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский Дом ЯСК, 2022. 832 с.
3. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. 563 с.
4. Чаплина С. С. К типологии газетных текстов: краткое газетное сообщение (*nachricht*) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009. № 3. С. 186–191.
5. Анисимова Е. Е. «Краткие баллады» В. А. Жуковского: семантика и функции «сжатого» текста // Культура и текст. 2020. № 1 (40). С. 6–17.
6. Трунова Е. А. Малоформатный текст как объект лингвистического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2010. № 1. С. 49–53.
7. Черкунова М. В. Малоформатный текст: к определению понятия (теоретические аспекты) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 248–253. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-248-253>
8. Орлицкий Ю. Б. Прозаическая миниатюра в творчестве русских предсимволистов // Предсимволизм – лики и отражения. М. : ИМЛИ РАН, 2020. С. 26–50.
9. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика : сб. докл. VIII междунар. конф. / под ред. Е. И. Дибровой. Т. 1. М., 2001. С. 72–81. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm> (дата обращения: 26.03.2023).

philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm (дата обращения: 26.03.2023).

10. Леденева С. Н. О факторах коммуникативной эффективности текста // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23, № 2. С. 97–101.
11. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 23–34.
12. Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с.
13. Репонь А. Очерк как прозаический жанр // Cross-Cultural Studies: Education and Science. March 2021. Vol. 6, iss. 1. P. 22–31. <https://doi.org/10.24411/2470-1262-2021-10100>
14. Пузанова Ю. С. Параметрические прилагательные русского языка: исследование онтогенеза на материале данных спонтанной речи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2012. № 151. С. 137–141.

REFERENCES

1. Plotnikova A. A. The volume of the text of the lyrical Internet thumbnail as a key feature of the genre. *Bulletin of the Tomsk State University*, 2012, no. 354, pp. 23–26 (in Russian).
2. Balashova L. V., Dementyev V. V. *Russkiye rechevyye zhanry* [Russian speech genres]. Moscow, LRC Publishing House, 2022. 832 p. (in Russian).
3. Matveeva T. V. *Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov* [A complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don, Feniks, 2010. 563 p. (in Russian).

4. Chaplina S. S. To the typology of newspaper texts: A short newspaper report (nachricht). *Bulletin of the KSU n. a. N. A. Nekrasov*, 2009, no. 3, pp. 186–191 (in Russian).
5. Anisimova E. E. “Short ballads” by V. A. Zhukovskiy: Semantics and functions of the “compressed” text. *Culture and Text*, 2020, no. 1 (40), pp. 6–17 (in Russian).
6. Trunova E. A. Small-format text as an object of linguistic research. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 2010, no. 1, pp. 49–53 (in Russian).
7. Cherkunova M. V. Small format text: To the definition of the concept (theoretical aspects). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, no. 3, pp. 248–253 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-248-253>
8. Orlitsky Yu. B. Prose miniature in the work of Russian pre-symbolists. In: *Predsimvolizm – liki i otrazheniya* [Pre-symbolism – faces and reflections]. Moscow, A. M. Gorsky Institute of Word Literature of the Russian Academy of Science Publ., 2020, pp. 26–50 (in Russian).
9. Kubryakova E. S. On the text and criteria for its definition. Dibrova E. I., ed. *Text. Structure and semantics: Coll. of VIII International conf.* Moscow, 2001, vol. 1, pp. 72–81. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm> (accessed March 26, 2023) (in Russian).
10. Ledeneva S. N. On the factors of the communicative effectiveness of the text. *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 2017, vol. 23, no. 2, pp. 97–101 (in Russian).
11. Goldin V. E. Names of speech events, actions and genres of Russian speech. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “College”, 1997, iss. 1, pp. 23–34 (in Russian).
12. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Sost., gl. red. S. A. Kuznetsov* [Kuznetsov S. A., comp., ch. ed. Great Dictionary of Russian language. Saint Petersburg, Norint, 1998. 1534 p. (in Russian).
13. Repon' A. Essay as a prose genre. *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, March 2021, vol. 6, iss. I, pp. 22–31 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2470-1262-2021-10100>
14. Puzanova Yu. S. Parametric adjectives of the Russian language: A study of ontogeny based on the data of spontaneous speech. *Izvestia: Herson University Journal of Humanities and Science*, 2012, no. 151, pp. 137–141 (in Russian).

Поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 05.06.2023; принята к публикации 20.06.2023
The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 05.06.2023; accepted for publication 20.06.2023

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 38–46

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 38–46

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-38-46>, EDN: HVOVLG

Научная статья

УДК 81'42

**Откровенный разговор в устном дискурсе репродуктивной медицины:
особенности профессионального преломления**

И. Т. Вепрева[✉], И. Г. Полякова, И. В. Шалина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51

Вепрева Ирина Трофимовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, irina_verreva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2230-1985>

Полякова Ирина Геннадьевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник Уральского межрегионального института общественных наук, irinapolykova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9619-2152>

Шалина Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, irina_shalina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1127-4264>

Аннотация. Объектом исследования в данной статье являются материалы медицинского консультирования репродуктивного психолога с донорами ооцитов, пациентами одного из репродуктивных центров Екатеринбурга. Репродуктивная медицина институализировала донорство половых клеток, но медицинская процедура донации (добровольной сдачи женщиной ооцитов) не застрахована от возможных рисков и медицинских последствий, поэтому беседа психолога является обязательной для доноров женских гамет, входит в программу донации и предполагает обсуждение закрытых для широкой аудитории тем. Актуальность проведенного исследования определяется новизной анализируемого материала, который вписывается в жанр откровенного разговора. Ситуация психологического консультирования предполагает максимальную открытость донора, которая является одним из условий успешной донации. При опоре на прототипическую ситуацию откровенного разговора рассмотрено варьирование жанра в его профессиональном преломлении, выявлен набор речевых тактик, применяемых психологом в ходе беседы. Для инициирования откровенного разговора конфидент использует метакоммуникативные конструкции, позволяющие ему пригласить к откровенному разговору доверителя. Модальное фокусирование на доверителе осуществляется с помощью тактик признания личной значимости речевого партнера и его моральной поддержки. Интерпретационные тактики конкретизации, перефразирования, индуктивного обобщения конструируют медиальную часть откровенного разговора, выполняя функцию управления его ходом. Разговорная манера самовыражения собеседников демонстрирует ослабление речевого контроля над ситуацией и непринужденный характер общения. Выбор тематического репертуара, релевантного для откровенного разговора, показывает преимущественное преобладание как сферы тематической тайны, так и подсферы «тематических табу»: первого сексуального опыта, психологической травмы (аборты, смерть близких, тяжелая, неизлечимая болезнь и др.).

Ключевые слова: жанр откровенного разговора, прототипическая модель жанра, профессиональное варьирование жанра, речевые тактики, темы сферы тематической тайны

Для цитирования: Вепрева И. Т., Полякова И. Г., Шалина И. В. Откровенный разговор в устном дискурсе репродуктивной медицины: особенности профессионального преломления // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 38–46. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-38-46>, EDN: HVOVLG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Open talk in the oral discourse of reproductive medicine: Peculiarities of professional refraction

I. T. Vepreva[✉], I. G. Polyakova, I. V. Shalina

Ural Federal University, 51 Lenina St., Yekaterinburg 620083, Russia

Irina T. Vepreva, irina_vepreva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2230-1985>Irina G. Polyakova, irinapolykova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9619-2152>Irina V. Shalina, irina_shalina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1127-4264>

Abstract. The object of the study in this article is the materials of medical counseling by a reproductive psychologist with oocyte donors who were patients of one of the reproductive centers in Yekaterinburg. Reproductive medicine has institutionalized germ cell donation, but the medical procedure of donation (voluntary donation of oocytes by a healthy woman) is not immune to possible risks and medical consequences, so the talk of a psychologist is mandatory for female gamete donors, is part of the donation program and involves discussion of topics closed to the general audience. The linguistic relevance of the conducted study is determined by the novelty of the analyzed material, which fits into the genre of a frank conversation. The situation of psychological counseling assumes maximum openness of the donor, which is one of the conditions of successful donation. The article considers the variation of the genre in its professional refraction based on the prototypical situation of open talk and reveals the set of speech tactics used by the psychologist in the course of the conversation. To initiate a frank conversation the confidant uses metacommunicative constructions, allowing them to invite the confidant to a frank conversation. The modal focus on the confidant is accomplished through the tactics of acknowledging the personal importance of the speech partner and their moral support. Interpretive tactics of concretization, paraphrasing, inductive generalization, as a rule, construct a medial part of the frank conversation, performing the function of controlling its course. The conversational manner of self-expression of the interlocutors demonstrates the weakening of speech control over the situation and the relaxed nature of communication. The choice of the thematic repertoire relevant to a frank conversation shows the predominance of the sphere of thematic secrecy, the sub-sphere of “thematic taboos”: first sexual experiences and psychological trauma (abortions, the death of loved ones, severe, incurable illness, etc.).

Keywords: genre of candid conversation, prototypical model of the genre, professional variation of the genre, speech tactics, topics of thematic secrecy

For citation: Vepreva I. T., Polyakova I. G., Shalina I. V. Open talk in the oral discourse of reproductive medicine: Peculiarities of professional refraction. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 38–46 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-38-46>, EDN: HVOVLG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Распространение репродуктивных технологий изменяет современный облик медицины, что требует серьезного многостороннего изучения не только философского [1, 2], социологического [3], юридического [4, 5], биоэтического [6], но и лингвистического характера.

Общение между врачом и пациентом является актуальной проблемой лингвопрагматики и жанроведения. Лингвистами установлены системообразующие признаки устного медицинского дискурса, его ведущие жанры, кластеры типовых эмоций [7, 8]. В рамках жанровых разновидностей выявлены коммуникативные стратегии и тактики общения, соотносимые со стадиями лечебного процесса [9], с жанром «прием у врача» [10], набором коммуникативных приемов речевого воздействия [11].

Консультация репродуктивного психолога является обязательной для доноров женских гамет и входит в программу донации, добровольной сдачи здоровой женщиной половых клеток, поскольку эта медицинская процедура «имеет ряд известных медицинскому миру рисков, а также ряд последствий, по которым мировое медицинское сообщество еще не выработало единого мнения» [12: 112]. Репродуктивного психолога при беседе с донором интересуют степень информативной осведомленности пациентки о предстоящей процедуре, мотивы, по которым женщина решается на донорство яйцеклеток, и другие этические проблемы. Ситуация психологического консультирования по характеру когнитивно-поведенческой стратегии, по модели, основанной на принципе диалога равноправных партнеров, предполагает максимальную

открытость донора, которая является одним из условий успешной донации.

Цель проведенного исследования – с опорой на речевые тактики жанра и речевые сигналы откровенности выявить типичные параметры жанра откровенного разговора, продуцируемого в общении *психолог – донор*.

Гипотеза предпринятого исследования. В основе профессионального общения репродуктивного психолога с донором яйцеклеток лежат релевантные признаки субжанра откровенного разговора, характерного для повседневной межличностной коммуникации близких людей. «Установка на доверие в близких отношениях “генерализуется”, “иррадирует” (по Д. Н. Узнадзе) в другие сферы общения, распространяясь и на профессиональные, и на деловые отношения, где “презумпция доверия” у русских доминирует в отношениях над осторожностью и недоверием» [13: 108]. В основе успешности коммуникативного взаимодействия между психологом и пациентом лежит осознанное использование речевых тактик откровенного разговора.

Материалом исследования послужили 29 полуструктурированных интервью с донорами ооцитов, пациентами одного из репродуктивных центров Екатеринбурга. При разработке интервью шла опора на опыт массовых опросов доноров из 11 европейских стран [14, 15] с учетом национально-культурной специфики русского коммуникативного сознания. Средний возраст донора составил 26,6 лет (диапазон от 19 до 34 лет). У десяти опрошенных высшее образование, у пяти – незаконченное высшее, у двенадцати женщин – среднее специальное, у двоих – среднее.

Основная часть

1. Параметры откровенного разговора

Анализ медицинского консультирования в жанровом аспекте не имеет однозначного решения [16: 456–458]. С одной стороны, жанрообразующие признаки разговорной беседы врача и пациента коррелируют с параметрами повседневного межличностного общения, с другой – институциональный дискурс медицинского консультирования накладывает определенные ограничения на этот жанр: статусное и эпистемическое неравноправие психолога и клиента / врача и пациента, асимметричные коммуникативные отношения [17]. Поэтому устное общение врача с пациентом представляется в виде градуальной шкалы. Крайними точками на шкале, с одной стороны, будет допрос / опрос (interrogation), с другой стороны, дружеская беседа (friendly conversation) [16: 459].

Категория «коммуникативного доверия» [18: 161] характеризует русское коммуникативное сознание в целом. Феномен откровенности лежит в основе разговора по душам, который является «безэквивалентным жанром русской культуры» и «во многом определяет русский коммуникативный идеал» [19: 326]. В отличие от разговора по душам, где «душа с душой говорит» о самом главном, откровенный разговор содержательно отклоняется от ядерного варианта разговора по душам, в большей степени однонаправлен и не предполагает ответной откровенности [20: 18].

Представим прототипическую коммуникативную ситуацию откровенного разговора в рамках доверительного общения [20: 16]: закрытое коммуникативное пространство с ограниченным количеством участников; доверитель (Д.) и конфидент (К.) – близкие или хорошо знакомые люди; тема разговора – личная / интимная, касающаяся сугубо адресата; неофициальная обстановка; контактный вид взаимодействия с использованием языковых средств разговорной речи; не имеет тенденции к повторению.

Параметр темы откровенного разговора может получать дальнейшую детализацию: выделяются сфера тематической тайны, охраняемой от чужого проникновения, с подсферой «тематического табу» и сфера тематической свободы (тема обсуждается свободно) [21: 83–84].

Любая прототипическая ситуация обладает тенденцией к варьированию, и в рамках ролевого взаимодействия *психолог – донор* изменяется несколько параметров: во-первых, интенция доверителя: откровенность носит вынужденный характер; во-вторых, дискурсивная роль конфидента варьируется по степени активности и подготовленности. Кроме того, параметром, отклоняющимся от прототипического, является степень знакомства – в откровенном разговоре участвуют ранее незнакомые люди. В этом случае срабатывает «эффект случайного попутчика», и качество диалогического общения коммуникантов зависит от того, насколько конфидент соответствует жанровому ожиданию отзывчивого собеседника. Наш материал показывает, что для инициирования откровенного разговора конфидент эксплицирует свои намерения, используя метакоммуникативные конструкции, позволяющие ему пригласить к откровенному разговору доверителя, например: **Не буду утаивать правды, эта процедура не безопасная, и моя задача – обезопасить вас от каких-то неприятных последствий; Наш разговор будет конфиденциальным.**

2. Речевые тактики откровенного разговора: эксплицирование жанра

Ставя перед собой цель установить доверительные межличностные отношения, дать возможность женщине выговориться, открыть себя и свою правду об обстоятельствах личной жизни, работы и досуга, о мотивах и целях донации, психолог эксплицирует перед собеседником свои намерения: *Я свою задачу вижу в том, чтобы женщина, во-первых, на берегу для себя это все проговорила, то есть возможные плюсы, минусы, и, во-вторых, если все-таки вы на этот шаг решаетесь, чтобы он вам был в плюс.*

Механизмом, «запускающим» создание максимально комфортной обстановки, становится транслируемая конфидентом установка: «вы можете не стесняться, говорить открыто и свободно о своих мыслях, чувствах, тревогах, поскольку ваша тайна будет сохранена, вы в безопасности, и я желаю вам только добра». Предваряющие разговор речевые тактики констатации факта конфиденциальности направлены на снятие психологического напряжения и установление доверительных отношений. **К. С вашего разрешения** нашу беседу я буду записывать. *Все, что вы скажете, будет конфиденциально...; Еще раз мы должны проговорить, что вы не возражаете против того, чтобы, во-первых, результаты были переданы в клинику и, во-вторых, использовались в каких-то научных исследованиях; ... также я могу использовать их в научной работе, без ваших персональных данных.*

Тактика приглашения к разговору оформляется с помощью императивов, «мы-высказываний», оценочной лексики, вопросительных конструкций: **К. Давайте поговорим** об этом. **Подумаем**, какие могут быть варианты. **Это очень важный вопрос; Тот шаг**, на который вы сейчас готовы, тоже **сложный. И морально тоже**; Скажите, пожалуйста, какова ваша семейная ситуация? Но, мне кажется, **было бы полезно и вам**, в первую очередь, **понять, что на самом деле вами движет, что происходит в вашей жизни**; Я просто **пытаюсь наметить выход из этой ситуации**; **Это важно** вам гораздо больше, чем мне, чтобы это пошло вам на пользу. Инициальные речевые тактики конфидента направляют к серьезному, обстоятельному разговору.

Институционализированный характер консультации «размывается» точечным включением в речевую партию конфидента фактов своей частной жизни и выражения личного мнения: **Смотрите, я со стороны слушаю вас, у меня же есть собственный опыт**: когда ребёнку два года и особенно когда

один год, когда он только пошёл, там действительно много всего; **Мне вот очень интересно. Как бы я сейчас этого не смогу. И это не моя задача**, но у вас абсолютно чётко какой-то стоит блокатор чувств; **Я не за белых и не за красных, я не за «надо»**; Бывает такое состояние, **мне кажется, это очень хорошее состояние**, когда тебя прямо распирает чувство успеха; Но все-таки **как женщина, как мать**, я бы все-таки думала прежде всего о себе.

Развернутое мнение конфидента, отвечающее внутренним ожиданиям доверителя, гармонизирует общение и оказывает психотерапевтический эффект. Ср.:

Д. Можно вопрос?

К. Да, пожалуйста.

Д. Вы каждый раз разговариваете с донорами. А вы бы сдали? Как вы вообще к этому относитесь? Вы это поддерживаете? Вы бы так смогли?

К. Это довольно интимный вопрос, и я ... скажу в целом. Кому-то, я так чувствую, я говорю честно – это вообще не нужно и вредно. То есть приходит молодая девочка, у нее в голове какая-то каша, пытается спастись от депрессии, думает, что донорство ооцитов что-то ей даст. На мой взгляд, это не нужно и вредно. То есть у меня дифференцированный подход. Я думаю, что если женщина готова физически, готова морально, если она сможет сохранить фертильность, собственную женственность, если она материальное свое состояние поправит таким образом, то очень хорошо. Очень плохо, когда женщина не понимает, зачем ей это надо. У нее в голове какие-то одни мысли, а на самом деле это будут только проблемы.

Д. Я об этом и говорю, да. Спасибо вам большое!

Метаязыковые сигналы откровенности кодируют непринужденный и частный характер общения: если честно...; я вот вам честно скажу; обманывать вообще не хочу; откровенно говоря; сказать по правде; всю поднаготную скажу. Например: (о воображаемой встрече с ребенком, рожденным от яйцеклетки донора): **Д.** Я буду искренне счастлива. **Вот честно скажу**, я, может, даже заплачу, расстроюсь. Мне будет приятно; (о воображаемой встрече с биородителями): Я буду, наверное, задавать вопросы... **То есть не буду открыта, как с вами**, грубо говоря.

Лексика с семантикой личного пространства (интимный, сокровенный, близкий, открыть(ся), свой, мой, личный) включается в состав речевых тактик призыва к откровенности и откровенного признания, формирующей сферу тематической тайны – группы тем,

охраняемых от чужого проникновения: *Это такие интимные вещи; Я вообще в принципе не привыкла с кем-то делиться таким сокровенным; Есть очень маленький круг людей, которому бы я могла сказать: две моих близких подруги, ну, и мама.* Конфидент может прямо / косвенно вынуждать / побуждать или деликатно стимулировать к открытию важного, сокровенного. Ср.:

К. То есть у вас были отношения... С молодым человеком.

Д. Да, и не получилось.

К. А что именно не получилось?

Д. Прямо открыто разговаривать?

К. Да.

Д. Не знаю, я так не могу просто открыться.

К. Я же не требую каких-то интимных... просто что случилось? Вы не были с ним в браке официально, но жили вместе?

Проницаемость границ личного пространства доверителя может варьироваться от нежелания делиться тайной (однословные верификаторы *да / нет*; молчание; слезы; единожды встретился отказ отвечать на вопрос) до обнажения самых потаенных желаний как свидетельства интимизации общения: **Д.** Я дочь свою очень люблю, вы даже не представляете, насколько я ее люблю; Мне кажется, я не готова просто подпустить к себе мужчину; Первый раз полюбила и хотела с этим человеком быть, я уже не таю какой-то надежды и не строю воздушные замки по поводу того, что мы когда-нибудь с ним будем вместе. Ср. также:

К. Вы же хотите помочь...

Д. Если честно, у меня была очень такая идея, заверить свое тело после смерти на трансплантацию органов, которые еще можно будет использовать ... это можно нотариально заверить ... Либо просто отдать мое тело на растерзание студентам-медикам в анатомичку... Потому что... что из себя тело после смерти представляет?!

Разговорная манера самовыражения демонстрирует ослабление речевого контроля над ситуацией и непринужденный характер общения. Удельный вес разговорно-просторечных и жаргонных единиц определяется уровнем речевой культуры доверителя, степенью доверия к конфиденту: *Я после работы, пожарать приготовить, с дочерью сижу; Он так выкидывает: «Чё ты мне мозги промываешь? Я тебе сказал идти на аборт»; Мне кажется, сурмама как бы делает это ради денег, ради бобосиков; Я просто спавала и такая думаю: «Блин, я тут аборт делала. Может у меня там яйцеклетки плохие стали, негодные».*

Модальное фокусирование на доверителе осуществляется конфидентом с помощью тактик комплиментарности, признания личной значимости речевого партнера, одобрения его действий и моральной поддержки: **К.** Вы сейчас **абсолютно правильно говорите, вы вообще вещи видите достаточно здраво, несмотря на молодость, на мой субъективный взгляд; Безусловно, ваш поступок заслуживает уважения, и он ведет к новой жизни, и, наверное, единственный вообще не требует дополнительного смысла – это рождение ребенка...; Вы это уже пережили и, скорее всего, всё будет нормально и без последствий как для психики, так и для физического состояния; Я надеюсь, что все у вас будет хорошо.** И что самое главное это... ну, безусловно, вы кому-то поможете; **Мне важны ваши чувства, то есть что вы при этом будете готовы пережить без последствий за себя...; Мне кажется, это честный ответ.** Как бы то ни было, это важно, когда вы говорите себе **честно.**

Интерпретационные тактики (конкретизации, перефразирования, индуктивного обобщения, метафоризации, погружения предмета речи в профанный контекст и др.), как правило, конструируют медиальную часть откровенного разговора, выполняя функцию управления его ходом и общей активизации относительно развития конкретной темы. Возможность отрефлексировать свой личный опыт и свое эмоциональное состояние позволяет доверителю вывести в светлое поле сознания то, в чем он не хотел себе признаться или чего боялся, например:

К. И тем более, если у вас есть партнер, который хочет от вас этого ребенка. И если в ту сторону побольше посмотреть, получше оглядеться. И тем более не обманывать его, не обижать...

Д. Вы правы. На самом деле даже поговорить на эту тему не с кем было. Видите, а тут как бы озвучила мысли, послушала и поняла, что на самом деле ерунда какая-то с моей стороны.

К. Нет, это не ерунда.

Д. Да. Я не смогу с этим потом жить, мне кажется. Обманывать вообще никого не хочу, скрывать тоже не хочу ни от кого. Самой тяжело одной. **Наверно, реально надо другой выход искать**

Затруднения в плане становления и развития мысли или ее речевого выражения преодолеваются с помощью такого профессионального приема, как предоставление доверителю возможности договорить. Речевая тактика поддержки-подхвата [22] становится возможной при условии психологической бли-

зости коммуникантов, глубокого понимания мотивов другого:

К. Я не вижу для вас мотивов. Точнее я вижу один, это отработка аборта. Но мне кажется, что...

Д. Что я пытаюсь закрыть это?.. У меня тоже были такие мысли, но она как-то молниеносно промелькнула.

Речевые тактики совета и согласия его принять также сокращают психологическую дистанцию между конфидентом и доверителем, формируют коммуникативную гармонию и ощущение положительного коммуникативно-психологического результата разговора.

К. Вы молодая красивая. Он молодой, детей у него нет. Стройте нормальную семью, рожайте, зачем куда-то.

Д. Согласна.

К. Скажите ему, что я подумала, я услышала твои сомнения, и я решила – нет.

Д. Точно. Спасибо большое. Здорово. Я даже успокоилась. Пойду говорить. Пошла скажу (смеется).

Финальная часть разговора фиксирует коммуникативно-психологический результат и при любом исходе получает модус оптимизма:

Д. Дребезжания внутри у меня нет. Все вопросы, которые мы обсуждали сегодня, я их внутри себя прорабатывала, говорила и понимала. Поэтому... Все в целом понимающе.

К. Хорошо, спасибо вам за беседу.

3. Сфера тематических табу в откровенном разговоре

Выбор тематического репертуара, релевантного для откровенного разговора, намечается репродуктивным психологом заранее. К табуированным темам, составляющим сферу тематической тайны, можно отнести такие, как первый сексуальный опыт, психологическая травма, аборт, смерть, тяжелая неизлечимая болезнь и др. Инициирование и обсуждение этих тем необходимы для определения оценки состояния психологического и физиологического здоровья донора: **К.** Муж ваш первый половой партнер? Сколько мужчин у вас было до брака? Почему отчим на протяжении девяти лет избивал вас, а вы молчали? Ответы на подобные вопросы дают донору право получить положительное заключение о донации, поэтому он вынужден говорить.

Тема религиозных чувств и верований считается интимной и традиционно табуированной. Вопрос о вере и взаимоотношениях с Богом как нравственным императивом, определяющим отношении современного человека к донации яйцеклеток, искусственному оплодотворению, суррогатному материнству, –

это вопрос его духовно-нравственного состояния. Согласно «Основам социальной концепции Русской Православной Церкви», «...пути к деторождению, не согласные с замыслом Творца жизни, Церковь не может считать нравственно оправданными» [23: 134–135]. Неприемлемость донации связана с возможным уничтожением эмбрионов, а также разрушением связи супругов «в единой плоти» путем интимного соединения с посторонним человеком на уровне клеток.

Жизнеориентирующие установки, проспективно обозначенные большинством информанток, ориентированы преимущественно на ценности материального достатка, успешной карьеры, получения удовольствия:

Д. Лет через десять буду жить у моря; Жить в достатке, своё жильё. Всё хорошо, чтобы не было потребности какой-то в деньгах; У меня блог, миллионная аудитория на ютубе, также в тиктоке и в инстаграме, я езжу по сходкам блогеров, участвую в разных мероприятиях, в интервью, может, «Вечерний Ургант»... У нас может быть собачка, кошка, дети пусть будут. В этой ценностной системе координат Богу не остается места (на вопрос: «Вы верующая?» – около 40% женщин ответили «Нет»). 60% информанток идентифицировали себя в качестве агностиков (Все-таки что-то есть) либо крещеных / верующих, но далеких от Церкви: В Бога верю, но какой-то религии не принадлежу; Крещеная, но не молюсь, посты не соблюдаю; В церковь не хожу, но молитву читаю «Отче наш». Но так что прямо кармы какой-то не ощущаю; Что-то среднее: не хожу в храм, не исповедуюсь, святые праздники не знаю и под.

Отсутствие живой веры, личных отношений с Богом порождает в сознании современного человека сомнительные идеи о том, что перед Богом можно оправдаться (Я же не делаю ничего плохого; Я верующая, но не настолько, чтобы задумываться, как Он на это смотрит; Я же все равно кому-то помогу. Кто-то не может иметь детей, а мечтает об этом; Если такое делают люди, значит такое делать можно; Хотя это не по-христиански, но оно же не просто так пришло в голову); с Ним можно договориться (Чтобы мне потом этот апостол Петр поставил галочку и в рай пустил; С Богом у меня терок нет) или поспорить, поставив под сомнение Его заповеди (Все мы дети Бога, почему женщина, которая желает и не получает дитя как бы, если есть возможность такая в наш век высоких технологий...). Наконец, Бога можно приспособить под себя, заменив Его собой: Я покиваю, я потом покаюсь, но я сделаю здесь и сейчас, потому что на данный момент это

мне сейчас и здесь нужно; Потому что мое внутреннее Я, оно полностью со мной согласо. Нет каких-то сомнений в том, что я иду верным путем, что это нужно сделать; Свои решения, честно, да, ни разу не согласовывала с Богом. Откровенные признания утверждают идею самости человека как отрицания любой реальности, кроме своей собственной, и отвержение любой другой воли, кроме своей: Мой Бог... он это я (смеется); Я это не спрашивала у Него, я же решу, не Он. Я это никогда даже не думала спрашивать. Человекоцентричная картина мира актуализирует идею «человека как меры всех вещей», способного вырвать у Бога сокровенные тайны зачатия и рождения.

Та или иная профессионально «раскрученная» конфидентом тема позволяет нащупать и отработать вытесненную психологическую травму как неосознаваемый фактор мотивации донации и компенсации ментально-психологической проблемы. Ответ на вопрос «Почему вы пришли в донорство ооцитов?» может открыть тайну доверителя, который руководствуется установкой: «я открываю свои мысли и чувства, поскольку вынуждена это сделать и рассчитываю на сохранение тайны, свою безопасность и ваше доброжелательное отношение», например: **Д.** Я решила... дело в том, что первый раз, когда я забеременела, у меня аборт был. То есть с мужем как раз с моим. И я не знаю, может, как-то реабилитироваться хочу в этом плане. Ну не знаю, помочь людям, которые не могут в принципе иметь детей.

Одним из мотивационных факторов донации становится детская / подростковая травма: суицид близкого, предательство отца, развод родителей, травля одноклассников и др. Приведем развернутую иллюстрацию:

Д. Мама, когда забеременела мной, уже рожать срок, отец ушел к другой женщине, ну, и мама больше никогда ни с кем не построила отношений ... Мама меня в этом винит, что для тебя старалась, работала, все для тебя. Она говорит, что у меня нос, как у папы, и улыбка, как у папы, и, видимо, ей это напоминает о нем, и она срывалась на мне ... Я не оправдывала ее надежд, то есть дети других подруг всегда были лучше. Мама никогда меня не обнимала, и сейчас это продолжается. Как объяснить-то... Если я маме не нужна, значит, я никому не нужна, извините (плачет). Что бы я ни сделала, всегда была битой Не скажу, что прямо забивала, но по голове могла стукнуть, по лицу ударить. Она меня по имени никогда не называла. Я не помню, чтобы был какой-то теплый разговор, или объятия какие-то, поцелуи. Я вот дочку зацеловываю, мне кажется, чересчур даже. Потому

что, видимо, сама этого не получала. Нет в памяти абсолютно никакой картины, что мама испытывает какое-то теплое чувство ко мне...

К. Зачем вам это (донация) нужно?

Д. Как будто мне будет хорошо от этого. Не то, чтобы я искупаю что-то или... я как будто хочу быть значимой. Не просто так я есть. Я есть у своего ребенка, я главная в ее жизни, я основа, я близкая, родная, я нужная. Хочется еще обществу послужить, просто сделать людям добро... Я хочу услышать мнение людей, которые близки мне, знать, как люди на это реагируют, что мне скажут...

К. Я пока плюсов (донации) для вас не вижу. Это моя честная позиция.

Д. Ну, я буду гордиться собой в любом случае, что я пошла на этот шаг и это сделала, я сама для себя – я молодец, и я могу гордо самой себе сказать, что я не только для себя, для своего ребенка значимая в жизни, но и сама для себя, что я сделала что-то хорошее в жизни.

Очевидно, что отсутствие близких отношений с матерью, обесценивающей личность и поступки дочери, деформировало психику последней и привело к страданиям, которые она пытается компенсировать желанием помочь незнакомым людям: *Есть люди, которые хотят детей и не могут ... много женщин, которым дети не нужны в принципе.*

Выводы

Проведенное исследование показало, что выдвинутая нами гипотеза подтвердилась: параметры консультации репродуктивного психолога с донором соотносятся с релевантными признаками жанра откровенного разговора. Для создания ситуации откровенного разговора психолог-конфидент осознанно использует типовые для жанра коммуникативные тактики, позволяющие донору-доверителю идентифицировать речевое взаимодействие как неформальное межличностное общение и довериться психологу.

Профессиональным преломлением жанра откровенного разговора является необходимость преднамеренного внедрения психолога в сферу табуированных тем. Детабуизация тем, составляющих сферу тематической тайны, демонстрирует степень доверия между конфидентом и доверителем, в результате чего откровенный разговор получает гармонический коммуникативный результат. Созданию благоприятного коммуникативного контакта способствует «человекодругоценность», свойственная русской коммуникативной традиции в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Изуткин Д. А. Человеческое достоинство и рационализация современной медицины в аспекте биомедицинских технологий // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 43–49. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-5-43-49>
2. Майленова Ф. Г. Трансформация традиционных моральных ценностей вследствие вмешательства современных биомедицинских технологий (на примере ВРТ) // Философские контексты современности: принцип ratio и его пределы. ФИКОС 2020 : сборник статей I Международной научно-практической конференции, Ижевск, 28–29 февраля 2020 года. Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2020. С. 219–225.
3. Бердышева Е. С. От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // Экономическая социология. 2012. Т. 13, № 1. С. 67–85.
4. Бабаджанов И. Х. Человек, его тело: проблемы собственности // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 12. С. 170–177.
5. Савина О. В. Этические основания регулирования донации гамет и практики со-parenting // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4 (101). С. 19–26. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.101.4.019-026>
6. Курленкова А. С. Этические проблемы использования вспомогательных репродуктивных технологий // Медицинская этика. 2014. № 1. С. 70–80.
7. Жура В. В. Устный медицинский дискурс: проблемы изучения. Волгоград : ООО «Дарко», 2007. 155 с.
8. Жура В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении. Волгоград : Изд-во ВолГМУ, 2008. 250 с.
9. Барсукова М. И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 24 с.
10. Карымишакоева Т. Г. Лингвистические технологии речевого воздействия в медицинском дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2015. 24 с.
11. Акаева Э. В. Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. 23 с.
12. Курленкова А. С. Когда язык имеет значение: от донорства яйцеклеток к рынкам ооцитов // Социология власти. 2016. Т. 28, № 1. С. 107–140.
13. Борисова И. Н. Речевое поведение личности в повседневном общении // Русское повседневное общение: прагматика, культурология : монография / под науч. ред. проф. И. Н. Борисовой. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. С. 42–118.
14. Pennings G., De Mouzon J., Shenfield F., Ferraretti A. P., Mardesic T., Ruiz A., Goossens V. Socio-demographic and fertility-related characteristics and motivations of oocyte donors in eleven European countries // Human Reproduction. 2014. Vol. 29, № 5. P. 1076–1089. <https://doi.org/10.1093/humrep/deu048>
15. Platts S., Bracewell-Milnes T., Saso S., Jones B., Parikh R., Thum M.-Y. Investigating attitudes towards oocyte donation amongst potential donors and the general population: A systematic review // Human Fertility. 2019. July. Vol. 24, № 3. P. 169–181. <https://doi.org/10.1080/14647273.2019.1602736>
16. Ainsworth-Vaughn N. The discourse of medical encounters // The handbook of discourse analysis / eds. D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton. Malden, MA : Blackwell, 2001. P. 453–469.
17. Tannen D., Wallat C. Medical professionals and parents: A linguistic analysis of communication across contexts // Language in Society. 1986. Vol. 15, iss. 3. P. 295–311.
18. Стернин И. А. Язык и национальное сознание // Логос. 2005. № 4 (49). С. 156–171.
19. Дементьев В. В. Разговор по душам // Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский дом ЯСК, 2022. С. 323–341.
20. Наумова М. М. Откровенность в межличностной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 25 с.
21. Верещагин Е. М., Ратмайр Р., Роулер Т. Речевые тактики «призыва к откровенности». Еще одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецкий контрастивный подход // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 82–93.
22. Матвеева Т. В. Речевое поддержание и приращивание // Русское повседневное общение: прагматика, культурология : монография / под науч. ред. проф. И. Н. Борисовой. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. С. 170–198.
23. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М. : Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2008. С. 134–135.

REFERENCES

1. Izutkin D. A. Human dignity and rationalization of modern medicine in the aspect of biomedical technologies. *Humanitarian Vector*, 2021, vol. 16, no. 5, pp. 43–49 (in Russian). <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-5-43-49>
2. Mailenova F. G. Transformation of traditional moral values due to the intervention of modern biomedical technologies (using the example of ART). *Filosofskie konteksty sovremennosti: printsip ratio i ego predely. FIKOS 2020: sbornik statei I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Izhevsk, 28–29 fevralya 2020 goda* [Philosophical Contexts of Modernity: The Ratio Principle and its Limits. FIKOS 2020: Coll. of sci. arts of I International sci. and pract. conf. Izhevsk, Feb. 28–29, 2020]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2020, pp. 219–225 (in Russian).
3. Berdysheva E. S. From criticism to analysis: The commodification of vital goods as an urgent research problem in the New Economic Sociology. *Journal of Economic Sociology*, 2012, vol. 13, no. 1, pp. 67–85 (in Russian).
4. Babadzhanov I. Kh. Man, his body: Problems of ownership. *Juridical Science: History and Modernity*, 2016, no. 12, pp. 170–177 (in Russian).
5. Savvina O. V. Ethical grounds for regulating gamete donation and co-parenting practices. *Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 4 (101), pp. 19–26 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.101.4.019-026>
6. Kurlenkova A. S. Ethical problems of using assisted reproductive technologies. *Medical Ethics*, 2014, no. 1, pp. 70–80 (in Russian).
7. Zhura V. V. *Ustnyi meditsinskii diskurs: problemy izucheniya* [Oral medical discourse: Problems of study]. Volgograd, ООО “Darko”, 2007. 155 p. (in Russian).

8. Zhura V. V. *Diskursivnaya kompetentsiya vracha v ustnom meditsinskom obshchenii* [Doctor's discursive competence in oral medical communication]. Volgograd, Volgograd State Medical University Press, 2008. 250 p. (in Russian).
9. Barsukova M. I. *Medical discourse: Strategies and tactics of speech behavior by physicians*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol). Saratov, 2007. 24 p. (in Russian).
10. Karymshakova T. G. *Linguistic technologies of speech influence in medical discourse*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol). Ulan-Ude, 2015. 24 p. (in Russian).
11. Akaeva E. V. *Communicative strategies of professional medical discourse*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol). Omsk, 2007. 23 p. (in Russian).
12. Kurlenkova A. S. When language matters: From egg donation to oocyte markets. *Sociology of Power*, 2016, vol. 28, no. 1, pp. 107–140 (in Russian).
13. Borisova I. N. Speech behavior of a person in everyday communication. In: *Russkoe povsednevnoe obshchenie: pragmatika, kul'turologiya: monografiya. Pod nauch. red. prof. I. N. Borisovoi* [Borisova I. N., ed. Russian Everyday Communication: Pragmatics, Culturology: Monograph]. Ekaterinburg, Humanities University Publ., 2018, pp. 42–118 (in Russian).
14. Pennings G., De Mouzon J., Shenfield F., Ferraretti A. P., Mardesic T., Ruiz A., Goossens V. Socio-demographic and fertility-related characteristics and motivations of oocyte donors in eleven European countries. *Human Reproduction*, 2014, vol. 29, no. 5, pp. 1076–1089. <https://doi.org/10.1093/humrep/deu048>
15. Platts S., Bracewell-Milnes T., Saso S., Jones B., Parikh R., Thum M.-Y. Investigating attitudes towards oocyte donation amongst potential donors and the general population: A systematic review. *Human Fertility*, 2019, July, vol. 24, no. 3, pp. 169–181. <https://doi.org/10.1080/14647273.2019.1602736>
16. Ainsworth-Vaughn N. The discourse of medical encounters. In: Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H., eds. *The handbook of discourse analysis*. Malden, MA, Blackwell, 2001, pp. 453–469.
17. Tannen D., Wallat C. Medical professionals and parents: A linguistic analysis of communication across contexts. *Language in Society*, 1986, vol. 15, iss. 3, pp. 295–311.
18. Sternin I. A. Language and national consciousness. *Logos*, 2005, no. 4 (49), pp. 156–171 (in Russian).
19. Demytyev V. V. A heart-to-heart conversation. In: Balashova L. V., Demytyev V. V. *Russkie rechevye zhanry* [Russian speech genres]. Moscow, LRC Publishing House, 2022, pp. 323–341 (in Russian).
20. Naumova M. M. *Openness in interpersonal communication*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol). Volgograd, 2015. 25 p. (in Russian).
21. Vereshchagin E. M., Ratmair R., Roiter T. Speech tactics of “calling for frankness”. Another attempt to penetrate the idiomatics of speech behavior and the Russian-German contrastive approach. *Questions of Linguistics*, 1992, no. 6, pp. 82–93 (in Russian).
22. Matveeva T. V. Speech support and adherence. In: *Russkoe povsednevnoe obshchenie: pragmatika, kul'turologiya: monografiya. Pod nauch. red. prof. I. N. Borisovoi* [Borisova I. N., ed. Russian Everyday Communication: Pragmatics, Culturology: Monograph]. Ekaterinburg, Gumanitarnyi universitet Publ., 2018, pp. 170–198 (in Russian).
23. *Osnovy sotsial'noj kontsepcii Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi* [The Basics of the social concept of the Russian Orthodox Church]. Moscow, Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate Publ., 2008, pp. 134–135 (in Russian).

Поступила в редакцию 20.03.2023; одобрена после рецензирования 12.05.2023; принята к публикации 25.05.2023
The article was submitted 20.03.2023; approved after reviewing 12.05.2023; accepted for publication 25.05.2023

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 47–55

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 47–55

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-47-55>, EDN: FRVCAB

Научная статья

УДК 811.111'42

Мотивационная речь: специфика функционирования речевого жанра

Я. А. Волкова¹, Н. Н. Панченко²✉

¹Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 7

²Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия, 400005, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 27

Волкова Яна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков, yana.a.volkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1456-5881>

Панченко Надежда Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языкознания, panchnn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4498-5262>

Аннотация. Исследование посвящено описанию речевого жанра «мотивационная речь» на материале англоязычного мотивационного дискурса. Актуальность и научная новизна обусловлены необходимостью конструирования определения мотивационного дискурса, уточнения его дискурсивной интенции и стратегии, изучения и описания его жанрового своеобразия. В статье предпринята попытка дифференцировать понятия мотивации и воздействия и соответствующие дискурсы по типу адресата (адресатный, нацеленный на конкретного партнера по коммуникации, и общеадресатный, ориентированный на абстрактного адресата), по типам субъектов в зависимости от избираемой индивидом стратегии «мотива достижения» – стремления к успеху или избегания неудачи. Анализ мотивационных речей продемонстрировал их тематическую неоднородность, а также вариативность с точки зрения степени формализации – жанры жесткой, мягкой формализации и свободные жанры. В результате анализа выделено восемь основных типов мотивационных речей, дифференцируемых на основании базовой интенции и концепции адресата, определена их композиционная структура, установлены характерные для анализируемого жанра особенности, к которым относится использование приема сторителлинга, юмористических средств и различного рода эвиденциальной информации, эмотивной лексики и синтаксиса, так называемого «инклюзивного языка».

Ключевые слова: воздействие, жанр, мотивация, мотивационный дискурс, мотивационная речь, стратегия

Для цитирования: Волкова Я. А., Панченко Н. Н. Мотивационная речь: специфика функционирования речевого жанра // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 47–55. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-47-55>, EDN: FRVCAB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Motivational speech: Specifics of the speech genre functioning

Ya. A. Volkova¹, N. N. Panchenko²✉

¹Peoples' Friendship University of Russia, 7 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

²Volgograd State Socio-Pedagogical University, 27 Lenin Ave., Volgograd 400005, Russia

Yana A. Volkova, yana.a.volkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1456-5881>

Nadezhda N. Panchenko, panchnn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4498-5262>

Abstract. The study aims to describe the speech genre of “motivational speech” in English-speaking motivational discourse. The relevance and scientific novelty of the research are determined by the need to construct the definition of motivational discourse, to clarify its discursive intention and strategy, and to study and describe its genre specificity. The article distinguishes between the concepts of motivation and impact and their respective discourses based on the addressee type (particularly addressable, targeting a specific communication partner, and generally addressable, oriented towards an abstract addressee), as well as based on the subject types that

depend on the individual's chosen "achievement motivation" strategy – either striving for success or avoiding failure. The analysis of motivational speeches demonstrated their thematic heterogeneity and varying degrees of formalization, ranging from rigid and soft formalization genres to free genres. The study identified eight main types of motivational speeches differentiated according to their basic intention and addressee concept, and determined their compositional structure. Furthermore, the research established characteristic features of this genre, such as the incorporation of storytelling, humor, different types of evidential information, emotive lexis and syntax, as well as the use of the so called "inclusive language".

Keywords: impact, genre, motivation, motivational discourse, motivational speech, strategy

For citation: Volkova Ya. A., Panchenko N. N. Motivational speech: Specifics of the speech genre functioning. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 47–55 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-47-55>, EDN: FRVCAB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вступительные замечания

В последние годы исследователи в области социологии, психологии и лингвистики все чаще обращаются к обсуждению проблем мотивации.

В социологии мотивация предстает как стратегический подход к управлению организацией, один из важных социальных факторов, механизм стимулирования, способствующий формированию вовлеченности сотрудников предприятия и приводящий к эффективному рабочему процессу и его результатам. Мотивационная политика предстает как «составная часть модели управления мотивацией на предприятии, которая отражает отношение руководства предприятия к своим сотрудникам, определяет оперативные цели, конкретные направления деятельности и внедряемые мотивационные мероприятия, необходимые для поддержания ее высокого уровня, высокого уровня эффективности трудового коллектива и оптимального его состава, а также расходы, необходимые для внедрения» [1: 265].

В психологии мотивацию ученые связывают со свойствами личности: «между мотивацией и свойствами личности имеется обоюдоострая связь: свойства личности влияют на особенности мотивации, а последние, закрепившись, становятся свойствами личности» [2: 133]. При этом отмечается, что количество разнообразных мотивов, потребностей, интересов и целей у человека прямо пропорционально уровню развитости его мотивационной сферы. Согласно Е. П. Ильину, формирование личности – это по сути целенаправленное формирование мотивационной сферы личности [3].

Применительно к лингвистическому научному знанию актуальность приобретает понятие «мотивационный дискурс». Упоминания о мотивационном дискурсе начали появляться в последние десятилетия в исследованиях зарубежных авторов, отсылающих к академическому дискурсу, тьюторству, тренингам

личностных изменений [4–6], идею выделения и описания мотивационного дискурса подхватили и отечественные лингвисты, исследования которых в большей степени ориентированы на англоязычную коммуникацию [7, 8].

Следует признать, что несмотря на обозначившийся в отечественной лингвистике интерес к мотивационному дискурсу, его понятие пока не получило однозначного определения, что можно объяснить новизной данного термина и неоднозначностью его трактовки, а также широкой вариативностью и разнообразием жанров, соотносимых с мотивационным дискурсом. В этой связи теоретически значимыми становятся задачи конструирования рабочего определения мотивационного дискурса, уточнения его дискурсивной интенции и стратегии, изучения и описания его жанрового своеобразия.

Теоретические основы исследования

Очевидно, что мотивационный дискурс имеет сложную жанровую структуру, требующую отдельного рассмотрения. В данной части исследования обратимся к обсуждению ключевых понятий и теоретических положений, на которые мы планируем опираться.

Начнем с того, что обратим внимание на функциональный потенциал рассматриваемого дискурса. Как нам представляется, одна из причин неоднозначности толкования понятия «мотивационный дискурс» связана с нечеткостью формулирования его основной коммуникативной цели. В исследовании Ж. И. Подоляк встречаем следующее определение мотивационного дискурса: «вербальное взаимодействие адресанта и адресата с целью оказать положительное воздействие на эмоциональную, волевою и деятельностную сферу последнего» [7, выделено нами. – Я. В., Н. П.]. Бесспорно, подобная широкая формулировка коммуникативной интенции не позволяет выделить анализируемый дискурс из ряда аналогичных, имеющих функ-

цию воздействия на адресата, достаточно вспомнить сходную ориентацию предвыборного дискурса. Целесообразной становится задача дифференциации воздействия и мотивации.

Инвариантным признаком обоих понятий является их направленность на адресата. Тем не менее с точки зрения характера адресата мотивационный дискурс, на наш взгляд, можно отнести к адресатному типу, ориентированному на конкретного участника коммуникации, в то время как большинство воздействующих жанров и дискурсов могут быть охарактеризованы как общеадресатные, нацеленные на отвлеченного или абстрактного адресата, не обязательно принимающего непосредственное участие в коммуникации.

Если обратиться к психологическим определениям понятий воздействия и мотивации, то обнаруживаем, что воздействие всегда осуществляется извне, как «интервенция», проникновение одного субъекта в психологию личности другого субъекта (ср.: «воздействие одного индивида на психику другого индивида (группы), которое ... преследует цель изменения или укрепления взглядов, мнений, отношений, установок и других психологических явлений» [9: 117]). В то время как мотивация гипотетически может выступать как самоизбираемая стратегия поведения, как процесс выбора субъектом цели, влияющей на качество жизни или уровень результатов деятельности, т. е. «процесс формирования цели (по аналогии с процессом формирования плана)» [2: 73]. Подобное предположение обусловлено возможностью дифференциации двух типов субъектов в зависимости от избираемой индивидом стратегии «мотива достижения» – стремления к успеху или избегания неудачи. Субъект, предпочитающий ориентироваться на успех, уверен в успешном исходе, не испытывает страха перед неудачей, готов идти на риск и решать задачи повышенной трудности. Субъект, ориентированный на избегание неудачи, испытывает страх перед потенциальной неудачей, готов к решению легких задач или задач, неуспешная реализация которых не ассоциируется с личной ответственностью. Первый тип потенциально способен к внутриорганизованной мотивации, второй, напротив, преимущественно испытывает потребность во внешнеорганизованной мотивации, стимулируемой другим субъектом / группой и тем самым становится адресатом мотивационного дискурса.

Еще одним инвариантным семантическим признаком, обнаруживаемым в дефинициях мотивации и психологического воздействия, является сема 'изменение': психологическое воздействие есть «изменение психологиче-

ского состояния человека, его поведения, его личностно-смысловых образований (установок, мнений, целей, оценок и др.) другим человеком или группой людей» [10: 13]; мотивация в числе прочего определяется как побуждение к изменению поведения в целях профессионального и личностного роста.

Несмотря на семантические совпадения, думается, что сопоставляемые явления воздействия и мотивации можно рассматривать как общее и частное соответственно. К этому выводу позволяет прийти существующее в психологии разграничение трех стратегий воздействия: императивной, нацеленной на кратковременный эффект психологического воздействия и не затрагивающей глубинные структуры психической организации личности, манипулятивной, ориентированной на существенные изменения психологического поля личности с помощью приемов подсознательного воздействия, и наконец, развивающей стратегии, обуславливающей актуализацию потенциала собственного саморазвития каждой из взаимодействующих психологических систем в группе тренинга [9]. Развивающая стратегия воздействия, как нам кажется, напрямую соотносится с мотивационной стратегией. В качестве рабочего определения предлагаем понимать мотивационную стратегию как актуализацию, создание позитивных факторов, стимулирующих людей к личностному росту или побуждающих выполнять свою работу с удовольствием, и сокращение количества факторов, вызывающих негативные эмоции и снижающих уровень мотивации. Мотивационная стратегия является дискурсообразующим фактором, аналогично, коммуникативная цель, которую можно сформулировать как *воодушевление, стимулирование человека к деятельности, достижение целей которой позволяет получить удовлетворение или максимизировать удовольствие*, становится жанрообразующей характеристикой речевых жанров мотивационного дискурса (коммуникативная цель, согласно М. М. Бахтину, – определяющая черта каждого речевого жанра [11]).

Традиционно в зависимости от коммуникативной цели выделяются четыре группы речевых жанров: информативные жанры, коммуникативная цель которых ориентирована на различные операции с информацией; оценочные, коммуникативная цель которых связана с изменением самочувствия участников общения, соотносится со сферой личностных ощущений; этикетные, коммуникативная цель которых располагается в сфере ритуальной действительности, этикета социума (извинения, благодарности, поздравления, соболезнования); императивные, к числу ко-

торых относятся приказ, просьба, запрет, мольба, совет, рекомендация, инструкция, распоряжение и т. д. [12: 83–85]. Судя по предварительным впечатлениям, речевые жанры мотивационного дискурса будут располагаться в зоне пересечения оценочных и императивных жанров.

Как известно, «на понимание дискурса влияет жанровое ожидание, настраивающее воспринимающего на ту или иную типическую коммуникативную ситуацию» [13: 42]. Нам представляется, что мотивационный дискурс включает в себя различные по объему речевые жанры (в этой связи уместно вспомнить классификацию речевых жанров по объему речевого взаимодействия, согласно которой дифференцируется субжанр (минимальная единица, равная одному речевому акту) – речевой жанр (более длительная интеракция, содержащая несколько сверхфразовых единств) – гипержанр (макрообразование, объединяющее несколько жанров) [14: 14]). Далее обратимся к обсуждению жанрового своеобразия мотивационной речи как ядерного жанра интересующего нас дискурса.

Результаты и их обсуждение

В многочисленных дискурсах в зависимости от контекста зачастую возникает необходимость мотивировать людей на совершение определенных действий. Необходимость инициализации внутренней мотивации к действию привела к формированию жанра мотивационной речи, основная цель которой – не проинформировать о чем-либо, а убедить адресата измениться к лучшему или изменить свое отношение к реальности. По мнению И. П. Хутиз, «мотивационная речь (выступление) выстраивается не столько на основе содержания и новой информации, сколько на стремлении передать целевой аудитории энергию, изменить отношение или принять новый подход к чему-то» [8: 102].

Традиционно, в моделирование жанра входит определение тематики, композиции и стилистики текстов, предположительно принадлежащих к этому жанру. В описании жанра можно отталкиваться от «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелевой, которая включает следующие компоненты: Целевой компонент (Зачем?), Субъект (Кто?), Адресат (Кому?), Содержание и Языковое воплощение (Что?) [12]. Целевой компонент мотивационного дискурса определен выше; субъектом является лицо, обладающее определенным авторитетом в конкретной области. Этот авторитет может исходить из социального или профессионального статуса спикера, его личного опыта, а также некоторых личностных характеристик, включая убежденность в собствен-

ной правоте и праве давать наставления. Адресат может быть представлен разнообразной аудиторией, от выпускников школ (мотивационная речь директора на выпускном мероприятии) до группы не знакомых друг с другом людей, пришедших решить свои личные проблемы на так называемый «тренинг личностного роста». Впрочем, как справедливо отмечает В. В. Дементьев, «в традиции, идущей за речеактовым (иллокутивным) анализом – и в значительной степени идущей за Бахтиным – речь, в том числе речевые жанры, рассматривается прежде всего с точки зрения “что” хотел сказать говорящий, а также “что” воспринял слушающий, но не “о чем” была речь» [15: 254].

Роль языковых средств в прагматической реализации мотивационной интенции была описана в [16], которые, в свою очередь, взяли за основу «теорию мотивирующего языка» Дж. Салливана [17], изучавшего мотивационные речи в корпоративной среде. Дж. Салливан утверждал, что руководители для стимулирования мотивации в работе используют так называемые объясняющий язык (meaning making language (MM)), эмпатический язык (empathetic language (E)) и наставительный язык (direction-giving language (DG)), баланс которых обеспечивает успешность мотивационной речи. Таким образом, даже поверхностный взгляд на мотивационные речи позволяет говорить о жанровой неоднородности рассматриваемого типа дискурса. Анализ англоязычного мотивационного дискурса, который является первичным в диахроническом плане, позволяет выделить несколько типов мотивационных речей в зависимости от их целевой аудитории и основной задачи:

- 1) политические речи (political speeches), озвучиваемые политиками и лидерами политических движений, призваны стимулировать и мотивировать их сторонников, а также убедить нерешительных избирателей в поддержке того или иного кандидата или его программы. Тематика таких речей обычно сосредоточена на вопросах свободы, справедливости, равенства и демократии, достижениях спикера или его политической партии. Примеров речей этого типа достаточно много, в качестве образца можно привести речи Рональда Рейгана “*A Time for Choosing*” (1964), Джона Ф. Кеннеди “*Ask Not What Your Country Can Do For You*” (1961), Барака Обамы “*Yes We Can*” (2008 Democratic National Convention) и др.;
- 2) выступления ключевых спикеров (keynote speeches), которые обычно произносятся в начале конференции, мероприятия или встречи. Цель состоит в том, чтобы

- «задать тон» всему мероприятию и вдохновить участников на взаимодействие. Здесь можно особо выделить речи «продажников» (sales speeches): они используются для мотивации сотрудников отделов продаж к более эффективному сбыту товаров. Цель – вдохновить их на активные действия по увеличению продаж и выручки. Подобные речи зачастую произносятся на различных конференциях по эффективному маркетингу, а также на презентациях книг соответствующей тематики: *“The Psychology of Selling”* by Brian Tracy, *“The Greatest Salesman in the World”* by Og Mandino, *“From Zero to Hero: The Story of a Successful Salesperson”* by Grant Cardone, речи Тома Хопкинса и др.;
- 3) речи на выпускном (graduation speeches): они произносятся перед выпускниками в конце обучения. Цель состоит в том, чтобы поздравить выпускников, отметить их успехи и побудить к достижению жизненных целей. Разновидностью данного типа являются commencement speeches – речи на вручении дипломов в высших учебных заведениях. Цель заключается в том, чтобы вдохновить молодых людей на достижение профессиональных целей, подбодрить перед началом нового этапа в жизни, внушить уверенность в собственных силах. К ним можно отнести знаменитую речь Стива Джобса перед выпускниками Стэнфордского университета *“Stay Hungry. Stay Foolish”* (2005), речь Опры Уинфри перед выпускниками Стэнфорда (2008), речь адмирала ВМС США Уильяма Макрейвена перед выпускниками Техасского университета в Остине (2014) и др.;
- 4) «спортивные» речи, которые произносятся перед спортсменами, чтобы мотивировать их перед игрой или соревнованием. Задача таких речей – внушить уверенность и вдохновить спортсменов на достижение наивысшего результата. В качестве примера приведем речи *“Winning isn’t everything, but wanting to win is”* (1961) и *“How to succeed”* известного футбольного тренера Vince Lombardi, Herb Brooks’ *“Miracle on Ice”* (1980) и др.;
- 5) вдохновляющие речи (inspirational speeches), основная задача которых – поднять настроение слушателей, вдохновить их, внушить им мысль о том, что они могут преодолеть все препятствия и исполнить свои мечты о лучшей жизни. Ярким примером таких речей могут быть речи Теодора Рузвельта *“The Man in the Arena”*, Ника Вуйчича *“Never Give Up”* и *“Love Yourself a Bit More, Love Each Other a Lot More”* и др.;
- 6) карьерные (career speeches) и предпринимательские речи (entrepreneurship speeches), основная задача которых – мотивировать людей на продвижение по карьерной лестнице, развитие профессиональных навыков, умения нестандартно мыслить. Предпринимательские речи (entrepreneurship speeches) направлены на то, чтобы вдохновить людей начать свой бизнес, пойдя на определенный риск. Примером могут служить речи Саймона Сайнека *“How Great Leaders Inspire Action”* (карьерная речь) и *“The Art of Possibility”* by Rosamund Stone Zander and Benjamin Zander (2002) (предпринимательская речь);
- 7) речи о личностном развитии (personal development speeches): эти речи, приобретшие особую популярность на так называемых тренингах личностного роста, направлены на то, чтобы мотивировать людей на развитие своих умственных способностей, эмоционально-волевой сферы, коммуникативных навыков. Их цель – вдохновить людей стать «лучшими версиями себя». За последние годы количество таких речей резко возросло, но в качестве примера можно привести речи Мел Роббинс *“How to Stop Screwing Yourself Over”*, речь Alain de Botton *“A Kinder, Gentler Philosophy of Success”* и некоторые другие, опубликованные на ресурсе Ted Talks;
- 8) отдельную группу составляют так называемые лидерские речи (leadership speeches), которые направлены на мотивацию лидеров. Лидеры должны демонстрировать целеустремленность, достоинство и честность в своей деятельности, поэтому задача таких речей – помочь лидерам в совершенствовании своих лидерских качеств. В качестве примеров лидерских речей можно привести Геттисбергскую речь Авраама Линкольна *“The Gettysburg Address”* (1863), инаугурационную речь Джона А. Кеннеди (1960), речь Нельсона Манделы после его освобождения из тюрьмы (1990) и др.
- Данные типы мотивационных речей различаются с точки зрения степени формализации: «В рамках институционального дискурса жанры различаются по степени формализации (ритуализации): выделяются жанры жесткой формализации, жанры мягкой формализации и свободные жанры, общение в которых не ограничено какими-либо формальными рамками и происходит уже вне институционального поля (т. е. коммуниканты перестают исполнять коммуникативные роли агентов и клиентов института)» [18: 67]. Речи на выпускном (graduation / commencement speeches), политические речи можно отне-

сти к наиболее формализованным, так как они произносятся в рамках институциональных дискурсов. Речи о личностном развитии (personal development speeches), вдохновляющие речи (inspirational speeches) и спортивные речи (sports speeches) могут рассматриваться как наименее формализованные. Карьерные и лидерские речи имеют достаточно гибкую структуру, но, тем не менее, подчиняются правилам соответствующего дискурса, поэтому могут быть отнесены к промежуточному, полужформализованному типу.

Несмотря на столь существенное тематическое разнообразие, мотивационные речи имеют схожую композиционную структуру, которая может быть представлена следующим образом:

- задача первой, вступительной, части – привлечь внимание аудитории и задать тему. В данной части спикер может использовать разнообразные риторические приемы, такие как цитаты, риторические вопросы, а также личные истории, чтобы «зацепить» аудиторию. Спикер представляется, обозначает тему, предвосхищая тем самым ожидания аудитории;
- основная часть включает изложение ключевых идей и сообщений, иллюстрируемых примерами и фактами. В этой части реализуется основная цель речи – вдохновлять и мотивировать. Внимание аудитории удерживается с помощью эмотивной лексики, юмора и ярких стилистических приемов;
- третья часть речи является собственно призывом к действию. Спикер демонстрирует конкретные задачи или цели, к которым должна стремиться аудитория. Задачи могут быть и более общего плана – например, указать на важность самосовершенствования, что характерно, в частности, для речей о личностном росте;
- четвертая часть представляет собой заключение, в котором подводятся итоги. Обычно мотивационная речь завершается мощным заявлением, которое должно остаться в памяти слушающих. В заключении спикер может вернуться к начальной истории или цитате, дать финальный совет и/или пообещать дальнейшую поддержку.

Контекстуальный и семантико-стилистический анализ 25 англоязычных речей, отнесенных нами к жанру мотивационных, позволил выявить ряд общих черт, которые могут рассматриваться как характерные для данного жанра:

- 1) использование приема сторителлинга. Данный прием используется для иллюстрации ключевых моментов повествования и привлечения внимания аудитории. Спикеры

могут рассказывать как реальные жизненные истории, так и вымышленные, но в любом случае сторителлинг служит эффективным средством установления доверительного контакта с аудиторией, донесения сложной информации в простой форме.

And today I'm going to tell you, man – I love freaking people out. One day I'm in a car, I'm in the front seat – I'm not driving of course. <...>

So I'm in the front passenger's seat, we're at the traffic lights, and this car comes up next to us and this girl's looking at me. And I'm looking at her, she's looking at me, I'm looking at her, she's looking at me, I'm looking at her. All she sees is my head, right? She has no idea that I have no arms and no legs. So I'm thinking, cool. I'm going to freak you out.

So I get the seatbelt in my mouth, and I loosen it like this, so that I can freely move. And she's looking at me like "why are you eating your seatbelt?" So I pull it, the belt is loose, I can move.

Now she's looking at me, full 100% attention and focus. And just imagine all you see is my head, all right? You might want to put up your hand to your face to cut off the rest of my body. So you can really see the effect, so...That's it, exactly (<https://singjupost.com/transcript-nick-vujicic-on-love-yourself-a-bit-more-love-each-other-a-lot-more/>).

Форма изложения – простые короткие предложения, использование повторов, повествовательных вопросов, разговорной лексики – превращают речь Н. Вуйчича в «разговор по душам» с аудиторией, создавая теплую, открытую и доверительную атмосферу в зале;

- 2) использование эмотивной лексики и синтаксиса. Эмоциональность спикера – важнейшее средство достижения коммуникативной цели, однако необходимо отметить, что опытные спикеры стараются соблюдать определенный баланс между эмоциональным настроением и рациональным аргументированием. Некоторые люди лучше мотивируются именно логическими установками. Другим же недостает эмоциональной поддержки со стороны. Эмотивный компонент представлен в мотивационных речах как на уровне лексики (например, Опра Уинфри описывает жизненные трудности словами с негативной эмоционально-оценочной коннотацией «*detours*», «*roadblocks*» and «*crises*»; американский хоккейный тренер Херб Брукс призывает свою команду уничтожить противника с помощью грубой эмоциональной лексики «*screw smb*» (<https://speakola.com/sports/herb-brooks-miracle-on-ice-1980>). Однако наибольшая нагрузка в мотивационных речах ложится на стилистические средства эмотивности, в частности, метафору.

So, I say to you, forget about the fast lane. If you really want to fly, just harness your power to

your passion. Honor your calling (<https://singjupost.com/oprah-winfreys-2008-stanford-commencement-address-transcript/?singlepage=1>).

Отметим, что мотивационные ораторы широко используют весь спектр стилистических приемов английского языка, при этом особо следует выделить различные виды стилистического повтора, риторический вопрос и прием вопросно-ответного хода.

So you have to trust that the dots will somehow connect in your future. You have to trust in something – your gut, destiny, life, karma, whatever (<https://singjupost.com/full-transcript-steve-jobs-stay-hungry-stay-foolish-speech-at-stanford-2005/?singlepage=1>);

- 3) использование юмора. Можно выделить несколько причин, по которым юмор широко используется в мотивационных речах. Во-первых, юмор помогает снять напряжение, создать более дружелюбную и открытую обстановку для восприятия речи. Во-вторых, юмор делает речь более запоминающейся, помогая поддерживать внимание аудитории. В-третьих, юмор создает более легкий и позитивный настрой у аудитории, что, в свою очередь, помогает реализации коммуникативной цели – мотивировать слушателей их на достижение поставленных целей. Очевидно, что важной задачей для спикера становится разумное использование юмора, дабы не умалять серьезности темы и не задевать чувства аудитории. Например, обсуждая философию успеха, Alain de Botton поднимает проблему снобизма:

The dominant kind of snobbery that exists nowadays is job snobbery. You encounter it within minutes at a party, when you get asked that famous iconic question of the early 21st century, “What do you do?” According to how you answer that question, people are either incredibly delighted to see you, or look at their watch and make their excuses. Now, the opposite of a snob is your mother (https://www.ted.com/talks/alain_de_botton_a_kinder_gentler_philosophy_of_success/transcript).

Комический элемент в данном фрагменте содержится как в выборе языковых средств, так и в самой ситуации: оратор подчеркивает нелепость снобизма, указывает на его ничтожность. Финальная шутка заставляет слушателей осознать абсурдность ситуации. Оратор насмехается над социальными нормами и ожиданиями, связанными с работой и статусом, и стремится побудить аудиторию критически переосмыслить свои ценности;

- 4) использование различного рода эвиденциальной информации (статистики, личных примеров, авторитетных мнений): *That’s*

exhilarating if you’re doing well, and very crushing if you’re not. It leads, in the worst cases – in the analysis of a sociologist like Emil Durkheim – it leads to increased rates of suicide (https://www.ted.com/talks/alain_de_botton_a_kinder_gentler_philosophy_of_success/transcript);

- 5) использование так называемого «инклюзивного языка»: для того чтобы речь смогла оказать воздействие на как можно более широкую аудиторию, спикеры используют гендерно-нейтральную лексику, избегают стилистически сниженной лексики, сленгизмов и жаргонизмов, а также стараются учитывать культурные различия. Простым примером «инклюзивного языка» является приветствие, *Hi, everybody!* (https://www.ted.com/talks/mel_robbins_how_to_stop_screwing_yourself_over/transcript) вместо традиционного обращения “*Ladies and gentlemen!*” Нельсон Мандела в своей речи после освобождения из тюрьмы обращается к аудитории “*Friends, comrades and fellow South Africans*” (<https://allafrica.com/download/resource/main/main/يداتс/00010797:daf2fae771c79dec3c21da5d5cd7e366.pdf>), таким образом предельно расширяя ее. Особый интерес представляет в этом плане прием сегментации аудитории, который часто используют в своих речах президенты США:

It’s the answer spoken by young and old, rich and poor, Democrat and Republican, black, white, Hispanic, Asian, Native American, gay, straight, disabled and not disabled.

... And to those Americans whose support I have yet to earn. And to all those watching tonight from beyond our shores, from parliaments and palaces, to those who are huddled around radios in the forgotten corners of the world. And to all those who have wondered if America’s beacon still burns as bright. (<https://www.englishspeecheschannel.com/english-speeches/barack-obama-speech/>).

Используя данный прием, Б. Обама подчеркивает, что его обещания распространяются на всех американцев, независимо от их возраста, уровня благосостояния, политических взглядов, расовой и этнической принадлежности, ориентации, физических возможностей и т. д. Б. Обама стремится показать, что он понимает и учитывает различия и разнообразие в обществе, и что его решения будут учитывать и обслуживать интересы всех групп. Также он обращается к аудитории за пределами США, чтобы показать, что его обещания и ценности универсальны и значимы для всех стран и народов. Таким образом, данный прием помогает спикеру создать чувство единства и солидарности, а также

укрепить свой имидж лидера в глазах мирового сообщества.

Вместо заключения

Проблемы мотивации, приобретшей особую популярность на современном этапе, представляют широкий простор для научных исследований. Нуждается в уточнении понятие мотивационного дискурса, определение его жанровой структуры и т. д.

В настоящей исследовании предпринята попытка анализа центрального жанра мотивационного дискурса – мотивационной речи. Анализ мотивационных речей позволил выделить восемь основных типов, дифференцируемых по критерию базовой интенции и концепции адресата.

Сложность рассматриваемого жанра обусловлена его тематической неоднородностью, что, в свою очередь, позволяет сделать вывод о пересечении мотивационного дискурса с ря-

дом институциональных видов дискурсов – политического, административного, спортивного и др. Этим фактом можно объяснить вариативность мотивационных речей с точки зрения степени формализации – жанры жесткой, мягкой формализации и свободные жанры.

Несмотря на тематическое многообразие и богатый ассортимент интенций, мотивационные речи обладают сходной жанровой композицией, включающей четыре основные части.

К наиболее характерным особенностям анализируемого речевого жанра относятся: прием сторителлинга, использование юмористических средств и различного рода эвиденциальной информации, особая экспрессивность и эмотивность, «инклюзивный язык».

Очевидна необходимость дальнейшего изучения мотивационной речи как специфического жанра, установление национальной специфики реализации данного жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кетько Н. В. Методы экспертных оценок как инструмент формирования и оценки политики мотивации наемных работников на предприятии // Аудит и финансовый анализ. 2013. № 2. С. 265–269.
2. Юрова К. И., Юров И. А. Проблема смысла жизни в психологии : учеб. пособие. Пенза : Наука и Просвещение, 2017. 144 с.
3. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2004. 512 с.
4. Gao X. Shifting motivational discourses among mainland Chinese students in an English medium tertiary institution in Hong Kong: A longitudinal inquiry // Studies in Higher Education. 2008. Vol. 33, № 5. P. 599–614.
5. Kwan S. Competing motivational discourses for weight loss: Means to ends and the nexus of beauty and health // Qualitative Health Research. 2009. Vol. 19, № 9. P. 1223–1233.
6. Matthews P. H. Effects of tutoring discourse structure on motivation among university foreign language learners. Diss. Dr. Sci. (Philos.) Atlanta : The University of Georgia, 2001. 302 p.
7. Подоляк Ж. И. К вопросу о выделении мотивационного дискурса // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2016/05/14850> (дата обращения: 03.02.2023).
8. Хутыз И. П. Особенности конструирования англоязычного мотивационного дискурса: уровень грамматики // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 1 (45). С. 100–112. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.45.1.11>
9. Ковалев Г. А. Психологическое воздействие: теория, методология, практика : дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991. 477 с.
10. Матяш Н. В., Павлова Т. А. Методы активного социально-психологического обучения : учеб. пособие. 2-е изд., стер. М. : Академия, 2010. 96 с.

11. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1986. 445 с.

12. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 81–89.

13. Седов К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2002. Вып. 3. С. 40–52.

14. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 7–39.

15. Дементьев В. В. «Анкета речевого жанра» Т. В. Шмелёвой: прошлое, настоящее, будущее (к 30-летию жанроведческой модели) // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 252–262. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>

16. Mayfield J., Mayfield M. Motivating Language Theory: Effective Leader Talk in the Workplace. New York, NY : Palgrave Macmillan, 2018. 163 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-66930-4>

17. Sullivan J. Three roles of language in motivation theory // Acad. Manag. Rev. 1988. Vol. 13. P. 104–115. <https://doi.org/10.5465/amr.1988.4306798>

18. Шейгал Е. И., Черватюк И. С. Типы жанров и градация коммуникативной власти // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. С. 63–80.

REFERENCES

1. Ket'ko N. V. Methods of expert assessments as a tool for the formation and evaluation of motivation policy employees of an enterprise. *Audit and Financial Analysis*, 2013, no. 2, pp. 265–269 (in Russian).
2. Jurova K. I., Jurov I. A. *Problema smysla zhizni v psikhologii* [The problem of the meaning of life in psychology]. Penza, Nauka i Prosveshhenie, 2017. 144 p. (in Russian).

3. Il'in E. P. *Motivatsija i motivy* [Motivation and motives]. Saint Petersburg, Piter, 2004. 512 p. (in Russian).
4. Gao X. Shifting motivational discourses among mainland Chinese students in an English medium tertiary institution in Hong Kong: A longitudinal inquiry. *Studies in Higher Education*, 2008, vol. 33, no. 5, pp. 599–614.
5. Kwan S. Competing motivational discourses for weight loss: Means to ends and the nexus of beauty and health. *Qualitative Health Research*, 2009, vol. 19, no. 9, pp. 1223–1233.
6. Matthews P. H. *Effects of tutoring discourse structure on motivation among university foreign language learners*. Diss. Dr. Sci. (Philos.). Atlanta, The University of Georgia, 2001. 302 p.
7. Podoljak Zh. I. On the identification of motivational discourse. *Humanitarian Scientific Researches*, 2016, no. 5 (in Russian). Available at: <https://human.snauka.ru/2016/05/14850> (accessed February 03, 2023).
8. Khoutyz I. P. Specifics of the English-language motivational discourse construction: The level of grammar. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2022, no. 1 (45), pp. 100–112 (in Russian). <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.45.1.11>
9. Kovalev G. A. *Psychological impact: Theory, methodology, practice*. Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Moscow, 1991. 477 p. (in Russian).
10. Matjash N. V., Pavlova T. A. *Metody aktivnogo social'no-psikhologicheskogo obuchenija. 2-e izd., ster.* [Methods of active socio-psychological education. 2nd ed., ster.]. Moscow, Akademija, 2010. 96 p. (in Russian).
11. Bakhtin M. M. *Jestetika slovesnogo tvorcestva. 2-e izd.* [Aesthetics of verbal creativity. 2nd ed.]. Moscow, Iskusstvo, 1986. 445 p. (in Russian).
12. Shmeleva T. V. Speech genre model. In: *Antologija rechevykh zhanrov: povsednevnaja komunikatsija* [Anthology of speech genres: Everyday communication]. Moscow, Labirint, 2007, pp. 81–89 (in Russian).
13. Sedov K. F. Psycholinguistic aspects of the study of speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, ITs "Nauka", 2002, iss. 3, pp. 40–52 (in Russian).
14. Sedov K. F. Man in the genre space of everyday communication. In: *Antologija rechevykh zhanrov: povsednevnaja komunikatsija* [Anthology of speech genres: Everyday communication]. Moscow, Labirint, 2007, pp. 7–39 (in Russian).
15. Demytyev V. V. "Speech Genre Model" by T. V. Shmeleva: Past, present, future (to the 30th anniversary of the genre model). *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 252–262 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>
16. Mayfield J., Mayfield M. *Motivating Language Theory: Effective Leader Talk in the Workplace*. New York, NY, Palgrave Macmillan, 2018. 163 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-66930-4>
17. Sullivan J. Three roles of language in motivation theory. *Acad. Manag. Rev.*, 1988, vol. 13, pp. 104–115. <https://doi.org/10.5465/amr.1988.4306798>
18. Shejgal E. I., Chervatjuk I. S. Types of genres and gradation of communicative power. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres : Coll. of sci. arts]. Saratov, ITs "Nauka", 2007, iss. 5, pp. 63–80 (in Russian).

Поступила в редакцию 15.04.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 25.05.2023
The article was submitted 15.04.2023; approved after reviewing 18.05.2023; accepted for publication 25.05.2023

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 56–65

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 56–65

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-56-65>, EDN: FHAZFS

Научная статья

УДК 821.161.1'38'42:001

**«Очевидно, что ...»: бустинг как стратегия экспликации
уверенности автора в достоверности пропозиции
(корпусный анализ жанра «аннотация к научной статье»)**

О. А. Богинская

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Россия, 664074,
г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83

Богинская Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры
инострannого языка, olga_boginskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9738-8122>

Аннотация. Рассматриваются языковые средства реализации бустинга как важной метадискурсивной стратегии, регулярно используемой авторами аннотаций к научным статьям. Цель исследования – выявление маркеров бустинга и частоты их использования в аннотациях к русскоязычным статьям, опубликованным в ведущих российских журналах по социальным и естественным наукам. Делается попытка выявить различия в использовании данных метадискурсивных паттернов и определить их причины. В основе исследования лежит предположение о влиянии дисциплинарных конвенций на выбор авторами риторических стратегий. Материалом для анализа послужил корпус из 180 аннотаций, опубликованных в 12 журналах по социальным и техническим наукам. Теоретическая основа исследования – таксономия метадискурсивных маркеров, предложенная К. Хайлендом. Результаты исследования показали, что авторы, представляющие социальную область знания, использовали средства бустинга значительно реже, чем их коллеги из технических отраслей. Различия были выявлены и на уровне отдельных типов бустинга. Результаты анализа подтвердили предположение о том, что бустинг как метадискурсивная стратегия детерминирован дисциплинарными конвенциями. Полученные результаты могут использоваться преподавателями академического письма, разработчиками курсов по обучению академическому письму, а также в дальнейших исследованиях метадискурса как важной риторической стратегии.

Ключевые слова: бустинг, метадискурс, жанр, аннотация, академический дискурс, научная статья

Для цитирования: Богинская О. А. «Очевидно, что ...»: бустинг как стратегия экспликации уверенности автора в достоверности пропозиции (корпусный анализ жанра «аннотация к научной статье») // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 56–65. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-56-65>, EDN: FHAZFS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**“It is evident that ...”: Boosting as a strategy employed to express
author’s commitment to the truth of a proposition
(a corpus-based analysis of research article abstracts)**

O. A. Boginskaya

Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia

Olga A. Boginskaya, olga_boginskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9738-8122>

Abstract. The article analyzes linguistic means used for boosting which is considered a crucial metadiscourse strategy regularly employed in the genre of research article abstracts. The study aims at identifying the types of booster and the frequency of occurrence of boosting markers in Russian-language research article abstracts in the field of soft and hard sciences. The study makes an attempt to reveal differences in the use of these metadiscourse patterns and suggest reasons for the uneven distribution of boosters in the two corpora. The study is based on the assumption that disciplinary conventions affect the choice of rhetorical strategies. The study draws on a corpus of 180 research article abstracts published in 12 soft and hard science journals. The

theoretical basis of the study is the taxonomy of metadiscourse markers proposed by Hyland. The findings showed that soft science authors used boosting markers much less frequently than their hard science counterparts. Differences were also revealed in terms of the types of boosting. The results of the analysis confirmed the assumption that boosting as a metadiscourse strategy is determined by disciplinary conventions. The results obtained can be used both by teachers of academic writing and academic writing course designers and become an avenue for further research into metadiscourse as an important rhetorical strategy.

Keywords: boosting, metadiscourse, genre, abstract, academic discourse, research article

For citation: Boginskaya O. A. "It is evident that ...": Boosting as a strategy employed to express author's commitment to the truth of a proposition (a corpus-based analysis of research article abstracts). *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 56–65 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-56-65>, EDN: FHAZFS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Актуальность выбранной темы исследования детерминирована тем, что в современном научном мире академический дискурс все чаще рассматривается не как информационная среда, а как пространство взаимодействия автора и читателя, что обуславливает потребность изучения метадискурса как эффективной риторической стратегии, которая охватывает не только способы построения логически связного текста, но и средства выражения отношения к пропозициональному содержанию и вовлечения читателя в диалог с автором. Актуальным является и анализ данной категории применительно к жанру аннотаций, являющемуся интеракционным по своей природе.

В современных научных изданиях ни одна статья не обходится без аннотации, которая играет определяющую роль в решении ее судьбы, поскольку служит своего рода скрининговым инструментом, оказывающим влияние на решения редакторов и рецензентов о принятии или отклонении рукописи.

Являясь важным носителем эпистемологических знаний и средством диалога с читателем, аннотация должна побуждать к продолжению чтения и вовлекать читателя в диалог с автором. Отсюда можно предположить, что ключевыми функциями аннотации являются когнитивно-коммуникативная, реализующаяся через стратегии, позволяющие информировать читателя о содержании научной статьи, ратифицировать новое знание и вносить вклад в ту или иную научную область, и диалогическая, заключающаяся в установлении контакта с читателем.

Кроме того, в условиях конкуренции, существующей в научном сообществе, аннотации выступают своего рода «рекламным средством» привлечения внимания читателя. Как справедливо отмечают И. Тивьяева и Д. Кузнецова, «перед современным исследователем стоит задача не только получения новых весомых результатов в своей области, но и про-

движения их в мировом академическом пространстве посредством публикации» [1: 141]. Выбор эффективных стратегий изложения содержания исследования и взаимодействия с читателем способствует росту ее воздействующего потенциала.

Роль аннотации в реализации когнитивно-прагматических целей давно обсуждается в научном сообществе. Современные дискурсивные исследования связаны с описанием риторической структуры аннотации [2–4], определением ее жанрового статуса [5], выявлением языковых и дискурсивных особенностей [6–9], изучением лингвокультурной специфики [10–12] и т. д. Так, М. В. Ковалькова подвергла анализу аннотации к статьям по медицинским наукам, выявив функционал данного жанра и установив статус и характеристики коммуникантов [5]. Изучив аннотации к лингвистическим статьям, Е. В. Бузальская выделила три модели их реализации, в основе которых лежит принцип частотности соединения компонентов [8]. Исследование О. М. Силкиной, целью которого было описание суперструктуры аннотаций к статьям на английском, немецком и русском языках, позволило выявить их универсальные и культурно-специфические особенности. Автор обнаружила, что если для английских аннотаций наиболее важными являются такие структурные части, как 'Введение' и 'Методы исследования', то для русских – 'Методы' и 'Результаты', а для немецких – 'Методы'. Для научных аннотаций на английском и немецком языке характерна более жесткая структура, в то время как в аннотациях на русском языке допускается вариативность разделов [9]. Тот же межкультурный подход был реализован в работе Ю. Н. Науменко, который поместил в фокус исследования дискурсивно-когнитивные различия в вербальной манифестации англоязычной и русскоязычной аннотаций. Исследователь пришел к выводу, что жанр аннотации отражает национальное сознание и является культурно-детерминированным: ес-

ли для англоязычной аннотации характерны нормативность, стандартизованность и лаконичность, то русскоязычная «демонстрирует описательный тип изложения, отсутствие жесткой рубрикации содержательной структуры, широкое использование абстрактной общенаучной лексики» [12: 66].

В зарубежной литературе аннотации также неоднократно становились объектом исследования. Так, К. Джи предпринял попытку выявить сходства и различия в структуре англоязычных аннотаций, составленных носителями английского языка и китайскими авторами. Результаты исследования показали, что последние неправильно использовали грамматическое время и уделяли слишком много внимания формулировке цели исследования [7]. Я. Козубикова-Шандова провела анализ аннотаций в иной перспективе, поместив в фокус исследования диахронические изменения в метадискурсивном компоненте аннотаций. В ходе исследования было выявлено, что частотность метадискурсивных маркеров в статьях лингвистов была значительно выше за счет более активного использования хеджей и бустеров [3]. Ф. Ван и И. Прамулук в исследовании, посвященном риторическим стратегиям в текстах аннотаций, обнаружили их детерминированность жанровыми конвенциями и дисциплинарными нормами академического письма [4].

Сопоставительное междисциплинарное исследование аннотаций также получило широкое развитие. Так, Н. Рашиди и Ф. Алихосейни, подвергнув анализу аннотации к научным статьям по социологии и техническим наукам, не выявили существенных различий в использовании метадискурсивных маркеров [13]. Напротив, Ф. Алонсо-Алмейда, сравнив эвиденциальные и эпистемиологические категории в корпусе аннотаций к статьям по медицине, информатике и праву, обнаружил существенные различия между данными дисциплинами [10].

Несмотря на то что данные исследования являются ценным теоретическим материалом, потенциал изучения аннотаций с точки зрения реализации в них различных риторических стратегий не исчерпан. Более того, насколько мне известно, анализ русскоязычных аннотаций является недостаточно изученным в современной лингвистике. Представляется, что языковые, дискурсивные и метадискурсивные особенности аннотаций заслуживают более пристального внимания со стороны лингвистов и исследователей в целом. Знание не только жанровой, но и дисциплинарной специфики аннотаций позволит автору более эффективно взаимодействовать с дискурсивным сообществом, которому он адресует свой текст.

Цель настоящей работы заключается в выявлении способов реализации бустинга как одной из разновидностей метадискурса в жанре аннотации к научной статье. Для достижения данной цели анализируются междисциплинарные различия в способах продуцирования знания с помощью языковых средств бустинга, а именно:

- 1) междисциплинарные различия в частоте использования бустеров;
- 2) междисциплинарные различия в частоте использования различных типов бустинга;
- 3) междисциплинарные различия в частоте использования лексических средств реализации бустинга.

Как отмечает Дж. Суэйлз, описание жанров академического дискурса далеко от полного. Малоизученной является и роль бустеров в научных текстах [14]. При этом выражение убеждения в собственной точке зрения является важной составляющей академического письма, а средства, способствующие актуализации стратегии убеждения, требуют тщательного анализа в контексте различных научных дисциплин.

Бустинг как метадискурсивная стратегия

Прежде всего отмечу, что средства, которые в данной работе определяются как бустеры, в российской лингвистике часто рассматривают в рамках коммуникативной категории категоричности, которая включает языковые и неязыковые «лингвистические и нелингвистические характеристики, позволяющие определить степень уверенности говорящего в описываемом положении дел или его оценке, а также позволяющие судить о степени безапелляционности передаваемой говорящим информации» [15: 109].

Категории категоричности посвящен целый ряд работ российских лингвистов, среди которых следует упомянуть исследования Г. И. Гущиной, Е. В. Соловьяновой, Н. Н. Панченко и Я. А. Волковой и др. Так, Г. И. Гущина описала способы и специфику реализации категории категоричности/некатегоричности высказывания в русском и английском языках [16]. Тактикам и приемам снижения категоричности высказываний в научном дискурсе посвятила статью Е. В. Соловьянова [17]. Интересной с точки зрения интерпретативного анализа является работа Н. Н. Панченко и Я. А. Волковой, в которой авторы показали связь категории категоричности с такими категориями, как вежливость, авторитетность, уверенность, субъективность и эмоциональность. Было убедительно доказано, что русскоязычному академическому дискурсу присущ высокий уровень категоричности, что обуславливает его конфликтогенность [18].

Анализ результатов, полученных российскими исследователями, позволил предположить существование двух векторов фокусной категории – усиление и смягчение, которые связаны с оценкой говорящим степени достоверности пропозиционального содержания. Первый вектор в используемой в настоящей работе терминологии именуется бустинг (*boosting*) или усиление, второй – хеджирование (*hedging*) или смягчение.

Как и стратегия усиления (бустинг), категория категоричности актуализируется за счет слов и словосочетаний с семантикой решительности, уверенности. Категорические высказывания не допускают возражений и альтернативных толкований, выражая полную уверенность говорящего в истинности пропозиции. И если в бытовом дискурсе такие высказывания часто провоцируют конфликтные ситуации, в научном категоричность выражается в убежденности автора в верности собственной позиции, уверенности в точности полученных результатов, то есть основана на свойстве ассертивности.

Хотя бустинг не получил столь пристального внимания исследователей академического дискурса, как хеджирование в иностранной литературе или категория категоричности в отечественной, данная стратегия широко используется в академических текстах, сигнализируя высокую степень ответственности автора за продуцируемые высказывания, убежденность в истинности пропозиции, а также формируя среду взаимодействия автора и читателя и выступая инструментом солидаризации [19].

В научной литературе бустинг получил множество определений. Так, К. Хайленд определил его как коммуникативную стратегию, способствующую увеличению силы утверждения, подчеркивающую уверенность в истинности выдвигаемых положений и демонстрирующую приверженность автора той или иной точке зрения [20]. Другими словами, бустеры помогают автору представить собственную точку зрения или описать полученные результаты как факт, достоверное знание, а не субъективное мнение.

Несколько иначе определил бустеры Дж. Скелтон, полагая их средствами выражения эвиденциальной или имплицитной истины и солидарности. Как отмечает исследователь, такие глаголы, как *show/показывать*, *demonstrate/демонстрировать* и *find/выявлять* показывают, что утверждения основаны на доказательствах и являются результатом описываемого в работе исследования [21]. С. Ханстон также отмечал, что данные глаголы предполагают уверенность автора, основанную на достоверности

полученных данных, а не искусстве убеждения [22]. Дж. Суэйлз называл эти глаголы мощными риторическими инструментами, сигнализирующими, что утверждения имеют силу доказательств, а не являются результатом спекуляций и интерпретаций [14].

Аналогичную функцию реализуют и наречия *очевидно* и *ясно*. Для описания данных маркеров болгарский лингвист И. Вассилева использовала термин «бустеры солидарности» [23]. К таким средствам она отнесла и прилагательное *well-known/хорошо известный*. Использование бустеров солидарности предполагает, что авторские высказывания не нуждаются в дальнейшем объяснении, поскольку они понятны членам того дискурсивного сообщества, которому адресованы.

Следует отметить, что описание бустеров с опорой только на их прагматическую функцию не игнорирует контекст их употребления. Один и тот же бустер может выполнять различные функции, в том числе и те, которые не являются метадискурсивными по своей природе. Простого подсчета бустеров в корпусе текстов без учета контекста их употребления явно недостаточно, поэтому в ходе настоящего исследования был проведен контекстуальный анализ средств, идентифицированных как бустеры. Как результат, к средствам актуализации бустинга были отнесены только те лексические единицы, которые действительно способствуют выражению уверенности автора в истинности пропозиции и ограничивают интерпретационное пространство для читателя.

Методология исследования

Материалом исследования послужили аннотации к научным статьям, опубликованным в 12 российских журналах по социальным (*Социологическое обозрение, Экономика региона, Вопросы образования, Terra Econoticus, Вопросы экономики, Россия в глобальной политике*) и техническим (*Компьютерная оптика, Возобновляемая энергетика, Научная визуализация, Биотехнология, Устойчивое развитие горных территорий, IPolytech*) наукам.

160 аннотаций были отобраны методом сплошной выборки из последних выпусков данных журналов и распределены по двум корпусам: K1 – корпус аннотаций к статьям по техническим наукам; K2 – корпус аннотаций к статьям по социальным наукам. Каждый корпус состоял из 80 аннотаций. Количество слов в каждом корпусе составило 23 676 и 19 243 соответственно.

Методологическим субстратом настоящего исследования послужила метадискурсивная модель К. Хайленда [19], представляющая наиболее полной и прагматически обоснован-

ной таксономией метадискурсивных средств. Исследователь выделил две метадискурсивные категории: интерактивный метадискурс и интеракциональный метадискурс. В то время как интерактивные средства способствуют когерентному представлению информации, интеракциональные помогают выстраивать отношения с читателем и выражать отношение к пропозициональному содержанию. В фокусе настоящего исследования находится бустинг как разновидность интеракционального метадискурса.

В табл. 1 представлена служащая методологической базой настоящего исследования типология бустеров, предложенная в [24], где К. Хайленд и Ф. Цзян описали три способа подавления альтернативных позиций и увеличения иллокутивной силы высказывания. К данной классификации были добавлены бустеры солидарности, выделенные И. Вассилевой [23].

Ниже приведены этапы анализа, представленного в настоящей статье.

(1) Отбор аннотаций из электронных версий журналов и их экспортирование в два файла формата Microsoft Word: социальные науки и технические науки.

(2) Формирование двух корпусов аннотаций – К1 (технические науки) и К2 (социальные науки).

(3) Анализ текстов каждого корпуса с целью выявления лексических средств бустинга.

(4) Контекстуальный анализ обнаруженных бустеров с целью уточнения их риторической функции.

(5) Распределение бустеров по четырем группам.

(6) Определение частотности использования отдельных типов бустеров.

(7) Определение частотности использования лексических средств реализации бустинга отдельно для каждого корпуса.

(8) Обобщение полученных результатов в виде таблиц.

Результаты исследования

Типы бустеров, выявленные в корпусе аннотаций, представлены в табл. 2. Приведены исходные и нормализованные данные.

Исследование показало, что авторы всех аннотаций использовали бустеры как минимум один раз. Как видно из табл. 2, исходные и нормализованные данные существенно различаются в анализируемых корпусах текстов. Если в аннотациях к статьям по техническим

Таблица 1 / Table 1

Типология бустеров

Types of booster

Тип	Функция	Лексическая реализация
Маркеры уверенности	Демонстрируют убежденность автора	Показывать, демонстрировать, должен
Маркеры превосходства	Указывают на верхнюю границу континуума	Наилучший, самый эффективный
Маркеры интенсивности	Усиливают эмоциональную силу высказывания	Крайне, очень
Маркеры солидарности	Указывают на общеизвестные факты, принятые в дискурсивном сообществе истины, ценности	Общеизвестно, традиционно, как правило

Таблица 2 / Table 2

Частота использования отдельных типов бустеров

Frequency of occurrence of the types of booster

Тип	К1		К2	
	Исходные данные	На 1000 слов	Исходные данные	На 1000 слов
Маркеры уверенности	98	4.1	78	4.0
Маркеры интенсивности	35	1.5	11	0.6
Маркеры превосходства	37	1.6	17	0.8
Маркеры солидарности	42	1.8	17	0.8
Всего	212	9.0	123	6.2

наукам было обнаружено 212 бустеров, то в корпусе социальных текстов их было в 1,7 раз меньше.

Представители обеих областей научного знания наиболее часто использовали маркеры уверенности (46% в технических науках и 63% в социальных науках). Маркеры солидарности заняли второе место по частоте встречаемости в K1 и разделили второе и третье места с маркерами превосходства в K2.

В табл. 3 представлены наиболее частотные лексические единицы, используемые для актуализации стратегии бустинга в исследуемом корпусе.

Как видим, наиболее частотными лексическими единицами в обоих корпусах являются эвиденциальные глаголы *показывать*, *устанавливать*, *демонстрировать* и *выявлять*, которые были включены в группу маркеров уверенности. Относительно частотными также оказались модальный глагол, выражающий долженствование, и наречие с семантикой уверенности *очевидно*. Остальные лексические единицы (*общеизвестно*, *крайне*, *очень* и т. д.) использовались значительно реже представленных в табл. 3.

Представляется, что более высокую частотность бустеров в K1 можно объяснить убежденностью представителей технических наук в том, что истина самоочевидна и не нуждается в доказательствах [25]. Опытные знания и эмпирические данные имеют решающее значение, в то время как возможным контраргументам уделяется меньше внимания. Частое использование бустеров указывает на склонность авторов к безапелляционному выражению собственной точки зрения, представлению результатов исследования, основанных на эмпирических данных, а не на спекуляциях. В технических науках, которые полагаются на данные, полученные эмпирическим путем, не нужно смягчать силу высказываний, снимая тем самым с себя ответственность за их

достоверность и оставляя место альтернативным выводам. Более востребованными здесь являются бустеры, которые увеличивают силу пропозиции и делают связь между ней и полученными данными более эффективной.

Данные выводы согласуются с результатами, полученными в ходе предыдущих исследований [26–28]. Так, Х. Гарсия-Кальво обнаружил, что лингвисты значительно чаще прибегают к хеджированию, чем представители естественных наук, которые используют большое количество бустеров, реализующих противоположную функцию [26]. К таким же выводам пришел М. Такимото, анализирувавший хеджи и бустеры в гуманитарных, социальных и естественных науках [27].

В качестве причины столь неравномерного распределения маркеров уверенности в корпусе технических и социально-гуманитарных текстов можно указать и уровень сформированности навыков академического письма. Представляется, что способы производства нового знания в технических и социальных науках (эмпирические vs интерпретативные, спекулятивные) оказывают влияние и на уровень владения письменной речью, в том числе ее научным стилем. Представители социальных наук опираются на слово в большей степени, чем представители технических отраслей знания, которые оперируют преимущественно количественными показателями. В несколько ином контексте похожее предположение было высказано К. Хайлендом, исследование которого показало, что не-носители английского языка чаще прибегают к использованию маркеров уверенности, чем носители, которые предпочитают смягчать иллокутивную силу пропозиции [19]. То есть уровень владения языком оказывает непосредственное влияние на выбор говорящими метадискурсивных паттернов.

Ниже рассмотрим примеры из корпуса, которые иллюстрируют использование бустеров

Таблица 3 / Table 3

Наиболее частотные лексические маркеры бустинга
The most frequently used lexical markers of boosting

Тип	K1		K2	
	Исходные данные	На 1000 слов	Исходные данные	На 1000 слов
Показывать	36	1.5	40	2.1
Демонстрировать	19	0.8	11	0.6
Устанавливать	17	0.7	20	1
Выявлять	13	0.6	9	0.4
Должен	9	0.4	7	0.5
Очевидно	9	0.4	8	0.5

с целью устранения сомнений в истинности пропозиции, предотвращая потенциальные контраргументы читательской аудитории и внушая уверенность в достоверности полученных данных.

Проделанный нами анализ подтвердил, что в XXI веке консолидированная демократия пока что продемонстрировала себя как очень эффективный механизм предотвращения возникновения реальных попыток свержения власти революционным путем (т. е. революционных эпизодов, не говоря уже о революциях) (K2).

Эвиденциальный глагол помогает автору подтолкнуть читателей к тем же выводам, к которым пришел он сам. Автор предвидит возможную реакцию читателей, но предпочитает исключить любые альтернативные позиции и спекуляции.

Как показал анализ, в обоих корпусах эвиденциальные глаголы наиболее часто употреблялись в следующих конструкциях:

Авторы показывают/демонстрируют ...

Результаты показывают, что ...

Как показывают полученные результаты/эмпирические данные/расчеты/исследования/оценки, ...

Показано/продемонстрировано, что ...

Обнаружена/выявлена ...

Исследование/анализ/тесты подтвердили/выявили ...

Вторыми по частотности употребления оказались маркеры солидарности. Приведем пример из корпуса.

Среди известных работ недожог водорода определялся после смешения диссоциированного пара с охлаждающим компонентом, что способствует его резкому снижению температуры (K1).

Маркер солидарности помогает автору поместить читателя в рамки дисциплинарного знания, которое доступно всем членам определенного дискурсивного сообщества.

Следующей по частотности группой бу-стеров, обнаруженной в корпусе, являются маркеры превосходства, представленные прилагательными и наречиями в превосходной степени.

Наиболее значимыми являются неотектонические движения, обуславливающие строение морфоструктуры, литолого-стратиграфические комплексы (K1).

Указывая на верхнюю границу континуума, они помогают авторам устранить любые сомнения в истинности пропозиции.

Наконец, маркеры интенсивности усиливают эмотивную силу высказывания, что также оказывает персуазивное воздействие на читателя, позволяя предотвратить возможные сомнения в истинности пропозиции. Приведем примеры.

Значения прогнозного показателя аэрологического риска для схем и способов проветривания тупиковых выработок с малой степенью активности перемешивания газов в призабойной зоне и большой степенью влияния зоны отброса газов на проветривание свидетельствуют о чрезвычайно высоком уровне взрывоопасности (K1).

Перемещение людей, товаров и распространение информации всегда являлись основополагающими компонентами функционирования человеческого общества (K1).

Однако, когда благое дело сделано, можно получить абсолютно неожиданный результат (K2).

Эффект усиления в приведенных высказываниях достигается за счет наречий *чрезвычайно, всегда* и *абсолютно*. Данные маркеры используются для описания и оценки объекта действительности, демонстрируя интенцию автора придать высказыванию статус категорического суждения, не подлежащего обсуждению. Автор не оставляет читателю пространство для дальнейших дискуссий по анализируемой проблеме. Маркеры интенсивности подчеркивают достоверный характер пропозиций, благодаря чему они приобретают категоричный характер. Их коммуникативная функция – интенсифицировать признак, оценку или количество относительно их нейтрального проявления.

Отметим, что маркеры с семантикой интенсивности *очень, всегда, абсолютно, чрезвычайно* имели крайне низкую частотность в обоих корпусах (не более трех употреблений в каждом корпусе).

Заключение

Целью настоящего исследования был сравнительный анализ средств реализации бустинга в аннотациях к научным статьям по социальным и техническим наукам, который позволил выявить междисциплинарную специфику взаимодействия автора и читателя.

Бустинг является неотъемлемой составляющей академического дискурса, представляя собой метадискурсивную стратегию, выполняющую следующие функции: усиление категоричности высказывания, выражение собственной точки зрения, исключение альтернативных

позиций, лишение читателя интерпретативного пространства, принятие ответственности за пропозицию.

Исследование показало, что бустеры различным образом используются авторами, представляющими социальные и технические науки, поскольку в процессе написания научных текстов они опираются не только на жанровые нормы, но и на дисциплинарные конвенции письма.

Было высказано предположение, что более высокая частотность бустеров в корпусе технических текстов связана с убежденностью авторов в том, что истина самоочевидна и не нуждается в доказательствах. Опытные знания и эмпирические данные имеют решающее значение, а возможные контраргументы игнорируются. Представители технических наук в большей степени склонны к безапелляционному выражению собственной точки зрения, представлению результатов исследования с опорой на эмпирические данные, а не на спекуляции. Кроме того, в качестве причины столь неравномерного распределения маркеров уверенности в корпусе технических и социально-гуманитарных текстов был указан и уровень сформированности навыков академического письма, который может оказывать влияние на выбор метадискурсивных паттернов.

Было установлено, что на лексическом уровне стратегия бустинга преимущественно

актуализируется с помощью эвиденциальных глаголов, модальных глаголов с семантикой долженствования, прилагательных и наречий с семантикой уверенности, интенсивности и солидарности, а также прилагательных и наречий в превосходной степени.

Представляется, что правильное использование бустеров в научном дискурсе является показателем прагматической компетентности автора и залогом эффективной коммуникации с читателем.

Признаю, что представленные в настоящей работе результаты следует интерпретировать лишь как тенденции в двух областях научного знания в силу ограниченного объема корпуса аннотаций, подвергшихся анализу. Исследования, основанные на более обширном материале, могут подтвердить или опровергнуть сделанные выводы.

В качестве перспективы исследования можно указать на необходимость сопоставительного анализа бустеров и других метадискурсивных средств не только в письменных жанрах академического дискурса, но и в устной речи, которая редко оказывается в фокусе внимания исследователей. Диахронические изменения в частоте использования и функционале бустеров как на примере одной дисциплины, так и в сравнительном аспекте, также могут представлять интерес для исследователей различных жанров академического дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тивьяева И. В., Кузнецова Д. Л. Компаративный анализ структурно-содержательной организации аннотаций к русскоязычным и англоязычным научным статьям // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 3. С. 139–152. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-3-139-152>

2. Boginskaya O. Creating an authorial presence in English-medium research articles abstracts by academic writers from different cultural backgrounds // International Journal of Language Studies. 2022. Vol. 16, № 2. P. 49–70.

3. Kozubíková-Šandová J. Interpersonality in research article abstracts: A diachronic case study // Discourse and Interaction. 2021. Vol. 14, iss. 1. P. 77–99. <https://doi.org/10.5817/DI2021-1-77>

4. Wang F., Pramoolsook I. Attitude in abstracts: Stance expression in translation practice reports and interpretation practice reports by Chinese students // Discourse and Interaction. 2019. Vol. 14, iss. 1. P. 100–123. <https://doi.org/10.5817/DI2021-1-100>

5. Ковалькова М. В. Аннотация к научной статье как малоформатный жанр англоязычного научного медицинского дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 3 (146). С. 179–184.

6. Петровская А. В. Дискурсивные особенности аннотаций к научной статье аграрной тематики на английском языке // Библ.-информ. дискурс. 2021. Т. 1,

№ 1. С. 17–22. <https://doi.org/10.47612/LID-2021-1-1-17-22>

7. Ji X. Comparison of abstracts written by native speakers and second language learners // Open Journal of Modern Linguistics. 2015. Vol. 5. P. 470–474. <https://doi.org/10.4236/ojml.2015.55041>

8. Бузальская Е. В. Речевой жанр «аннотация к научной статье по лингвистике»: типичные модели реализации // Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 2020. № 31. С. 3–11.

9. Силкина О. М. Суперструктура научной аннотации: универсальное и культурноспецифическое (на материале английского, немецкого и русского языков) // Научный результат. Вопросы теоретической прикладной лингвистики. 2019. Т. 5, № 3. С. 82–98. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2019-5-3-0-8>

10. Alonso-Almeida F. Evidential and epistemic devices in English and Spanish medical, computing and legal scientific abstracts: A contrastive study // Abstracts in Academic Discourse : Variation and Change / eds. M. Bondi, R. Lorés Sanz. Bern : Peter Lang, 2014. P. 21–42.

11. Hu G., Cao F. Hedging and boosting in abstracts of applied linguistics articles: A comparative study of English- and Chinese-medium journals // Journal of Pragmatics. 2011. Vol. 43. P. 2795–2809. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2011.04.007>

12. Науменко Ю. Н. Научная аннотация как отражение национальной специфики письменного академиче-

ского дискурса // Язык и национальное сознание : сб. статей / под ред. И. А. Стернина. Вып. 26. Воронеж : Ритм, 2020. С. 63–66.

13. Rashidi N., Alihosseini F. A contrastive study of metadiscourse markers in research article abstracts across disciplines // *Bulletin of the Transilvania University of Brasov*. 2012. Vol. 5, № 4. P. 17–23.

14. Swales J. M. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 288 p.

15. Мальшикин К. Ю., Никитина Л. Б. Лексико-грамматические маркеры категоричности высказывания // Омский научный вестник. 2014. № 5 (132). С. 108–110.

16. Гущина Г. И. Категория категоричности/некатегоричности высказывания в системе норм речевой коммуникации (на материале русских и английских диалогов) // *Вестник Башкирского университета*. 2008. Т. 13, № 4. С. 982–985.

17. Соловьянова Е. В. Тактики и приемы смягчения категоричности критических замечаний в агональной научной коммуникации (на материале англоязычных и русскоязычных научных статей) // *Сопоставительные исследования : сб. статей / под ред. М. А. Стернина*. Вып. 15. Воронеж : Ритм, 2018. С. 105–111.

18. Panchenko N. N., Volkova Ya. A. Categoricalness in scientific discourse // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2021. Vol. 14, № 4. P. 535–543. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0740>

19. Hyland K. Boosting, hedging and the negotiation of academic knowledge // *Text*. 1998. Vol. 18, № 3. P. 349–382. <https://doi.org/10.1515/text.1.1998.18.3.349>

20. Hyland K. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London : Continuum, 2005. 230 p.

21. Skelton J. The representation of truth in academic medical writing // *Applied Linguistics*. 1997. Vol. 18, № 2. P. 121–140.

22. Hunston S. Professional conflict – disagreement in academic discourse // *Text and Technology: In Honour of John Sinclair / eds. M. Baker, G. Francis, E. Tognini-Bonelli*. Philadelphia : John Benjamin, 1993. P. 115–34.

23. Vassileva I. Commitment and detachment in English and Bulgarian academic writing // *English for Specific Purposes*. 2001. Vol. 20, № 1. P. 83–102. [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(99\)00029-0](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(99)00029-0)

24. Hyland K., Jiang F. Metadiscourse across languages and genres: An overview // *Lingua*. 2021. Vol. 265. P. 103205. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2021.103205>

25. Bodde D. *Chinese Thought, Society and Science: The Intellectual and Social Background of Science and Technology in Pre-modern China*. University of Hawaii Press, Honolulu, 1991. 480 p.

26. Garcia-Calvo J. Use of metadiscourse in research article abstracts for scientific events // *Revista Letras*, Curitiba. 2002. Vol. 57. P. 195–209.

27. Takimoto M. A Corpus-Based Analysis of Hedges and Boosters in English Academic Articles // *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. 2015. Vol. 5, № 1. P. 95–105. <https://doi.org/10.17509/ijal.v5i1.836>

28. Boginskaya O. A diachronic analysis of hedging in non-native authors' research article abstracts // *Cultura, Lenguaje y Representación*. 2022. Vol. 27. P. 7–22.

REFERENCES

1. Tivyayeva I. V., Kuznetsova D. L. Comparative analysis of the structural and content organization of annotations to Russian and English scientific articles. *Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*, 2020, vol. 3, pp. 139–152 (in Russian). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-3-139-152>

2. Boginskaya O. Creating an authorial presence in English-medium research articles abstracts by academic writers from different cultural backgrounds. *International Journal of Language Studies*, 2022, vol. 16, no. 2, pp. 49–70.

3. Kozubíková Šandová J. Interpersonality in research article abstracts: A diachronic case study. *Discourse and Interaction*, 2021, vol. 14, iss. 1, pp. 77–99. <https://doi.org/10.5817/DI2021-1-77>

4. Wang F., Pramoolsook I. Attitude in abstracts: stance expression in translation practice reports and interpretation practice reports by Chinese students. *Discourse and Interaction*, 2019, vol. 14, iss. 1, pp. 100–123. <https://doi.org/10.5817/DI2021-1-100>

5. Kovalkova M. V. Research article abstract as a small-format genre of the English-language scientific medicine discourse. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2020, no. 3 (146), pp. 179–184 (in Russian)

6. Petrovskaya A. V. Discursive features of English research article abstracts in the agrarian field. *Library Information Discourse*, 2021, vol. 1, no. 1, pp. 17–22. (in Russian). <https://doi.org/10.47612/LID-2021-1-1-17-22>

7. Ji X. Comparison of abstracts written by native speakers and second language learners. *Open Journal of Modern Linguistics*, 2015, vol. 5, pp. 470–474. <https://doi.org/10.4236/ojml.2015.55041>

8. Buzalskaya E. V. Speech Genre 'Annotation to a Scientific Article in Linguistics': Typical Implementation Models. *Russian as a Foreign Language and Methods of its Teaching*, 2020, vol. 31, pp. 3–11 (in Russian). <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2019-5-3-0-8>

9. Silkina O. M. Scientific abstract superstructure: Universal and culturally specific (on the material of English, German and Russian languages). *Research Result. Theoretical Applied Linguistics*, 2019, vol. 5, no. 3, pp. 82–98.

10. Alonso-Almeida F. Evidential and epistemic devices in English and Spanish medical, computing and legal scientific abstracts: A contrastive study. In: Bondi M., Lorés Sanz R., eds. *Abstracts in Academic Discourse: Variation and Change*. Bern, Peter Lang, 2014, pp. 21–42.

11. Hu G., Cao F. Hedging and boosting in abstracts of applied linguistics articles: A comparative study of English- and Chinese-medium journals. *Journal of Pragmatics*, 2011, vol. 43, pp. 2795–2809. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2011.04.007>

12. Naumenko Yu. N. Research article abstract as a reflection of the national specifics of written academic discourse. Sternin I. A., ed. *Language and National Consciousness : Coll. of arts*, iss. 26. Voronezh, Ritm, 2020, pp. 63–66 (in Russian).

13. Rashidi N., Alihosseini F. A contrastive study of metadiscourse markers in research article abstracts across disciplines. *Bulletin of the Transilvania University of Brasov*, 2012, vol. 5, no. 4, pp. 17–23.

14. Swales J. M. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 288 p.

15. Malyshkin K. Yu., Nikitina L. B. Lexico-grammatical markers of the categoricalness of the statement. *Omsk Scientific Bulletin*, 2014, vol. 5 (132), pp. 108–110 (in Russian).
16. Gushchina G. I. Category of categorical/non-categorical in the system of communication (on the material of Russian and English dialogues). *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 2008, vol. 13, no. 4, pp. 982–985 (in Russian).
17. Solov'janova E. V. Tactics and techniques for softening the categoricalness of critical remarks in agonial scientific communication (on the material of English and Russian scientific articles). Sternin M. A., ed. *Comparative studies: Coll. of arts, iss. 15*. Voronezh, Ritm, 2018, pp. 105–111 (in Russian).
18. Panchenko N. N., Volkova Ya. A. Categoricalness in scientific discourse. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 535–543. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0740>
19. Hyland K. Boosting, hedging and the negotiation of academic knowledge. *Text*, 1998, vol. 18, no. 3, pp. 349–382. <https://doi.org/10.1515/text.1.1998.18.3.349>
20. Hyland K. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London, Continuum, 2005. 230 p.
21. Skelton J. The representation of truth in academic medical writing. *Applied Linguistics*, 1997, vol. 18, no. 2, pp. 121–40.
22. Hunston S. Professional conflict – disagreement in academic discourse. In: Baker M., Francis G., Tognini-Bonelli E., eds. *Text and Technology: In Honour of John Sinclair*. Philadelphia, John Benjamin, 1993, pp. 115–134.
23. Vassileva I. Commitment and detachment in English and Bulgarian academic writing. *English for Specific Purposes*, 2001, vol. 20, no. 1, pp. 83–102. [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(99\)00029-0](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(99)00029-0)
24. Hyland K., Wang W., Jiang F. Metadiscourse across languages and genres: An overview. *Lingua*, 2021, vol. 265, pp. 103205. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2021.103205>
25. Bodde D. *Chinese Thought, Society and Science: The Intellectual and Social Background of Science and Technology in Pre-modern China*. University of Hawaii Press, Honolulu, 1991. 480 p.
26. Garcia-Calvo J. Use of metadiscourse in research article abstracts for scientific events. *Revista Letras, Curitiba*, 2002, vol. 57, pp. 195–209.
27. Takimoto M. A Corpus-Based Analysis of Hedges and Boosters in English Academic Articles. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, 2015, vol. 5, no. 1, pp. 95–105. <https://doi.org/10.17509/ijal.v5i1.836>
28. Boginskaya O. A diachronic analysis of hedging in non-native authors' research article abstracts. *Cultura, Lengua y Representación*, 2022, vol. 27, pp. 7–22.

Поступила в редакцию 12.08.2022; одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 28.10.2022
The article was submitted 12.08.2022; approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 28.10.2022

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 66–78

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 66–78

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-66-78>, EDN: BZOWWQ

Научная статья

УДК 821.161.1'38:[001:004.738.5]

Жанр научной статьи в Интернете: структурно-семиотическая трансформация

Е. А. Кожемякин^{1,3}, Т. В. Дубровская^{1,2}✉

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

²Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

³Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Кожемякин Евгений Александрович, д. доктор философских наук, профессор, ¹профессор кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью, ³профессор Школы коммуникаций факультета креативных индустрий, ekozhemyakin@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2991-1011>

Дубровская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, ¹профессор кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью, ²заведующий кафедрой «Английский язык», gunergy74@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0044-6056>

Аннотация. Обсуждается проблема изменений научной коммуникации, связанных с перемещением её в цифровую среду. Авторы ставят цель выявить структурно-семиотические трансформации жанра научной статьи в условиях перехода от материально-бумажного к материально-цифровому формату представления. Для этого характеристики жанра в его традиционной печатной форме сопоставляются с характеристиками статей из научных журналов, представленных на страницах электронных версий журналов. Результаты анализа показали, что изменения затронули как собственно жанровые признаки научной статьи (например, аннотация получила визуальную реализацию), так и «жанровую оболочку», т. е. инструментальный интерфейс, который обеспечивает взаимодействие реципиента с текстом. Трансформация признаков жанра научной статьи требует от ученых расширения их компетенций, когнитивных и технических, поскольку от этого зависит эффективность научной коммуникации. Со стороны получателя текста, технологический контекст научной интернет-статьи предоставляет реципиентам дополнительные возможности взаимодействия с текстом за счёт широкого использования аффордансов. Являясь «посредниками» между свойствами текста и возможностями читателя, аффордансы активно используются в процедурах смыслованализа. При этом научная статья становится типичным интернет-объектом, в отношении которого совершаются те же действия, что и в отношении других объектов в цифровой среде. Авторы заключают, что следующим исследовательским этапом является определение характеристик взаимодействия читателя с научной статьёй в Интернете и влияния новых жанровых признаков и аффордансов на восприятие и интерпретацию реципиентом содержания текста.

Ключевые слова: научная статья, интернет-текст, семиотические ресурсы, аннотация, визуальный, аффордансы, цифровая среда текста

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00109, «Рецепция и интерпретация научного текста в интернете: мультимодальный подход», <https://rscf.ru/project/23-28-00109/>).

Для цитирования: Кожемякин Е. А., Дубровская Т. В. Жанр научной статьи в Интернете: структурно-семиотическая трансформация // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 66–78. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-66-78>, EDN: BZOWWQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genre of a scientific article on the Internet: Structural and semiotic transformation**E. A. Kozhemyakin^{1,3}, T. V. Dubrovskaya^{1,2}**¹Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia²Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia³HSE University, 20 Myasnitskaya St., Moscow 101000, Russia**Evgeny A. Kozhemyakin**, kozhemyakin@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2991-1011>**Tatyana V. Dubrovskaya**, gynergy74@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0044-6056>

Abstract. The article discusses changes in scientific communication that are related to its transfer to a digital environment. The authors aim to reveal structural and semiotic transformations that the genre of scientific article undergoes in the context of transition from paper to a digital format. To this end, the characteristics of the genre in its traditional printed format are compared to the characteristics of scientific articles as they are presented in the electronic versions of journals. The results of the analysis demonstrate that these changes affected both genre features per se (e.g. the abstract has acquired a visual form) and the “genre shell”, i.e. an instrumental interface that facilitates the recipient’s interaction with the text. The transformation of the genre characteristics found in a scientific article requires that scholars expand their competencies, both cognitive and technical, since this factor predetermines the effectiveness of scientific communication. As for the recipient, the technological context of a scientific article on the Internet provides readers with additional opportunities for interacting with the text through the common use of affordances. Being “intermediaries” between the properties of the text and the reader’s capabilities, affordances are widely used in the procedures of meaning translation. At the same time, a scientific article becomes a typical Internet object that is subject to all actions taken to any other object in a digital environment. The authors conclude that the next research stage can cover the examination of the reader’s interaction with a scientific article on the Internet, as well as the influence of new genre features and affordances on the recipient’s perception and interpretation of the text.

Keywords: scientific article, Internet text, semiotic resources, abstract, visual, affordances, digital environment of the text

Acknowledgments. The study is supported by Russian Science Foundation, project No. 23-28-00109 “Reception and interpretation of academic texts in internet: A multimodal approach”, <https://rscf.ru/project/23-28-00109/>.

For citation: Kozhemyakin E. A., Dubrovskaya T. V. Genre of a scientific article on the Internet: Structural and semiotic transformation. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 66–78 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-66-78>, EDN: BZOWWQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Научный текст, будучи средством систематизации и передачи научного знания, всегда интересовал учёных не только с прикладной, инструментальной, точки зрения, но и с общетеоретических позиций – как объект лингвистической теории, жанроведения, семиотики. Полагаем, что до XXI века в исследовании научного текста главенствовали следующие тенденции: во-первых, естественной материальной средой существования научных текстов небезосновательно признавались бумажные носители и устная речь; во-вторых, научный текст традиционно рассматривался в терминах функциональной стилистики, которая соединяла эпистемическую ситуацию как «совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности» [1: 47–48] с многоуровневой организацией содержательной стороны текста. Научный текст выступал

преимущественно как предмет лингвистического и логического анализа, а процесс и результат понимания текста считался зависимым главным образом от соблюдения ряда конвенций – лексико-семантических, грамматических, стилистических, характерных для конкретных жанров научной сферы.

Одним из наиболее обсуждаемых жанров научной коммуникации является жанр научной статьи. Причины его популярности – в восприятии научной статьи как одного из ядерных жанров научного дискурса. Ученые определяют научную статью как основной жанр научного стиля [2: 62], один из основных жанров научного дискурса [3: 89], первичный жанр научного дискурса [4: 108], the key genre of the academic world (ключевой жанр академического мира) [5: 119], a core genre of scientific community (ядерный жанр научного сообщества) и a major genre in scientific communication (основной жанр научной коммуникации) [6:

50], тип академического текста, реализующего собственно исследовательские цели и вербализующего новое научное знание [7: 38–39] (здесь и далее перевод с английского наш. – Е. К., Т. Д.). В нашем понимании **научная статья** представляет собой жанр, т. е. устойчивый тип текста с присущими композиционными и содержательными характеристиками (инвариант), выполняющий закрепленные за ним функции систематизации и распространения знания в сфере научных социокультурных практик посредством традиционной печатной формы или цифровых технологий. При этом категорию текста мы толкуем широко: она охватывает не только традиционные вербальные формы, но и всё разнообразие задействованных семиотических ресурсов, включая мультимедийные: средства создания электронных архивов, системы внутритекстовых и межтекстовых гиперссылок, элементы навигации по тексту, инструменты изменения его масштаба и поля чтения, графические, аудио- и видеозаписи и т. д.

Очевиден тот факт, что произошедший выход научной коммуникации в цифровую среду меняет сами схемы производства и потребления информации, с одной стороны, и фокус изучения научной коммуникации, с другой стороны. Не отбрасывая полностью интерес к лексико-грамматическим и лингвокультурным характеристикам, композиции и риторическим стратегиям, исследователи начинают переключаться на «академический дискурс, произведенный с помощью цифровых средств, и уделяют внимание практикам, задействованным в производстве такого дискурса» [8: 1].

В рамках данной статьи мы ставим **цель** выявить структурно-семиотические трансформации жанра научной статьи, которые он претерпевает в цифровой среде. Для этого сначала на основе существующих исследований и собственных наблюдений мы выстроим модель жанра в его традиционной печатной форме, а затем обратимся к **материалам** статей из научных журналов, представленных в цифровом формате на страницах электронных версий журналов, и отметим их структурно-семиотическую специфику. Данное исследование имеет пилотный характер и не претендует на широкие обобщения, позволяя обозначить возможные перспективы изучения семиотически осложненных научных текстов.

1. Научная статья: жанровые признаки и классическая семиотическая структура

Историческое развитие научной статьи, а также ее структурные и функциональные характеристики достаточно подробно обсуждаются как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Э. Ю. Новикова характеризует

жанр научной статьи с точки зрения тематики, авторства и функции: «Текст научной статьи тематически всегда сопряжен с конкретной областью знания. Это авторский продукт, который раскрывает специфику проведенной или проводимой научной работы. Его автор распространяет полученные научно значимые знания и ориентирует их в первую очередь на широкую аудиторию исследователей» [3: 90]. Дж. Е. Хармон и А. Г. Гросс предлагают функциональную классификацию научных статей, которая охватывает теоретические статьи, экспериментальные статьи, статьи-наблюдения, методологические статьи и статьи-обзоры [9]. Существование иной функциональной классификации научных статей (без указания на конкретный источник) отмечает Е. В. Иванникова [2]. Список разновидностей статей включает: проблемно-постановочную статью; научную статью – краткое сообщение о результатах научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; научно-техническую (собственно-научную) статью с подробным изложением основных результатов исследования; обзорную историко-научную статью; полемическую, или дискуссионную статью; научно-популярную статью; маркетинговую (рекламную, PR-статью) – на границе научного и публицистического стиля. Полагаем, что все разновидности научных статей, выделенные в некоторых случаях на разнородных основаниях, объединены одной конститутивной чертой – любая научная статья построена на обсуждении научной проблемы и предложении возможных путей ее решения, что образует собственно диктумное содержание текста.

Другой обязательной характеристикой научной статьи, определяющей ценность ее содержания, представляется экспертный статус автора текста в той тематической сфере, которой посвящена статья. Статус автора подтверждается эксплицитным указанием на его/ее должность и аффилиацию. Именно этот статус отличает собственно научный текст от текста ненаучного или псевдонаучного. Кроме того, можно говорить о потенциальном адресате текста – лице, также принадлежащем миру науки и способном понять предлагаемый научный текст. В этом смысле, вероятно, научно-популярная статья не может считаться собственно научной, поскольку она ориентирована на получателя с более ограниченной экспертизой в данной области знаний, что получает выражение как в упрощенном содержании текста, так и в соответствующей форме изложения.

Формальные конвенции научной статьи касаются, во-первых, типичной жанровой структуры и, во-вторых, стиля текста. Прежде

всего издание регламентирует длину научной статьи, которая может варьировать в рамках нескольких тысяч слов. Кроме того, в последние годы в связи с глобализацией и распространением единых стандартов написания научных статей практически повсеместным требованием к публикациям в российских научных журналах стала общепринятая в западном научном мире композиция IMRD (Introduction – Methods – Results – Discussion/ Введение – Методы – Результаты – Обсуждение). Разновидностью такой структуры выступает схема, включающая отдельный раздел Review of the Literature (Обзор литературы), как, к примеру, рекомендовано в пособии по написанию исследовательских статей на английском [10]. Помимо указанных компонентов статья включает также название, аннотацию, заключение, список литературы, метатекстовые данные. Данные элементы также должны соответствовать ряду требований, которые могут варьировать в разных изданиях.

Как отмечает Н. С. Валгина, «значения, заключённые в тексте, не всегда передаются только вербальными средствами. Для этого существуют и средства невербальные; в рамках высказывания и межфразового единства это может быть порядок слов, соположение частей, знаки препинания; для акцентирования значений – средства выделения (курсив, разрядка и др.» [11: 22]. Говоря о невербальных составляющих научной статьи, можно обратить внимание на разное расположение элементов статьи (например, размещение фамилии автора выше или ниже названия статьи (рис. 1 vs рис. 2, 3), указание на аффилиацию рядом с фамилией автора или отдельно в авторской справке (рис. 2 vs рис. 1, 3), выделение аннотации курсивом или рамкой (рис. 1, 3 vs рис. 2), расположение текста в одну или две колонки на странице (см. рис. 2, 3 vs рис. 1), наличие или отсутствие иллюстраций и т. д.

Не умаляя значения вербальных параметров классической (бумажной) научной статьи, отметим значимость, в том числе смыслообразующую роль, указанных выше невербальных элементов текста. Так, очерёдность элементов «Автор» и «Название статьи» позволяет судить об иерархии приоритетов (как минимум для издателя). Указание на автора перед названием может свидетельствовать о приоритете авторства над проблемно-тематической областью статьи, тогда как расположение названия перед именем автора фокусирует внимание читателя на теме и проблеме научного текста. Наличие фотографии автора может дополнять семантическую структуру статьи персонализированными коннотациями,

характеризующими её адресанта и позволяющими визуально идентифицировать автора,

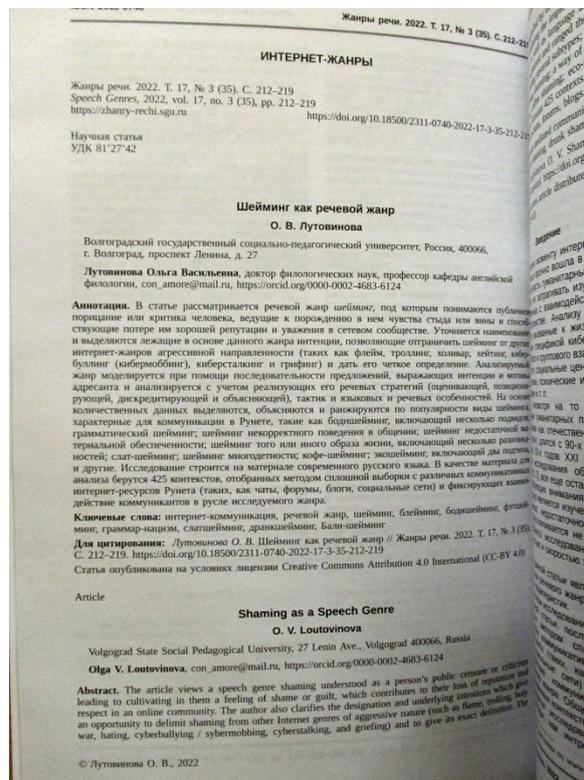

Рис. 1. Пример оформления статьи в журнале «Жанры речи»

Fig. 1. Example of an article format in the journal "Speech Genres"

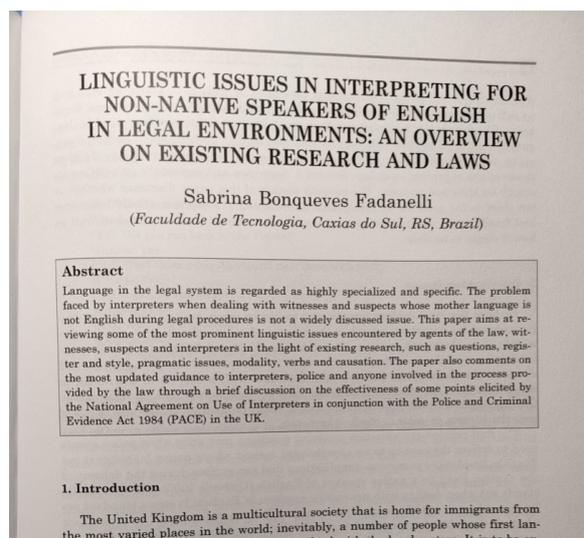

Рис. 2. Пример оформления статьи в журнале «ESP across Cultures»

Fig. 2. Example of an article format in the journal "ESP across Cultures"

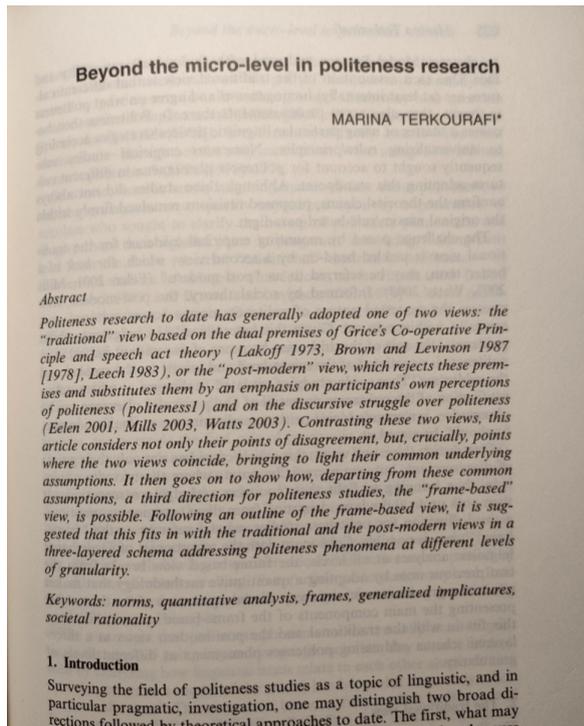

Рис. 3. Пример оформления статьи в журнале «Journal of Politeness Research»

Fig. 3. Example of an article format in the journal "Journal of Politeness Research"

например, во время научных мероприятий или при личных встречах.

Отдельно стоит отметить важность использования средств визуализации полученных данных: графиков, рисунков, фотографий, позволяющих наглядно воспринимать систематизированный эмпирический материал, который представлен в виде как количественных, так и качественных данных. Требования к оформлению такого рода визуальных элементов статьи, как правило, отдельно оговариваются издателями.

Конвенциональные требования к жанровым характеристикам научной статьи содержатся не только в документах редакций журналов, но и представлены в надредакционных «гидах по стилю» и стандартах оформления статей, таких как ГОСТ, MLA, APA, Chicago, Vancouver и других. Эти документы, разрабатываемые государственными институтами и профессиональными ассоциациями, устанавливают требования как к качеству и содержанию текста (ясность и чёткость изложения, обоснованность и аргументированность), так и к оформлению цитат, ссылок на источники, качеству и формальным характеристикам иллюстраций, форматированию текста (оформление заголовков и подзаголовков, нумерация, ширина полей, размер отступов и межстрочных интервалов, размер шрифта и т. п.).

Единые стандарты оформления позволяют создать пространство научной коммуникации, объединенное не только тематически, но и формально, что создает горизонт ожидания для реципиента научного текста – он знает, где найти краткое содержание текста, какую информацию об авторах сможет получить, как обратиться к источникам материала и т. д.

О стилистических характеристиках жанра научной статьи написано много как в теоретических работах, так и в практических руководствах. Не останавливаясь подробно на этом аспекте, отметим только распространённое требование ёмкости и ясности текста, которые обеспечиваются ограничением длины предложений, правильной грамматикой, орфографией и пунктуацией, логикой деления текста на разделы и абзацы и т. д. Х. Сорд, впрочем, отмечает нередкие нарушения рекомендаций по стилю в академической прозе и ратует не только за доступность академического языка, но и за творческий подход к написанию научных работ [12].

Итак, к типичным характеристикам жанра классической бумажной научной статьи отнесём проблемно-содержательные и композиционно-формальные.

Проблемно-содержательные:

- 1) диктумное содержание статьи строится относительно научной проблемы и способов её решения;
- 2) ценность статьи маркирована с помощью ряда элементов: указания на автора, его аффилиацию, должность, ученую степень и звание, финансовую поддержку, а в некоторых случаях – на имена рецензентов.

Композиционно-формальные:

- 1) длина статьи варьируется в пределах нескольких тысяч слов;
- 2) статья имеет структуру, представленную несколькими композиционными блоками: заголовочный комплекс, введение, методы, результаты, обсуждение, заключение, ссылки;
- 3) текст научной статьи включает в себя невербальные элементы – размещение и оформление структурных элементов, использование иллюстраций, количество колонок и т. п. Невербальные элементы выполняют как вспомогательную (например, курсив аннотации), так и основную смысло-транслирующую роль (например, графики).

Эти две группы характеристик находятся в концептуальной связи друг с другом и лишь аналитически могут быть выделены как самостоятельные элементы, тогда как в пространстве текста статьи предметно-содержательные характеристики отражены в композиционно-формальных, а те, в свою очередь, всегда имеют содержательное наполнение.

2. Цифровой формат: новая жизнь научной статьи

Изменения, обусловленные внедрением цифровых технологий в разные сферы жизни, затронули и науку, в том числе способы представления научных результатов. Л. В. Балашова и В. В. Дементьев, отмечая значительную роль цифровизации в сфере науки, указывают, что цифровые новации, связанные с ужесточением требований к оформлению статей и развитием науки, «являются, по сути, речежанровыми, поскольку касаются стандартизации текстовых структур и их статистического учета» [13: 729]. С учетом данного положения рассмотрим далее, какие речежанровые трансформации переживает научная статья и её семиотическая структура.

Семиотический потенциал любого текста позволяет транслировать значения с помощью широкого спектра средств. В различных отраслях научных исследований – от семиотики до нейропсихологии, от когнитивной лингвистики до IT-исследований – накоплен большой объём сведений о принципах и закономерностях сочетания вербальных, визуальных, аудиальных элементов в текстах различных жанров [14–22]. Это качество семиотической организации текстов имеет отношение к научным жанрам и особенно ярко проявляется в цифровых форматах их реализации. Сохраняя при этом свои базовые качества (объективность, доказательность, точность, фактологичность и т. д.), научные тексты приобретают в то же время ряд свойств, указывающих на изменение их семиотической структуры и расширение жанровых признаков.

Благодаря цифровой среде, в которой размещается и к которой адаптируется научная статья, адресант получает доступ к широкому спектру новых семиотических ресурсов, не характерных для классического «бумажного» текста, но расширяющих возможности транслирования смыслов в условиях цифровой коммуникации. Национальные и профессиональные стандарты оформления научных текстов содержат ряд требований, актуальных именно для интернет-формата научной статьи. К таковым относятся указание на DOI источники, внешние гиперссылки на интернет-материалы, рекомендации по использованию цифровых иллюстраций (их количества, размера, соотношения вербального текста и визуального материала). Многие редакционные инструкции относительно невербальных ресурсов более детализированы: они касаются использования переносов, разрешения файлов с иллюстрациями, возможного использования аудио- и видеоматериалов и т. д.

Эти требования вытекают из новых дизайнерских возможностей и тенденций верстки цифрового текста, однако в более широкой перспективе они связаны с расширением опыта взаимодействия читателя с научной статьёй. Цифровая среда позволяет активизировать в процессе чтения более широкий спектр каналов восприятия и операций взаимодействия, чем чтение бумажного текста. Такие операции, включая переход по ссылкам, скроллинг, изменение масштаба, редактирование и удаление закладок и комментариев, расширяют сенсорный опыт взаимодействия читателя с научной статьёй, размещённой в интернет-среде.

Лексические маркеры сенсорного опыта – слова, обозначающие чувственную сферу в текстах научных статей, исследует Ю. Н. Мухина [23]. В то же время неизученным остается аспект собственно сенсорного взаимодействия читателя с научным текстом, возможности которого существенно расширяются благодаря инструментарию цифровой среды.

Итак, научные интернет-статьи обращены к чувственному опыту реципиента не только и не столько благодаря эмоционально окрашенной лексике и лексическим маркерам чувственного опыта, сколько за счёт широкого спектра семиотических ресурсов – гиперссылок, элементов прокрутки, тегов, графических элементов, анимированных меню и т. д. Перспективным исследовательским направлением является определение роли интерактивных и визуальных элементов научного интернет-текста и его микроконтекста, который образует технологическая среда взаимодействия реципиента со статьёй, в процессах смыслообразования. Далее мы рассмотрим некоторые из «неклассических» атрибутов жанра научной статьи.

2.1. Традиционные конститутивные элементы жанра в новом исполнении

Одним из обязательных структурных жанров научной статьи является аннотация (англ. – abstract), позволяющая в краткой форме (100–250 слов) представить суть статьи и результаты исследования. Аннотация одновременно выполняет и маркетинговую функцию продвижения научного продукта: качественная аннотация позволяет редактору быстро оценить качество всей статьи как объекта потенциальной публикации, а читателю – релевантность статьи своим научным интересам. Э. Волворк отмечает также, что аннотация возбуждает интерес и стимулирует читателей к прочтению всей статьи [10: 177]. В требованиях к содержанию аннотации – минимальное описание контекста, представление цели и её важности, описание собственного вклада и его

ценности, объекта исследования, заключение и выводы. Таковы типичные требования, которые можно обнаружить как в англоязычных руководствах по академическому письму [10: 182], так и в большинстве руководств для авторов в российских журналах. Формальные критерии касаются длины самой аннотации, а также длины отдельных предложений. Для английского языка это максимум 25 слов [10: 177].

Новое веяние в сфере академических публикаций, связанное с повышением роли визуальности в современной культуре в целом, – **графические аннотации** (англ. graphical abstracts, visual abstracts). Издательский дом «Эльзевир» поясняет авторам, что графическая аннотация – это «представление основных результатов статьи в форме единого ёмкого визуального представления» [24]. Понимая, что новый визуальный формат аннотации может представлять трудность для авторов, издательство даёт рекомендации как создать хорошую визуальную аннотацию. Интересно, что и сама инструкция имеет визуальную форму, схематично представляя модель аннотации (рис. 4).

Сохраняя роль словесной аннотации – помочь читателю ухватить основное содержание

статьи – и её структуру (контекст исследования, методология и результаты), графическая аннотация приобретает и специфические признаки. Это визуальный модус или комбинация визуального модуса с вербальным, а также сокращение времени рецепции («at a single glance» – с одного взгляда). Удовлетворение потребности современного ученого в сверхбыстрой переработке растущих потоков информации реализуется посредством перевода вербального модуса в визуальный. При этом важно, что графическая аннотация не выступает субститутотом аннотации в традиционной форме, поскольку два типа аннотаций имеют разные среды применения: «Графическая аннотация будет показана в списках результатов онлайн-поиска, онлайн-оглавлениях и в статье на ScienceDirect, но обычно не демонстрируется в печатной статье или статье формата PDF» [24]. Говоря языком лингвистики, аннотация традиционного формата и графическая аннотация вступают в отношения дополнительной дистрибуции, поскольку не встречаются в одинаковом контексте. Кроме того, модус аннотации неявно маркирует формат всего текста как старый привычный (PDF, печатный) или новый передовой (онлайн-версии).

How to produce a good visual abstract

Creating a simple, accessible and visually-stimulating overview will benefit your article considerably

Introduce the context of your research or make your first point here

Here is where you showcase your methodology or make the second point

Finally this panel is for explaining the main outcome of your work or hosting the third point

Elsevier Author Team | Tancock, C.M., University of Oxford | elsevier.com/authors/tools-and-resources/graphical-abstract

Рис. 4. Как создать хорошую визуальную аннотацию. Скриншот страницы издательства «Эльзевир». Источник: <https://www.elsevier.com/authors/tools-and-resources/visual-abstract>

Fig. 4. How to produce a good visual abstract. Screenshot of a webpage of Elsevier publishing house. Source: <https://www.elsevier.com/authors/tools-and-resources/visual-abstract>

Отметим и то, что рекомендации издательства о графической аннотации не базируются на уже сложившихся практиках, как в случае с вербальным текстом. Научные коммуникаторы в лице издателей и редакторов формируют новые академические практики на основе активного использования в жанре научной статьи визуальных элементов как смыслообразующих средств.

«Эльзевиер» приводит примеры качественных графических аннотаций, построенных по приведенной ранее модели и комбинирующих визуальные элементы (графику, цвет, расположение элементов) с собственно вербальными (рис. 5).

Поскольку графическая аннотация – явление новое и стандарты её далеки от универсальности и единообразия, в отношении визуальных аналогов аннотации наблюдается значительная вариативность. Так, пример ниже (рис. 6) имеет иную структуру, а вербальный компонент ограничен названием рисунка и расшифровкой иконических знаков, его составляющих.

Новые правила академических журналов требуют от ученых новых семиотических и коммуникативных компетенций, а навыки автора в создании визуального продукта и его готовность применять специальные инструменты определяют успешность рецепции. Таким образом, расширение признаков жанра научной

статьи требует и расширения компетенций ученых, поскольку от них зависит эффективность научной коммуникации.

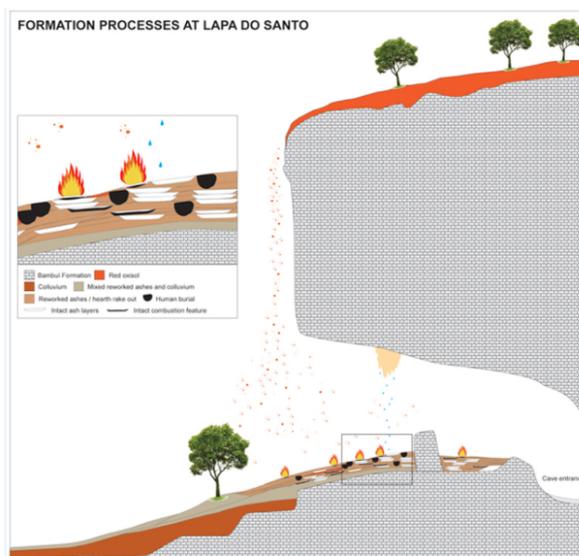

Рис. 6. Графическая аннотация из журнала «Journal of Archaeological Science».

Источник: https://ars.els-cdn.com/content/image/1-s2.0-S0305440316300942-fx1_lrg.jpg

Fig. 6. Graphical abstract form the journal “Journal of Archaeological Science”.

Source: https://ars.els-cdn.com/content/image/1-s2.0-S0305440316300942-fx1_lrg.jpg

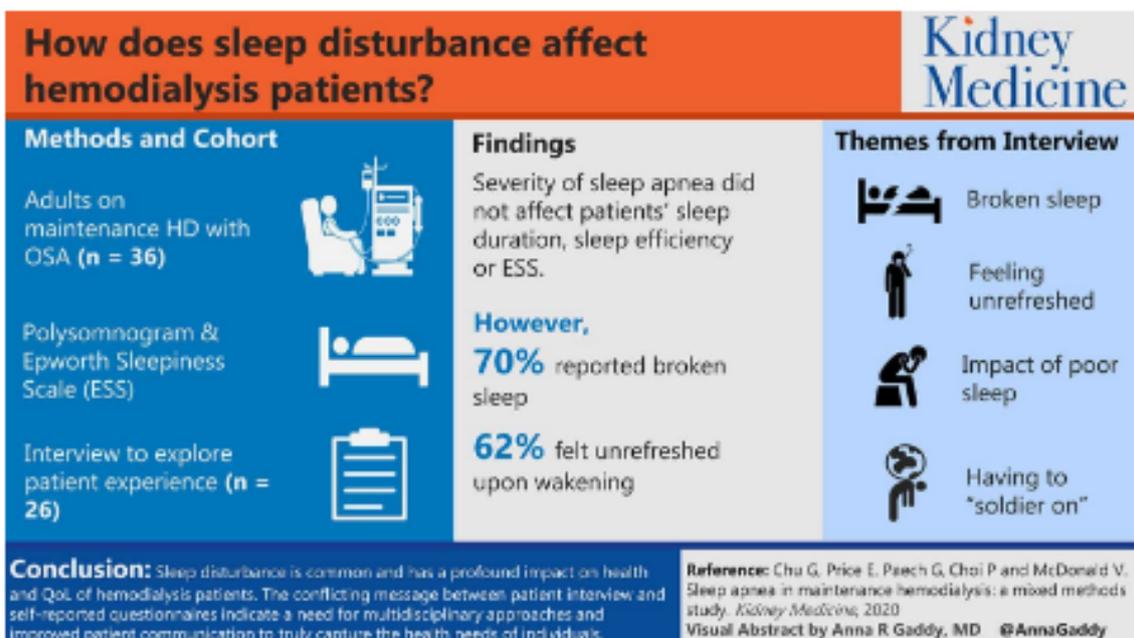

Рис. 5. Пример качественной графической аннотации.
Источник: <https://www.elsevier.com/authors/tools-and-resources/visual-abstract>

Fig. 5. Example of a quality graphical abstract.
Source: <https://www.elsevier.com/authors/tools-and-resources/visual-abstract>

2.2. Аффордансы научной статьи в Интернете: «жанровая оболочка»

Важно обратить внимание не только на новый формат традиционных жанровых элементов научной статьи, но и на семиотические ресурсы, которые обусловлены материально-технологическими характеристиками интернет-среды взаимодействия пользователя с текстом. К таковым мы относим гиперссылки, элементы прокрутки, внутритекстовой навигации, графические элементы и иконки, титульные иллюстрации, всплывающие подсказки и комментарии и прочие элементы, расширяющие и уточняющие смысловую структуру статьи за счёт дополнительной информации и метаданных и позволяющие реципиенту управлять взаимодействием со статьёй.

Подобные ресурсы обозначаются в современной семиотике термином «аффордансы», т. е. материально выраженные средства, предоставляющие пользователям возможность совершения некоторых действий

с объектом в коммуникативной среде [21]. Аффордансы выступают в качестве своего рода посредников между коммуникативными возможностями реципиента и свойствами семиотического объекта (в нашем случае – научной интернет-статьи). Поскольку аффордансы не являются элементами текста, а относятся к структуре контекста, то их использование часто является обязательным условием совершения определённых операций в отношении статьи.

В зависимости от коммуникативных возможностей, предоставляемых пользователю, можно выделить следующие аффордансы:

- средства изменения масштаба и модуса (печатный или аудиоформат) текста (рис. 7) и операторы перемещения между композиционными элементами текста (рис. 8), которые позволяют фокусироваться на элементах текста и модусах и определять последовательность их восприятия;
- кнопки разворачивания и сворачивания фрагментов текста, например, таблиц

Рис. 7. Пример использования средств изменения масштаба и модусов текста из журнала «Social semiotics». <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10350330.2022.2144203?src=>

Fig. 7. Example of using zoom tools and text modes from the journal "Social Semiotics". <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10350330.2022.2144203?src=>

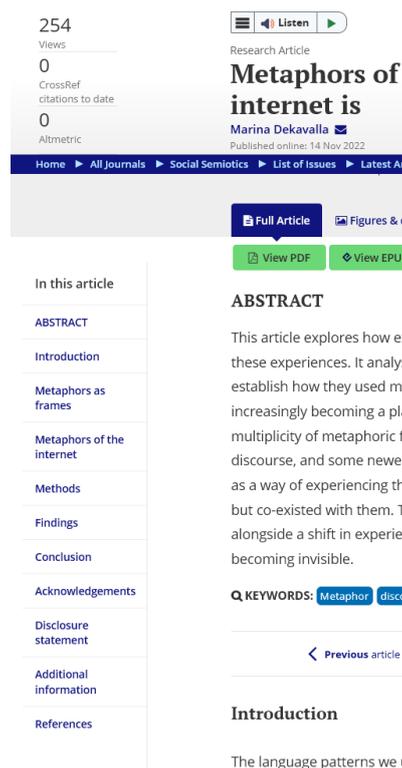

Рис. 8. Пример использования операторов перемещения между элементами статьи из журнала «Social semiotics». <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10350330.2022.2144203?src=>

Fig. 8. Example of using operators to move between text elements in the journal "Social Semiotics". <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10350330.2022.2144203?src=>

(рис. 9), внутритекстовые ссылки (рис. 10), реже – всплывающие комментарии и ниспадающие меню, которые позволяют получить дополнительную внутритекстовую информацию;

- внешние гиперссылки, тэги, ссылки на источники и другие статьи (рис. 11), поиск по ключевым словам (тэгам, предлагаемым сайтом к статье) на сайте журнала (рис. 12), ориентирующие реципиента на получение дополнительной внетекстовой информации.

Приведённые выше примеры свидетельствуют, что аффордансы обладают различным прагматическим потенциалом: элементы прокрутки или меню структуры статьи позволяют совершать традиционные операции в отношении научного текста в новой для него среде; операторы разворачивания элементов текста и внутритекстовых переходов дают возможность взаимодействовать с текстом в нетипичном для бумажного формата режиме; такие аффордансы, как поиск по тэгам или ключе-

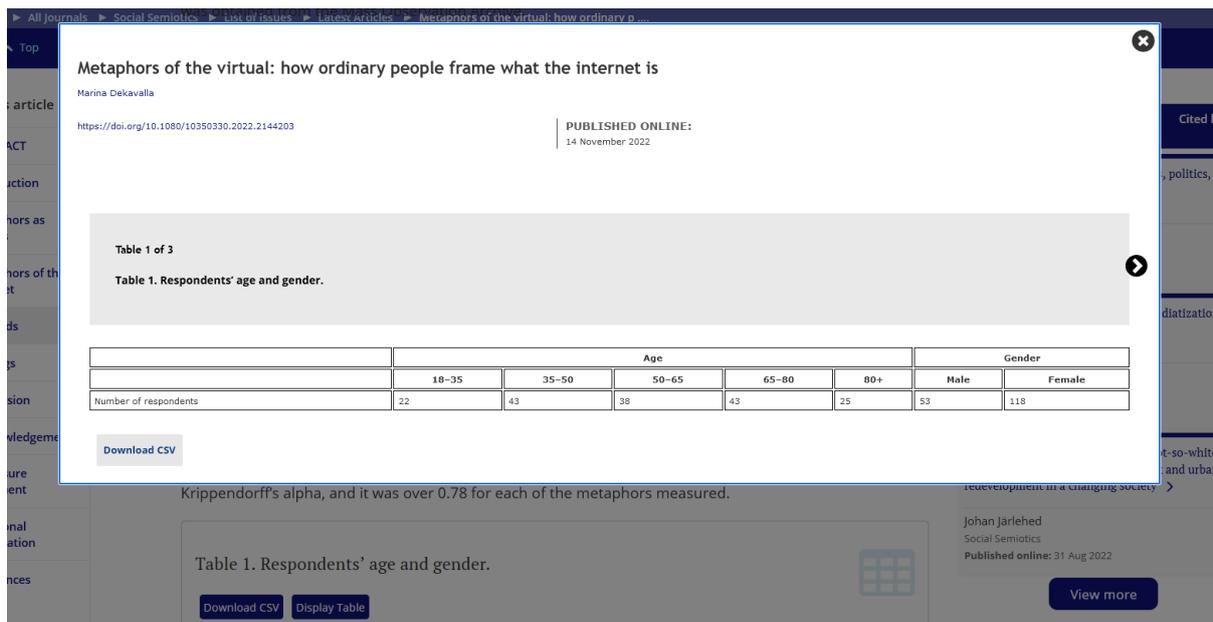

Рис. 9. Пример аффорданса разворачивания таблицы в статье из журнала «Social Semiotics». <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10350330.2022.2144203?src=>

Fig. 9. Example of an affordance for unfolding the table in the article in the journal “Social Semiotics” <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10350330.2022.2144203?src=>

- [33] William C. Hill, James D. Hollan, Dave Wroblewski, and Tim McCandless. 1992. Edit wear and read wear. In *Proceedings of the CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. ACM, 3–9. Navigate to ▾
- [34] Terje Hillesund. 2010. Digital reading spaces: How expert readers handle books, the Web and electronic paper. *First Monday* 15, 4 (April 2010). Navigate to ▾
- [35] Ken Hinckley, Xiaojun Bi, Michel Pahuon, and ... 2012. Informal Information Gathering Techniques for Active Reading. In *Proceedings of the CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. ACM, 1893–1896. Navigate to citation 1 Navigate to citation 2
- [36] Sture Holm. 1979. A Simple Sequentially Rejective Multiple Test Procedure. *Scandinavian Journal of Statistics* 6, 2 (1979), 65–70. Navigate to ▾
- [37] Jessica Hullman, Yea-Seul Kim, Francis Nguyen, Lauren Speers, and Maneesh Agrawala. 2018. Improving

Рис. 10. Пример внутритекстового перехода с сайта ACM Digital library <https://dl.acm.org/doi/fullHtml/10.1145/3411764.3445648#BibPLXBIB0030>

Fig. 10. Example of an inline transition on the site ACM Digital library <https://dl.acm.org/doi/fullHtml/10.1145/3411764.3445648#BibPLXBIB0030>

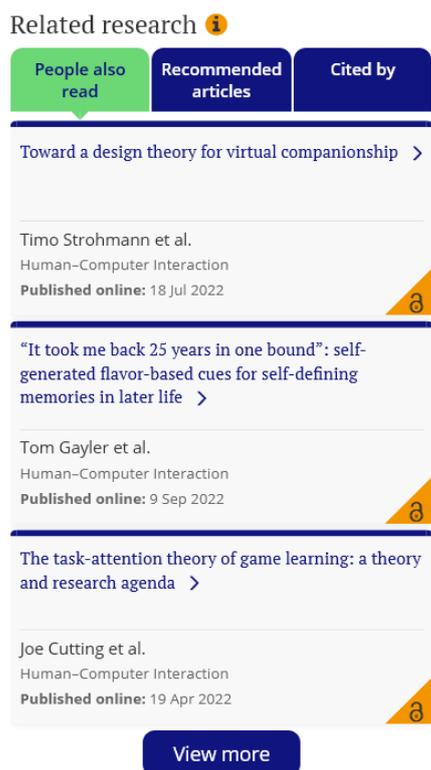

Рис. 11. Пример ссылок на тематически схожие статьи издания из журнала «Human–Computer Interaction».
<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07370024.2022.2103419?src=>

Fig. 11. Example of links to thematically similar articles in the journal “Human-Computer Interaction”
<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07370024.2022.2103419?src=>

вым словам, устанавливая связь с другими текстами, встраивая объект восприятия в более широкую дискурсивную сеть, связанную тематически или коммуникативно.

В совокупности аффордансы составляют своего рода «жанровую оболочку», инструментальный интерфейс, позволяющий читателю самостоятельно определять содержание действий и их последовательность в отношении текста.

Выводы

Научная статья, будучи размещённой в цифровой интернет-среде, претерпевает жанровые трансформации, касающиеся изменения как некоторых собственно жанровых признаков, так и формата взаимодействия с текстом.

Некоторые традиционно вербальные элементы статьи (аннотация, список литературы)

познаватель-
некорректно
ними разных
е 2014]. А. Г.
росветитель-
сжна учиты-
ийской науч-

ых периоди-
ипообразую-
лы поделены
ограниченно
. В свою оче-
гических жур-
но упомина-
арактеристи-
16]. Исследо-
нформацион-
й аудитории,
изация обще-

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

intertextuality journalistic style manipulation media communication media linguistics media speech metaphor persuasion phraseology PR review social media speech genre style stylistics the Russian language transformation СМИ дискурс дискурс-анализ жанр журналистика идиостиль комический эффект креолизованный текст лексика Массмедиа медиа Медиадискурс МЕДИАЛИНГВИСТИКА МЕДИАТЕКСТ метафора оценка политический дискурс речевой жанр русский язык социальные медиа социальные сети СТИЛИСТИКА стиль ТЕКСТ трансформация фразеология язык язык СМИ

Рис. 12. Пример поиска по ключевым словам в публикациях издания из журнала «Медиалингвистика». <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07370024.2022.2103419?src=>

Fig. 12. Example of a keyword search in publications in the journal “Media Linguistics”
<https://medialing.ru/istoricheskaya-informaciya-v-sovremennoj-rossijskoj-presse-yazyki-medijnoj-reprezentacii/>

при сохранении своей функции получают новые формы актуализации и трансляции смыслов, которые открывает цифровая среда. Параллельно с традиционной вербальной аннотацией появляется аннотация графическая, которая, однако, не выступает полным субститутотом аннотации в традиционной форме. Раздельные среды существования аннотаций двух типов (печать и онлайн) можно интерпретировать как ориентированные на разных реципиентов (менее и более адаптированных к интернет-коммуникации). Новые характеристики традиционных жанровых элементов научной статьи требуют новых навыков от ученых: авторам необходимы навыки трансляции смыслов в графической форме, как когнитивные, так и технические, а реципиенты должны быть готовы с дешифровке визуальной информации. В связи с неустоявшимися принципами организации визуальных аннотаций они демонстрируют значительную вариативность.

Технологический контекст научной интернет-статьи предоставляет реципиентам дополнительные возможности взаимодействия с текстом и его жанровыми элементами за счёт широкого использования аффордансов – материально-технологических ресурсов, стимулирующих совершение пользователем определённых операций в отношении текста. Эти семиотические средства не являются собственно жанровыми признаками статьи, однако существенным образом определяют характер и способ взаимодействия читателя с жанром, образуя материально-технологический микроконтекст статьи и её рецепции. Они не относятся к числу новейших атрибутов собственно текста в отличие, к примеру, от графической аннотации. В то же время содержание и характер таких действий, как и сама возможность их совершения, в значительной степени предопределены этим семиотическим инструментарием. Отметим, что аффордансы, являясь «посредниками» между

свойствами текста и возможностями читателя, активно используются в процедурах смысло-транслирования: с их помощью реципиент может самостоятельно выстраивать тематическую иерархию текстовых блоков, получать или отказываться от получения релевантной тексту информации, планировать последовательность и полноту восприятия информации.

Таким образом, научная статья, сохраняя свои традиционные жанровые признаки, тем не менее становится типичным интернет-объектом, в отношении которого совершаются те же действия, что и в отношении текстов других жанров в цифровой среде.

Следующим исследовательским этапом нам видится уточнение характеристик взаимодействия читателя с научной статьёй в Интернете и определение влияния новых жанровых признаков и аффордансов на восприятие и интерпретацию реципиентом содержания текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2008. 280 с.
2. Иванецкая Е. В. Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи // Язык и текст. 2016. Т. 3, № 2. С. 62–75.
3. Новикова Э. Ю. Лингвокультурная детерминация немецкоязычного научного лингвистического дискурса (жанр «научная статья») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2022. Т. 21, № 4. С. 87–98. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.6>
4. Попова Т. Г. Структура испанской научно-технической статьи как первичного жанра научного дискурса // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2004. № 1 (2). С. 108–115.
5. Doncheva-Navratilova O. Book review of Zapletalová, G. (2009) *Academic Discourse and the Genre of Research Article*, Univerzita Mateja Biela a Filozofická fakulta Ostravské univerzity, Banská Bystrica 2009. 234 p. // *Discourse and Interaction*. 2010. № 3 (1). P. 119–122.
6. Kowalski G. Claim-making and claim-challenging in English and Polish linguistic discourses. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. 366 p.
7. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. М. : КомКнига, 2005. 128 с.
8. Kuteeva M., Mauranen A. Digital academic discourse: Texts and contexts. Introduction // *Discourse, Context and Media*. 2018. Vol. 24. P. 1–7.
9. Harmon J. E., Gross A. G. The scientific article: From Galileo's new science to the human genome. 2002. URL: <https://fathom.lib.uchicago.edu/2/21701730/> (дата обращения: 25.01.2023).
10. Wallwork A. English for writing research papers. New York : Springer, 2011. 325 p.
11. Валгина Н. С. Теория текста. М. : Логос, 2003. 173 с.
12. Sword H. *Stylish academic writing*. Cambridge, Massachusetts & London : Harvard University Press, 2012. 220 p.
13. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский Дом ЯСК, 2022. 832 с.
14. Белоедова А. В., Кожемякин Е. А. Мульти-модальная коммуникация в фокусе исследовательской рефлексии: проблемно-ориентированный подход // *Критика и семиотика*. 2022. № 2. С. 54–70. <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2022-2-54-70>
15. Загидуллина М. В. Типология поликодовых единств в аспекте медиалогии // *Медиаскоп*. 2018. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2464> (дата обращения: 25.01.2023).
16. Дубровская Т. В. Мультимодальный анализ в жанроведении: семиотика туристического буклета // *Жанры речи*. 2022. Т. 17, № 4 (36). С. 250–261. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-250-261>
17. Кибрик А. А. Русский мультиканальный дискурс. Часть I. Постановка проблемы // *Психологический журнал*. 2018. Т. 39, № 1. С. 70–80.
18. Фёдорова О. В. Методика регистрации движений глаз «визуальный мир»: шанс для сближения психолингвистических традиций // *Вопросы языкознания*. 2008. № 6. С. 98–120.
19. Bateman J. A. *Multimodality and Genre. A foundation for the systemic analysis of multimodal documents*. New York : Palgrave Macmillan, 2008. 312 p.
20. Kozhemyakin E., Dubrovskaya T. Regulating social behaviour by multimodal public signs: Semiotic pragmatics of prohibition // *Multimodality, digitalization and cognitivity in communication and pedagogy* / eds. N. Sukhova, T. Dubrovskaya, Y. Lobina. Cham : Springer, 2021. P. 27–48.
21. Kress G. *Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication*. New York : Routledge, 2010. 212 p.

22. Multimodal studies: Exploring issues and domains / K. L. O'Halloran, B. A. Smith, eds. New York ; London : Routledge, 2012. Vol. 2. 292 p.

23. Мухина Ю. Н. Сенсорное своеобразие жанров // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 3 (35). С. 168–175. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-168-175>

24. Graphical abstract // Инструкция по подготовке графической аннотации на сайте издательства Elsevier. URL: <https://www.elsevier.com/authors/tools-and-resources/visual-abstract> (дата обращения: 25.01.2023).

REFERENCES

1. Kotyurova M. P., Bazhenova E. A. *Kultura nauch-boj rechi: tekst i ego redaktirovaniye* [Culture of scientific speech: Text and its editing]. Moscow, Flinta, Nauka, 2008. 280 p. (in Russian).

2. Ivanitskaja E. V. Transformation of scientific style in a changing communication environment. Specifics of a modern research article. *Language and Text*, 2016, vol. 3, no. 2, pp. 62–75 (in Russian).

3. Novikova E. Yu. Linguacultural determination of German scientific linguistic discourse in the genre “scientific article”. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 87–98. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4> (in Russian).

4. Popova T. G. The structure of a scientific article as a primary scientific discourse genre. *Bulletin of RUDN. Series Russian and foreign languages and teaching methodologies*, 2004, no. 1 (2), pp. 108–115 (in Russian).

5. Doncheva-Navratilova O. Book review of Zapletalová, G. (2009) *Academic Discourse and the Genre of Research Article*, Univerzita Mateja Biela a Filozofická fakulta Ostravské univerzity, Banská Bystrica 2009. 234 p. *Discourse and Interaction*, 2010, no. 3 (1), pp. 119–122.

6. Kowalski G. *Claim-making and claim-challenging in English and Polish linguistic discourses*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2015. 366 p.

7. Chernyavskaya V. E. *Interpretatsiya nauchnogo teksta* [Interpreting a scientific text]. Moscow, KomKniga, 2005. 128 p. (in Russian).

8. Kuteeva M., Mauranen A. Digital academic discourse: Texts and contexts. Introduction. *Discourse, Context and Media*, 2018, vol. 24, pp. 1–7.

9. Harmon J. E., Gross A. G. *The scientific article: From Galileo's new science to the human genome*. 2002. Available at: <https://fathom.lib.uchicago.edu/2/21701730/> (accessed January 25, 2023).

10. Wallwork A. *English for writing research papers*. New York, Springer, 2011. 325 p.

11. Valgina N. S. *Teorija teksta* [Theory of text]. Moscow, Logos, 2003. 173 p. (in Russian).

12. Sword H. *Stylish academic writing*. Cambridge, Massachusetts & London, Harvard University Press, 2012. 220 p.

13. Balashova L. V., Demytyev V. V. *Russkie rechevye zhanry* [Russian speech genres]. Moscow, Publishing House JaSK, 2022. 832 p.

14. Beloedova A. V., Kozhemyakin E. A. Multimodal communication in the focus of research thinking: A problem-oriented approach. *Critics and Semiotics*, 2022, no. 2, pp. 54–70 (in Russian).

15. Zagidullina M. V. Typology of polycodal units in terms of medialogics. *Mediascope*, 2018, no. 18. Available at: <http://www.mediascope.ru/2464> (accessed January 25, 2023) (in Russian).

16. Dubrovskaya T. V. Multimodal analysis in genre studies: Semiotics of the tourist booklet. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 4 (36), pp. 250–261 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-4-36-250-261>

17. Kibrik A. A. Russian multimodal discourse. Part I. Posing a problem. *Psychological Journal*, 2018, vol. 39, no. 1, pp. 70–80 (in Russian).

18. Fjodorova O. V. Technique for eye-tracking “visual world”: An opportunity for a rapport between psycholinguistic theories. *Issues in Linguistics*, 2008, no. 6, pp. 98–120 (in Russian).

19. Bateman J. A. *Multimodality and Genre. A foundation for the systemic analysis of multimodal documents*. New York, Palgrave Macmillan, 2008. 312 p.

20. Kozhemyakin E., Dubrovskaya T. Regulating social behaviour by multimodal public signs: Semiotic pragmatics of prohibition. In: Sukhova N., Dubrovskaya T., Lobina Y., eds. *Multimodality, digitalization and cognitivity in communication and pedagogy*. Cham, Springer, 2021, pp. 27–48.

21. Kress G. *Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication*. New York, Routledge, 2010. 212 p.

22. O'Halloran K. L., Smith B. A., eds. *Multimodal studies: Exploring issues and domains*. New York, London, Routledge, 2012, vol. 2. 292 p.

23. Mukhina Yu. N. Sensory peculiarities of genres. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 3 (35), pp. 168–175 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-168-175>

24. Graphical abstract. *Instruction on preparation of a graphical abstract on Elsevier website*. Available at: <https://www.elsevier.com/authors/tools-and-resources/visual-abstract> (accessed January 25, 2023).

Поступила в редакцию 28.01.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 13.03.2023
The article was submitted 28.01.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 13.03.2023

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 79–89

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 79–89

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-79-89>, EDN: ETEOVH

Научная статья

УДК 81'27'42:004.738.5

Читательский комментарий как речевой жанр современной российской блогосферы

В. И. Карасик

¹Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Россия, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

²Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, ¹профессор кафедры общего и русского языкознания, ²профессор кафедры русского языка как иностранного, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Аннотация. Рассматриваются читательские комментарии в современной российской блогосфере, представляющие собой особый жанр общения. Проанализированы комментарии к публикациям, посвященным актуальным социальным проблемам, историческим фактам, литературным сюжетам, вопросам экологии и технического прогресса. Основные результаты: установлено, что конститутивным признаком читательского интернет-комментария является поддержание общения с заинтересованными собеседниками. В ходе такого общения имеют место уточнение информации, ее оценочная квалификация и самовыражение. Реакции читателей в основном сводятся к оценке фактуального содержания материала, поддержке либо критике блогера и демонстрации своего Я. Разговор ведется, как правило, на сокращенной коммуникативной дистанции. Вместе с тем в уточнении информации прослеживается профессиональная эрудиция комментаторов. Показано, что при обсуждении фактуального содержания блогов читатели демонстрируют свою заинтересованность темой, в самовыражении доминирует ироническая тональность.

Ключевые слова: блог, читательский комментарий, речевой жанр, оценочная квалификация, самовыражение

Для цитирования: Карасик В. И. Читательский комментарий как речевой жанр современной российской блогосферы // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 79–89. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-79-89>, EDN: ETEOVH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Reader's comment as a genre of the modern Russian blog sphere

V. I. Karasik

¹Pushkin State Russian Language Institute, 6 Ac. Volgin St., Moscow 117485, Russia

²Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Vladimir I. Karasik, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Abstract. The paper deals with reader comments to blogs in Runet treated as a speech genre. The relevance of the topic lies in the fact that blogging is a common practice of public discussion concerning vital or interesting problems of present day life in Russia. The topics analyzed include social problems, historical issues, literature, ecology and technological progress. The aim of the article is to describe the types of comments to blogs. The constitutive impetus of the comments is the desire to keep free intercommunication with people who share the common interest. The commentators specify and correct the information, show their attitude to it and exercise their self-expression. Their reactions are mainly evaluating the facts reported in the blog, supporting or criticizing the blogger and demonstrating their Ego. The communicative distance usually corresponds to a colloquial mode of speech. However, the comments show that their authors often keep a professional level of knowledge of the facts spoken about. They demonstrate their interest when discussing the facts and various shades of irony when characterizing themselves.

Keywords: blog, reader's comment, speech genre, evaluation, self-expression

For citation: Karasik V. I. Reader's comment as a genre of the modern Russian blog sphere. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 79–89 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-79-89>, EDN: ETEOBH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Комментарий представляет собой вербальную реакцию на некоторое положение дел или некоторый текст. Различные типы комментариев неоднократно привлекали к себе внимание исследователей [1–9]. Комментарии как отклики на предшествующие речевые произведения рассматриваются в качестве вторичных текстов, сюда относятся рецензии, обзоры, рефераты, пародии и т. д. [10–15]. Представляется, что читательский интернет-комментарий образует особый речевой жанр в русской лингвокультуре, системно связанный с новыми сферами общения [16]. Специфика этих жанров привлекала к себе внимание исследователей [17–22].

Можно классифицировать комментарии на основании разных критериев. Тематически выделяются обиходные, научные, теологические, политические, педагогические, медийные и другие комментарии. По интенции комментатора противопоставляются комментарии, развивающие тему общения, уточняющие ее, выражающие согласие либо несогласие с собеседником (в сетевом дискурсе такие оценки редуцировались до иконических знаков). По отношению к содержанию того, о чем идет речь, в поле нашего зрения оказываются различные аспекты подачи сообщаемой информации: установление предмета речи (презентация), обсуждение его причинно-следственных характеристик (контекстуализация), выражение оценочной позиции по отношению к нему (квалификация). В данной работе рассматриваются читательские комментарии в российской блогосфере. Материалом для анализа послужили такие тексты, размещенные в Рунете.

Типы читательских комментариев в российской блогосфере

Обсуждение социальных проблем

Видный деятель современной российской культуры и популярный блогер Николай Цискаридзе в статье «Когда вам исполняется 60 лет – до свидания! Вы не можете больше работать педагогом» (zen.yandex.ru, 11.06.2022) высказывает свое мнение о предельном возрасте театральных педагогов. Он ссылается на опыт французских театров: в «Парижской опере» артист должен покинуть сцену в 42 года, театральные педагоги уходят

в 60 лет. Это закреплено юридически. Подтекст этого сообщения ясен: пожилые актеры и в нашей стране должны уступать место молодежи. Известно, что в военной и административной сферах во многих странах есть установленные возрастные нормы. Приведу цитату:

«Почему я так говорю, потому что когда ты служишь, и тебя выгоняют, допустим, в тридцать восемь, а кто-то в этот момент в пятьдесят “ползает по сцене”, но он просто очень дружит с дирекцией и согласен на все, подписывает любые документы, хотя давно находится не в форме. Это все порождает слухи, интриги, гадости... Потому, наверное, пока у нас (а к сожалению, “умом Россию не понять”) не появятся в конце концов какие-то законы в области искусства, будет вот такое. Это я вам как юрист уже говорю».

Эта публикация вызвала 262 комментария.

Некоторые читатели поддержали автора:

В. Н. О, как прав Цискаридзе... умный человек.

О. А. И не только в искусстве.

И.: Талант ум, эрудиция, человечность, душевная простота, высота нравственности – далеко не все качества и эпитеты, которыми можно определить этого человека, БОЛЬШОГО человека во всех смыслах. Конечно, я говорю о Цискаридзе. ... Открытый взгляд, открытая душа. С удовольствием читаю его заметки... темы разные, разные люди, и его личное отношение к происходящему. Спасибо, Николай!

М. В.: Как интересно! ... Хотя меньше интриг от этого не становится, наверное. Жаль, что в театральном мире большинство живет по принципу «падающего подтолкни»... Почему в мире театра-кино столько подлости и грязи? Спасибо за статью, Николай!

А. В.: Очень ценная, правильная и полезная и для нас информация от Николая! От себя могу добавить, что в области научной работы во Франции (а я там проработал в качестве приглашенного научного работника и профессора в одном из институтов более четырех лет в общей сложности), тоже есть аналогичное установление: в 67 лет ты обязан освободить место и уйти на пенсию, какими бы заслугами ни обладал.

Отметим, что в откликах читателей можно увидеть выражение поддержки содержания публикации, симпатии автору и развития темы.

Многие отклики являются критическими.

Т.: И в 60, и в 70 лет есть специалисты с огромным опытом. Очень жаль таких людей убирать из профессии. Все решается индивидуально. Кто-то в 30 лет работает кое-как, а кто-то в 70 лет показывает мастер-класс.

Ю. П.: Надеюсь, это относится только к балету?! Драматическое искусство и кино знает много примеров, когда актёр под 80 играет великолепно: Дмитриев, Стрельчик, Смоктуновский и ещё многие. Марк Рейзен под 90 дивно пел арию князя Гремона: молодые сейчас так не могут. Елена Образцова – партию Пиковой дамы – старой графини. (Можно кликнуть в инете и послушать!) Конечно, нужно понимать, в каких ролях по возрасту ты не будешь смешон: это уже личная культура. А личную культуру можно ли регламентировать?!

О. И.: Это что же, Уланову в 60 лет тоже надо было выгонять на пенсию? Да неправильно всё это! Это то же самое, как, например, поэту запретить писать стихи после 60-ти. Все люди устроены очень индивидуально, у иных, может быть, и талант открывается после 60-ти! А тем более, искусство преподавания.

Т. К.: Это бред, в 60 лет люди разные. В наш спортзал ходил В. Е. Пивоваров, ему было за 60, а мог такое сделать, что не каждый мужчина моложе его и на 10, и на 20 лет сделает.

Основной аргумент критиков сводится к тезису о том, что есть много примеров успешной работы артистов солидного возраста, и к этому вопросу нужно подходить с учетом индивидуальных характеристик личности.

Комментаторы существенным образом развивают тему.

Р.: Сколько было великим Семёновой, Улановой, Пестову и Григоровичу, когда вы попали под их крыло? У нас не Франция, и слава богу, что такие люди не выбрасываются вон по достижению какой бы то ни было нелепой формальности. Сменяемость поколений и дорогу молодым надобно производить не варварским методом, а расширением поля деятельности молодых, чтобы у них была реальная сфера применения, возможность для движения вперёд, для экспериментов, поисков и открытий.

М. П.: Да дело же не в том, что люди не хотят на пенсию, а в том, что на эту пенсию прожить пожилому человеку невозможно, это же нищета! Вот и сидят старики

на своих местах ... кстати, сидят не только в театрах...

А. В.: К сожалению, это все индивидуально. Кто-то и в 60 уже не может работать педагогом, а кто-то и в 75 как огурчик. Уланова когда перестала преподавать? Она не справлялась? Вы же в т.ч. и у нее учились. Год назад на нашей кафедре уволили педагога 75 лет. Один из лучших преподавателей кафедры. Тянувший на себе огромную нагрузку. Взяли 40-летнюю даму из региона. Которая через полгода сбежала обратно. Потому как вкалывать надо. Что в итоге? Нет а) замечательного педагога, б) нет преподавателя в принципе, а ее нагрузку всю весну тащила на себе кафедра.

О. В.: Европейцы больше тысячи лет живут в логике – закон суров, но это ЗАКОН. А в России законы к исполнению не обязательны. Так что даже всё это будет регламентировано законодательно, вряд ли будет так же, как в Парижской опере. А уж интриги точно никуда не денутся, увы.

Т. Л.: Всякая медаль имеет свою оборотную сторону. Поэтому, прежде чем вводить французскую систему, надо посмотреть не только на ее преимущества, но и на ее недостатки. Но про недостатки вы не говорите ничего.

Комментаторы развивают тему в следующих направлениях: нужно гармонично сочетать возможности людей разного возраста, пожилые люди продолжают работать из-за маленькой пенсии, примеры замены пожилых и опытных работников на молодежь бывают неудачными (показательная сфера высшей школы), законодательная сфера в нашей стране нуждается в совершенствовании, нормы поведения в других странах могут нам не подойти. Мы видим, что эти комментарии являются расширением проблемы и закономерно переходят в социальную сферу.

Комментаторы ведут диалог друг с другом, отойдя от исходной темы.

Н.: Люди искусства, в большинстве своём, считают себя талантливей других и особо остро переживают порой даже не собственные неудачи, а успех своих коллег. Но актерская профессия в принципе предполагает, что человек должен быть тщеславен, только тогда он может стать Великим Артистом. Артист должен стремиться сыграть главную роль, исполнить главную партию, к сожалению, не всегда это получается за счёт таланта, порой в ход идут интриги, «клубок целующихся змей» – это, как правило, творческие коллективы.

К. Р.: Разве только в театре и кино подлость и грязь? В школах этого больше, поскольку привлекаются ученики. Посмотри-

те канал «Учительский гамбит» – с каким упоением всю школьную гадость показывает автор. Он просто рекламирует, как плохо надо относиться к учителям. Посмотрев его картинку, где на голову учителя ученик надевает мусорку (эту картинка демонстрируется постоянно), или в учителя запускаются тяжелые гантели и прочее, ученики обязательно захотят поэкспериментировать. А чем еще заняться в такой школе, где «работает» автор?

Е. С.: Я бы в 60 и в школе работать запретила – уж очень колоссальная разница между поколениями. Полное отсутствие взаимопонимания.

К. Ч.: Игорь Пальчицкий, любой завод тоже живой организм, который ведет свою особую и довольно сложную жизнь.)))

И. П.: Катерина Ч., и что вы хотите? Приравнять завод к театру? Мысль не нова, большевики в 17 году очень хотели это сделать, НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ!!!

Характерная особенность подобных комментариев – акцентирование своего мнения и самовыражение. Заметим, что в приведенном большом разговоре много преподавателей. Четко прослеживается различие в оценочной позиции пожилых людей и тех, кто считает, что относится к молодым.

Обсуждение исторических событий

Различные исторические события, о которых пишут блогеры, вызывают интерес у наших современников. В публикации Ники Марш «Княжну в волну: кого бросал Стенька Разин» (<https://zen.yandex.ru>, 15.08.2022) идет речь об известном поступке казачьего атамана, который, как считается, бросил в Волгу персидскую княжну. Об этом сложена ставшая народной песня, написанная русским поэтом Дмитрием Садовниковым во второй половине XIX в. Историческая основа этой песни такова. В июле 1669 г. в Каспийском море произошло сражение между флотом восставших российских казаков под предводительством Степана Разина и персидской флотилией, которой командовал Мамед-хан. Его сын и дочь попали в плен. Девушка была очень красивой. Она якобы стала наложницей атамана. Блогер пишет: «Есть основание считать, что красавица-пленница – это всего лишь плод воображения. Придумали ее для красного словца, и прижилось. С другой стороны – у многих невероятных историй бывает реальная подоплека. Так что вполне могла оказаться у казачьего атамана пленная персиянка. А вот про волну добавили его недруги, чтобы придать образу больше кровожадности».

Эта публикация вызвала 189 комментариев.

Первый тип откликов носит характер примечаний. Автор блога делает ссылку на источники:

Н. М. : И. Н. Розанов. «От книги в фольклор. Какие стихи становятся популярной песней», Д. Н. Садовников. «Загадки русского народа», В. Н. Королев «Утопил ли Стенька Разин княжну?».

Читатели уточняют:

А. С.: Я родом с Нижнего Поволжья, и у нас до сих пор любят истории и легенды о Стеньке Разине. Мест, где Разин «вот прям точно, вот в эту волну» кинул княжну, по области штук двадцать, если не больше), а ещё почти в каждой балке, буквально под каждым кустом, зарыто по кладу.

О. С.: Читала в каком-то художественном произведении (что, конечно может быть домыслом автора) версию, что сына и дочь главнокомандующего Степан Разин держал для обмена на захваченных им казаков и вроде даже велись переговоры об обмене. И девушка не причиняли никакого урона, иначе бы она потеряла бы ценность в качестве объекта обмена. Но потом до разинского войска добрался сбежавший из плена казак и сказал, что все пленные казнены. И именно поэтому Разин велел утопить персидских пленных (в том числе и княжну), несмотря на то, что за них можно было бы получить выкуп. Почему сын военачальника остался жив, – не помню.

К. Т.: Думаю, девушка все же была. Может, и не княжна, но из гарема богатого и знатного человека (богатые одежды, красота и т. п.). И хмельной Разин вполне мог бросить её в воду – мол, еще добудем. Реакция атамана на обвинения так впечатлила ватагу, что они потом всем об этом рассказывали.

Комментаторы допускают, что факт имел место, добавляя всякие детали. Есть и другие мнения:

С. Я.: История вымысел, конечно. Откуда взялась княжна. Скорее всего, просто дочь какого-то зажиточного купца. Про утопление, тоже много вопросов. Версия в песне не убедительна. Если княжна, то какой смысл её топить, могли обменять, продать, но зачем убивать красивую девушку. Всё-таки дураком Разин не был.

С. А.: А зачем персидский хан брал с собой в военный поход дочь? Ведь Разин не захватил их селение, где могли быть мирные жители, а сражался с кораблями. Откуда там вообще могла быть дочь?

Т. И.: Все эти подвиги атамана – плод народной фантазии. Ни один благоразумный

перс или воевода никогда не возьмет в поход незамужнюю дочь, тем более замужнюю. Сына еще никуда ни шло, но девичьего роду, да еще в сражения, это неслыханная гордыня, за что может и наказал Господь перса. Во все средние века велась охота на принцесс и знатных девиц. А Стенька Разин скорей всего кинул княжну в Волгу, потому что персидский князь отказал притязаниями Стеньки на наследство девицы.

Обратим внимание на то, что этическая сторона поступка народного героя не обсуждается. Но высказаны и критические суждения.

Г. П.: Была эта княжна или нет, но то, что женщины, дети, старики были заложниками всех войн, битв, междоусобиц, это точно.

Г. Л.: Как прекрасно проиллюстрирован этот небольшой, но наполненный и трагедией, и загадкой рассказ. Было – не было, кто знает, легенда – на то и легенда, чтобы будоражить фантазию. Дядька был лихой разбойник, но вот поди ж ты, нет у народа к нему ненависти, и даже такое страшное действие, как утопление невинной прекрасной княжны, вроде как и оправдывается. Мол, дружба мужская превыше всего.

В. Ш.: Я склонен верить легенде. Любый «атаман» держится на своей крутости и беспощадности. Ему важно время от времени показывать окружению – как он крут и как плохи с ним шутки. Да и порисоваться перед сотоварищами безжалостностью и лихостью тоже нужно. Ропотом за спиной пренебрегать самоубийственно. Думаю, Разин бросил княжну с ужасом в сердце от того, что делал. Но бросил. И в этом проявилась не сила его, а слабость.

И. В.: Стеньку Разина как героя я воспринимал разве что в детстве. Когда повзрослел, понял, что он, конечно, храбрый воин и умелый воjak, но в первую очередь этот «герой» – совершенно отмороженный душегуб, до крайности алчный и тщеславный.

Комментаторы осуждают поступок героя, независимо от того, что это может быть вымыслом. При этом развитие темы принимает иное направление:

Л. М.: Для меня ещё в детстве мораль истории была очевидна: плавать надо уметь хорошо. Очень хорошо! И нырять тоже!

О. Б.: Моя бабушка-астраханка всегда говорила, что доплыть до берега с середины Волги – плевое дело и добавляла – «учись плавать, видишь, как с княжной вышло-то».

И. Б.: То ли девушка, а то ли виденье...

С. Н.: «Степан с испугом замечает что так и не достигнув дна за лодкой чешет баттерфляем княжна».

Читатели превращают этот сюжет в развлекательную беседу с элементами черного юмора. Обратим внимание на две реплики: цитату из современной популярной песни и ироничное четверостишие в жанре «интернет-пирожка». Таким образом, можно заметить, что различные комментарии уточняют фактуальную сторону текста, выражают оценку этого сюжета или касаются его как повода для ироничного самовыражения.

Обсуждение литературных сюжетов

Особую значимость приобретают исторические сюжеты, ставшие темой известных литературных произведений. Блогер, выступающий под развернутым ником «Любитель истории и историй», опубликовал интересный материал о жизни английского короля Ричарда III под названием «Горбатый и злобный великий злодей или Ричард III, оболганный и оклеветанный» (<https://zen.yandex.ru/media/13.06.2022>). Этот персонаж, выведенный в известной хронике У. Шекспира, действительно воспринимается как воплощение зла. Действие происходит в Англии во время войны Алой и Белой роз (Ланкастеры и Йорки). В кровавой войне между двумя ветвями династии Плантагенетов совершаются страшные преступления. И концентрированным воплощением этих преступлений становится Ричард Глостер, уродливый горбун, ставший последним королем от дома Йорков. Блогер приводит исторические сведения, свидетельствующие о том, что великий английский драматург существенным образом отошел от исторических данных, опираясь на свидетельства Томаса Мора, создателя «Утопии», казненного в эту эпоху:

Сразу надо сказать, что он отнюдь не был горбатым уродом. Погребение Ричарда найдено, обследовано и восстановлена внешность. (приводится фото реконструкции лица Ричарда III, сделанной судебно-медицинским отделом Университета Данди с использованием сканирования его черепа). Как можно увидеть, вполне обычная внешность и никакого горба у него не было. Правда, был сильный сколиоз, но это максимум сутулость. Да и росту он был вполне приличного по тем временам – 173 см. Генриха Ланкастера Ричард тоже не мог убить, просто потому, что в момент его смерти находился далеко от Лондона. Да и обстоятельства смерти этого отставного короля неизвестны вообще. Вполне вероятно, что он умер своей смертью. ... Надо сказать, что Ричард III был хорошим правителем. Он пробыл у власти всего три года, но успел сделать много полезного. Провел несколько серьезных и эффективных экономических

реформ и экономика страны начала выправляться после многолетней разрухи. Однако случился очередной виток гражданской войны и король Ричард погиб на поле боя. К власти пришла совершенно новая династия валлийского происхождения – Тюдоры. ... Велика сила искусства, которое может превратить клевету и пропаганду в истину для будущих поколений. Правда, для этого нужен гений уровня Шекспира.

Эта публикация вызвала 90 комментариев.

Во многих откликах читатели высоко оценивают эту публикацию и делают некоторые уточнения:

М. В.: Хорошая статья. Ещё добавить, что он был очень искусным воином, прекрасно владевшим разным вооружением, а на мечах, по крайней мере, в Англии, ему мало кто мог противостоять. Он был прекрасным наездником, прекрасно управлявшим боевым конем, отлично бился и в пешем строю. Но, к сожалению, в историю он вошёл под проклятым именем Ричарда III Глостера.

Р. Р.: Спасибо большое за интересную статью! В сериале «Белая принцесса» вину возложили на Маргарет Тюдор (мать Генриха 7-ого; еще та матриарх ...), по заказу которой и убили детей. В сериале «Испанская принцесса» мне очень понравилось, как ее сыграла актриса. Вероятно, дама была еще та Маргарет Тэтчер своего времени, даже круче.

М. Б.: Отличная статья! Сколько же темных пятен в истории, жаль о многом мы уже не узнаем.

Эти комментарии свидетельствуют о неподдельном интересе наших соотечественников к мировой истории, об их начитанности и эрудиции и о привязке содержания публикации к проблемам сегодняшнего времени.

Комментаторы проводят исторические параллели между Ричардом III, Иваном Грозным и Сталиным:

Ф. М.: Что то похожее и с нашим Иваном Грозным. Оболган и оклеветан. Статья интересная.

О. О.: Может и неудачно, но я часто провожу аналогию между очернением Ричарда III новой пришедшей к власти династии бастардов Тюдоров в том неприглядном свете, в котором в правление Романовых (эти даже Рюриковичам по крови и байстрюками не приходились) представлялся в истории Борис Годунов, да и самому Ивану Грозному приписали кучу грехов, лизоблюд Карамзин здорово постарался. Историю пишут победители, поэтому некоторые вещи надо просто анализировать, чтобы понять кому и что выгодно.

Н. М.: А Сталин тоже всех убил и репрессировал, выезжая из Кремля на боевом тренажере. Историка это политика, опрокинутая в прошлое.

Т.: История – дочь времени. Этот афоризм лёг в основу детектива Джозефины Тэй о судьбе всех Плантагенетов, оставшихся в живых после гибели Ричарда. Очень советую, простыми словами и увлекательно. Несколько уточнений. Томас Мор не писал о Ричарде. Писал архиепископ Илийский Джон Мортон, именно копию статьи этого «доброжелателя» нашли в бумагах Мора и приписали авторство ему. Самому Томасу Морю на момент смерти Ричарда было 8 лет. За что Джон Мортон так ненавидел короля, мы уже никогда, наверное, не узнаем, но он продолжал распускать слухи о нем при всех дворах, где ему случалось быть, и именно переписанный учеником пасквиль использовал и «усилил черноту в нем» Шекспир.

Читатели критически оценивают роль историков, исказивших по политическим мотивам реальное положение вещей. Есть все основания для того, чтобы сделать вывод о жанровом статусе подобных публикаций: они пишутся для общения с людьми, разделяющими интерес к определенным знаниям. Это своего рода клуб любителей чтения, при этом многие из комментаторов достаточно профессионально владеют предметом.

Отдельное направление в обсуждении этой статьи – это характеристика Шекспира:

Ю. Б.: Я смотрел многосерийный фильм BBC по пьесам Шекспира – Ричард 2, Генрих 4, Генрих 5, Генрих 6, Ричард 3. Потом прочитал реальную историю этих королей и пришёл к выводу, что великого Вильяма нашего Шекспира можно спокойно привлечь к суду за чудовищные искажения и извращения истории. Врал как дышал в угоду власти имущим в то время. Так что переписывание и искажение истории это не современное изобретение, вся история написана в чью-то пользу.

В.: Историю пишут победители. А Тюдорам ещё и повезло, что о Ричарде написал Шекспир. Гениальное художественное произведение гораздо сильнее действует на людей, чем историческая правда. Так многие верят, что Сальери отравил Моцарта.

А.: А ещё говорят, что и за Шекспира кто-то писал... Как обычно до нас доходит лишь часть истины.

Т. Ш.: Шекспиру нельзя доверять – с точки зрения исторической правды, его произведения фантастика и беллетристика... Ходят даже слухи что именно Ланкастеры «спонсировали» Шекспира и на их деньги были написаны «исторические» произведения.

Т. Г.: Так про самого Шекспира тоже много слухов ходит. И не факт, что он не вымышленный персонаж, а тем более гений.

Мы видим, что некоторые читатели не видят разницы между документальным и художественным текстами, критически оценивают драматурга, хотя и в ряде случаев отмечают его гениальность.

В некоторых откликах мы видим выводы политического характера:

К. Т.: Англия во всей красе. Потомки угольников и извращенцев.

А. М.: Клеветать – вот сущность Британии.

У читателей есть предубеждения по отношению к Англии.

Этот сюжет, как можно заметить, заинтересовал тех, кто любит историю, воспринимает исторические факты в художественной обработке, критически оценивает ее и свободно выражает личное отношение к науке и искусству.

Обсуждение проблем экологии

Вопросы экологии также находятся в центре внимания наших современников. Блогер, пишущий под ником «Голландец в России», разместил в Интернете видеоматериал «Опасность в Волге, масштабы которой видны только с дрона» (<https://zen.yandex.ru/video/watch, 11.08.2022>). Автор пишет: «Я решил полетать над Волгой на дроне, и когда поднял его, то увидел то, что не видно с земли: большой зелёный поток, который не имел начала. Это цианобактерии, сине-зелёные водоросли, которые наносят вред речному миру. Самое грустное – в этом частично человек виноват». Блогер отмечает, что такие водоросли развиваются в теплое время года, препятствуют проникновению солнечного света, в результате чего снижается уровень кислорода в воде, гибнет рыба и вместе с ней те птицы, которые ей питаются. Кроме того, эти водоросли выделяют токсины, опасные и для человека. Другой причиной их возникновения является большое количество сточных вод и фосфатов, которые содержатся в моющих средствах.

Сюжет привлек внимание 45 комментаторов. Читатели выразили свое отношение к этой проблеме:

Н. Т.: У нас в Волгоградской области в начале августа при высокой температуре вода в реках и прудах всегда «цветёт» сине-зелёными водорослями. Числу к 20-му «цветение» закончится. В детстве (лет сорок назад) в деревне ездили на великах купаться на пруд, вокруг которого на 5 км никто не жил и стоки не сливал. И всегда в начале августа вода в нём «цветела». И в пруду были

и раки и краснопёрка, которые живут только в чистой воде. А что касается очистных сооружений и бережного отношения к природе, то тут нет никаких вопросов. Это должно быть безотносительно к теме сине-зелёных водорослей...

О. Г.: Лучше пусть будут водоросли, чем пена высотой в полметра как в реках Индии. И потом, есть такой город Астрахань – столица речного рыболовства всего мира. Так вот, там по берегам, везде, т. е. повсеместно растут лотосы, и это не год назад, а прямо сейчас, сегодня, вчера, а это растение, которое требует исключительных условий чистоты. Так что, как видим, река Волга в своём стоке очень чистая, несмотря на все загрязнения верх по течению. Будем надеяться, что энергия самоочищения Волги сохранится ещё многие столетия.

Е.: Сколько себя помню, Волга всегда цвела, и другие реки тоже. Это явление не имеет отношения к загрязнению, просто природное явление. Оно и в чистых реках наблюдается. Стоит чуть повыше подняться температуре или воде начать застаиваться – всё тут же зеленеет.

П. П.: Причём тут человек? Это обычное природное явление. Надо было ещё пластик упомянуть и глобальное потепление климата, в довесок, а то как-то слезу не вышибает))

Первый тип реакции читателей – сдержанная критика в адрес автора. Комментаторы полагают, что угрозы для окружающей среды эти водоросли не представляют.

Вместе с тем в откликах проявляется обеспокоенность по поводу защиты нашей окружающей среды:

Е. Ч.: Главная проблема гипертрофикации (чрезмерного кормления водорослей фосфатами) – неправильная агротехника на полях поблизости. Удобрения вносят в почву не вовремя, слишком много, не запахивают, не растворяют. В результате – все сносится дождями в воду. С дрона видно, что поля поблизости от воды.

Н. С.: Чтобы люди озаботились проблемами экологии, нужно их просвещать, рассказывать. У нас сейчас эта повестка вообще нигде и никак не присутствует. Где экологические организации? Они в первую очередь должны вести работу с населением.

И. В.: Лет 50 назад вода в Волге была чистая, прозрачная. В ней водились ценные виды рыб, такие как белуга, осетр, стерлядь. И что сейчас – Волга отравлена химикатами и сточными водами. Ценные рыбы исчезли, а те, что еще выживают, нельзя есть. Великая река гибнет, превращается в болото из

за построенных ГЭС. Мы сами себя уничтожаем. Что оставим своим потомкам?

Н. Г.: Печально, надо почаще поднимать эту тему, может, что и сдвинется с мёртвой точки.

Читатели поддерживают автора и вносят уточнения в исходный текст. Обратим внимание на участие профессионалов в обсуждении этой проблемы.

В откликах наблюдается и развитие темы.

Д. В.: В 90-х кто-то поджёг р. Оку в районе центрального городского рынка и вода горела. Туда сливали какой-то бензин. Уж лучше водоросли, чем бензин.)))

В. З.: Ну всё, переходим на старое, доброе, вонючее хозяйственное мыло!)))

М. О.: Очень красиво выглядит.

В. Д.: Думаете, наши предки заморачивались экологией?) Эльбрус хотели взорвать, страну щебнем снабдить... Реки вспять повернуть, чтобы в Якутии арбузы выращивать... Солнце старое потушим, солнце новое зажжем...

Этот тип комментариев представляет собой ироничное самовыражение участников общения. К теме обсуждения приведенные реплики относятся отдаленно.

Обсуждение развития человечества

Предсказание будущего всегда волнует людей, и поэтому такие темы привлекают к себе внимание завсегдатаев интернет-блогов. В статье блогера, выступающего под ником «Константин Двинский» и озаглавленной «Признание глобалистов. Человечество будет разделено на два биологических вида» (<https://zen.yandex.ru/media/dvinsky>, 20.08.2022), речь идет о противостоянии глобалистов и остальных человечества. Автор утверждает, что возможности современной генной инженерии способны дать самым богатым людям то, о чем мечтали с незапамятных времен:

«Глобалисты намерены изменить природную сущность человека. Это их главная цель. Возникла она по банальной причине. Исходя из маниакального желания продлить себе жизнь или, даже, обрести бессмертие. ... Если новые технологии будут доступны только богатым или только людям из определенной страны, тогда homo sapiens распадется на различные биологические виды, потому что у них будут разные тела и разные способности. Сейчас даже невозможно представить, что это будут за способности. Это может быть неустойчивость, совершенно иное функционирование мозга, отсутствие необходимости во сне, чтение мыслей и т. д. В общем, нафантазировать (пока что) здесь можно всё, что угодно. Проблема здесь заключается в том,

что ради своих безумных людей глобалисты готовы стирать целые государства и народы. Нести боль и разрушения миру. Это они демонстрировали не раз на протяжении второй половины XX века и первой четверти XXI века. Поэтому уничтожение системы глобалистского мироустройства и глобалистской идеологии – единственное спасение не только для России, но и для всего человечества».

Цель автора очевидна: показать античеловеческую суть глобализма.

В обсуждении приняли участие 193 читателя.

Несколько человек выразили солидарность с предположениями автора:

В. С.: Кто знает, может, подобные технологии уже существуют. Как-то была череда смертей богатейших людей США, не старые ещё люди погибали, один якобы разбился на своём самолёте, ни самолёт ни тела не нашли. Второй исчез где-то в джунглях и ещё подобные случаи. А может, это всё инсценировано? Если предположить, что они нашли способ омоложения, весь мир это узнает, глядя на них, а так погиб, а на самом деле живёт под другой личностью.

О. Б.: Ничего плохого я не вижу. Пример, Петергоф по замыслу Петра I для кого строился? Для себя, царственных особ и свиты. А сейчас мы все ходим туда любуемся и восхищаемся фонтанами, садом и Дворцами, это стало доступно и нам. Так и в этом случае, первыми станут бессмертными у кого есть ресурсы, а потом по-любому, по разным причинам, это будет доступно всем.

А. Г.: У Ивана Ефремова в романе «Час Быка» описано такое разделение населения планеты Торманс на джи (долгоживущие – политическая, экономическая и научная элита) и кжи (короткоживущие – рабочие, солдаты, слуги). Для кжи предусмотрены хлеб и зрелища, они не голодают, а в свободное время развлекаются, дерутся, принимают наркотики, пьют, проводят время в многочисленных казино, вступают в беспорядочные связи, не заводят семей, а детей сразу сдают в детские учреждения, чтобы не мешали им развлекаться. Гениальное предвидение писателя.

Можно видеть, что комментаторы считают, что такое положение дел возможно, это пойдет на пользу человечеству, нарастающее противопоставление элиты и остального мира неизбежно и уже было отражено в литературе.

Во многих откликах прослеживается поддержка авторского тезиса о вредности таких проектов:

П. С.: Вся эта движуха с трансгуманизмом и попыткой обрести бессмертие имеет корень в неверии Богу и непонимании того, как устроен наш мир и процессы протекающие в нём. Единственный путь развития человека, это освоение своего внутреннего потенциала. А он огромен, а, возможно, и безграничен! Но загвоздка в том, что свой потенциал мы можем раскрывать только по мере нравственного роста, следовательно, путь освоения своего потенциала, это путь духовного роста, стремление к обретению подобия Божьего, а Бог, как известно, Всевластен! Вот путь будущего Человека. И это не про походы в церковь...

К. Х.: Жизнь существует, как гармоничная форма взаимодействия всех ее форм и видов... Любое искусственное изменение в каком-то одном ее аспекте приводит к непредсказуемым последствиям во всех остальных... В конечном итоге, при слишком агрессивном и настойчивом продвижении подобных идей, со стороны человека, жизнь на земле просто в очередной раз будет перезагружена, что уже происходило неоднократно... Не стоит человеку, лезть в промысел божий... Даже очень богатому.

Р. К.: При 300% прибыли нет такого преступления, на которое не рискнул бы капитал... Вот что разрушает сегодня мир. Технологии бессмертия здесь не причем. Алчность, жадность порожденная невежеством, не помощник прогрессу. Некоторые вещи за деньги не купишь! Это не бравада и не клише. Когнитивные технологии на самом деле развиваются не по-детски, но превосходства они не принесут обладателям сего действия, по простой причине. Когда произойдет капитализация наших желаний, они перестанут быть желаниями (их придется покупать). Эликсир бессмертия искали всегда, когда интеллект заходил в спираль деградации.

Комментаторы видят корень бед в человеческой алчности, полагают, что вторжение в естественную органику приведет человечество к гибели и призывают вернуться к религиозному мировосприятию.

Критики этого материала приводят следующие аргументы:

Т. З.: Человечество уже сейчас разделено на два вида. Одни еще способны думать, анализировать, другие – уже нет. Они всецело доверяют этот процесс гаджету)

В.: Все это из области ненаучного фэнтези. А с учетом деградации «глобалистических элит» – так даже нет смысла и обсуждать. ... Как-то с развитием информационных технологий, опережающих развитие большинства представителей социума (и т.н. «глобалисты» тоже в этом числе) все больше наблюдается проявление массового психоза.

Е. С.: Наверное, они фантастики начитались. Произведений на эту тему море, разной степени умности. Но они же вообще хотят, чтобы людей стало меньше. Будут избранные, которые будут грызться за привилегии, как всегда.

Читатели рассматривают приведенный текст в качестве не очень удачной фантастики. Заслуживает внимания тезис о деградации элит. Осуждается массовый психоз.

Некоторые комментаторы ассоциативно развивают предложенную тему:

В.: Скоро будет два вида – моющиеся и грязнули...

Ю. Ш.: Глобалисты это Рокфеллеры? А чем сейчас занимаются их вечные враги Ротшильды? Может, уничтожением глобализма?

А. П.: В Индии занимающиеся духовными практиками и достаточно продвинувшиеся в этом знают, что они бессмертны как духовные существа. Именно знают, а не верят, так как получили определенный опыт. Да и в остальном мире таких много.

С. М.: И для чего им эти сверхспособности, кроме большего срока жизни? Как они будут применять свои сверхмозги? Не иначе, глушить их сверхнаркотиками. Флаг в руки.

Читатели полагают, что есть смысл обратиться к существующим практикам духовного роста, иронически оценивают попытки противопоставления видов человечества, скептически характеризуют идею сверхспособностей.

Выводы

Читательские комментарии в современной российской блогосфере представляют собой особый жанр общения, основными целями которого являются поддержание коммуникации, уточнение информации, ее оценочная квалификация и самовыражение. Соответственно, реакции читателей в основном сводятся к оценке фактуального содержания материала, поддержке либо критике блогера и демонстрации своего Я. Разговор ведется, как правило, на сокращенной коммуникативной дистанции. Вместе с тем в уточнении информации прослеживается профессиональная эрудиция комментаторов. Разумеется, различные темы, предлагаемые блогерами, привлекают разных читателей. Наши соотечественников интересуют актуальные социальные проблемы, исторические факты, литературные сюжеты, вопросы экологии, влияние технического прогресса на развитие человечества. При обсуждении фактуального содержания блогов читатели показывают свою заинтересованность темой, в самовыражении доминирует ироническая тональность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий : пособие для учителя. Л. : Просвещение, 1983. 416 с.
2. Лопухин А. П. Толковая Библия, или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Стокгольм : Институт перевода Библии, 1987. URL: <http://www.lopbible.narod.ru> (дата обращения: 15.05.2022).
3. Беляева И. С. Фикциональный комментарий в литературе постмодернизма (на материале произведений Владимира Набокова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 18 с.
4. Карасик В. И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса // Язык, коммуникация и социальная среда : сб. науч. тр. Вып. 7. Воронеж : Издатель О. Ю. Алейников, 2009. С. 32–47.
5. Митягина В. А. Интернет-комментарий как коммуникативное действие // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. ст. Орел : Горизонт, 2012. С. 188–197.
6. Филиппова М. П. Интернет-комментарий и общение на интернет-форуме: параметры жанрового разграничения // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2020. № 6. С. 1049–1053.
7. Fowler D. P. Criticism as commentary and commentary as criticism in the age of electronic media // Commentaries – Kommentare / ed. G. W. Most. Göttingen : Vandenhoeck and Ruprecht, 1999. P. 426–442.
8. Kraus C. S. Introduction: Reading commentaries / commentaries as reading // Classical Commentary: History, Practices, Theory / ed. R. K. Gibson and C. S. Kraus. Leiden: Brill, 2002. P. 1–27.
9. Heslin P. The dream of a universal variorum: Digitizing the commentary tradition // Classical Commentaries: Explorations in a Scholarly Genre. Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 494–511.
10. Ионова С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов : монография. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2006. 380 с.
11. Брызгина Т. С. Особенности пародийного дискурса // Аксиологическая лингвистика: проблемы теории речевых жанров, лингвогендерологии и стилистики : сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Красавского. Волгоград : Колледж, 2008. С. 32–39.
12. Земцова Л. А. Системообразующие признаки и жанровые функции искусствоведческой рецензии в средствах массовой информации // Единицы языка и их функционирование : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Научная книга, 2005. Вып. 11. С. 196–202.
13. Крацова Е. В., Хомутова Т. Н. Научная рецензия: интегральный подход // Язык и культура. 2014. № 1 (25). С. 70–76.
14. Орлова Е. В., Толкушкина Е. Е. Театральная рецензия как жанр публицистического и медийного дискурса // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 204–212.
15. Медведев С. А. К методике описания типологии интернет-рецензии // Филология и человек. 2017. № 4. С. 121–127.
16. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
17. Викторова Е. Ю. Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социаль-

ных сетей) // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 294–303. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-294-303>

18. Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 96–104. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104>

19. Панченко Н. Н. Жанровое своеобразие стеба в интернет-коммуникации // Жанры речи. 2016. № 2. С. 116–122. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-116-122>

20. Рогачева Н. Б. Новые приоритеты в русском интернет-общении: на материале жанра блога // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. С. 389–403.

21. Стеклова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2014. № 1-2 (9-10). С. 81–88.

22. Щипицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск : Помор. ун-т, 2009. 238 с.

REFERENCES

1. Lotman Yu. M. Roman A. S. Pushkina “Evgenii Onegin”. *Kommentarii: posobie dlya uchitelya* [The Novel “Eugen Onegin” by A. S. Pushkin. A Commentary. A manual for teachers]. Leningrad, Prosveshchenie, 1983. 416 p. (in Russian).
2. Lopukhin A. P. *The Explanatory Bible, or a Commentary to all the books of the Holy Scripture of Old and New Testaments*. Stockholm, The Institute of the Bible Translation. Available at: <http://www.lopbible.narod.ru> (accessed May 15, 2022). (in Russian).
3. Belyaeva I. S. *Fiction commentary in the literature of Post-Modernism (on the material of Vladimir Nabokov works)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2009. 18 p. (in Russian).
4. Karasik V. I. Commentary as a genre of hermeneutic discourse. *Language, Communication and Social Environment*. Voronezh, O. Yu. Aleynikov Publishers, 2009, iss. 7, pp. 32–47 (in Russian).
5. Mit'agina V. A. An Internet Comment as a communicative action. In: *Genres and Types of Text in Scientific and Media Discourse: Coll. of sci. arts*. Oryol, Gorizont, 2012, pp. 188–197 (in Russian).
6. Filippova M. P. An Internet comment and Internet forum post: Parameters of genre differentiation. *Journal of Udmurt University. History and Philology Series*, 2020, no. 6, pp. 1049–1053 (in Russian).
7. Fowler D. P. Criticism as Commentary and Commentary as Criticism in the Age of Electronic Media. In: Most G. W., ed. *Commentaries – Kommentare*. Göttingen, Vandenhoeck and Ruprecht, 1999, pp. 426–442 (in Russian).
8. Kraus C. S. Introduction: Reading commentaries / commentaries as reading. In: Gibson R. K., Kraus C. S., eds. *Classical Commentary: History, Practices, Theory*. Leiden, Brill, 2002, pp. 1–27.
9. Heslin P. The dream of a universal variorum: Digitizing the commentary tradition. In: *Classical Commentaries: Explorations in a Scholarly Genre*. Oxford, Oxford University Press, 2016, pp. 494–511.
10. Ionova S. V. *Approksimatsiya sodержaniya vtorichnykh tekstov: monografiya* [Approximation of secondary texts content: A monograph]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2006. 380 p. (in Russian).

11. Bryzhina T. S. Specificity of parody discourse. In: Krasavsky N. A., ed. *Axiological Linguistics: Problems of Speech genres Theory, Gender Studies and Stylistics: Coll. of sci. arts.* Volgograd, College, 2008, pp. 32–39 (in Russian).
12. Zemtsova L. V. Systemic features and genre functions of arts review in mass media. *Units of speech and their functioning: Coll. of sci. arts.* Saratov, Nauchnaya kniga, 2005, vol. 5, pp. 196–202 (in Russian).
13. Kravtsova E. V., Khomutova T. N. Science review: An integral approach. *Language and Culture*, 2014, no. 1 (25), pp. 70–76 (in Russian).
14. Orlova E. V., Tolkushkina E. E. A Theatre review as a genre of publicist and media discourse. *Communication Studies*, 2014, no. 2, pp. 204–212 (in Russian).
15. Medvedev S. A. On the methodology of Internet reviews typology description. *Philology and Man*, 2017, no. 4, pp. 121–127 (in Russian).
16. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The Theory of Speech Genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian).
17. Viktorova E. Yu. Linguocreative potential of the Internet Communication (on the material of network genre). *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 294–303 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-294-303>
18. Kolokol'tseva T. N. Dialogue in Internet communication genres (chat, forum, blog). *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 96–104 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104>
19. Panchenko N. N. Genre specificity of “styob” (jive) in the Internet communication. *Speech Genres*, 2016, no. 2, pp. 116–122 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-116-122>
20. Rogacheva N. B. New Priorities in the Russian Internet communication: On the material of the genre “blog”. *Zanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. sci. arts, vol. 5. Genre and Culture]. Saratov, ITs “Nauka”, 2007, pp. 389–403 (in Russian).
21. Steksova T. I. Commentary as a speech genre and its variation. *Speech Genres*, 2014, no. 1-2 (9-10), pp. 81–88 (in Russian).
22. Schipitsina L. Yu. *Zhanry komp'yuternoposredovannoi kommunikatsii* [Genres of the Computer Mediated Communication]. Arkhangelsk, Pomor University Publ., 2009. 238 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 23.09.2022; принята к публикации 04.10.2022

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 23.09.2022; accepted for publication 04.10.2022

ЖАНРЫ НОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ СФЕР

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 90–103

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 90–103<https://zhanry-rechi.sgu.ru><https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-90-103>, EDN: ETJBPD

Научная статья

УДК 81'42

**Дискурс технически опосредованного мошенничества:
жанр «развод» / «разводилов» и его стратегии****И. В. Смирнова**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, 119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1

Смирнова Ирина Валерьевна, эксперт научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности, Smirnova-iv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7394-3155>, AuthorID: 1032397

Аннотация. Рассматривается мошеннический дискурс – особый тип дискурса, целью которого является завладение чужим имуществом и получение выгоды путем обмана или злоупотребления доверием. Осуществляется дифференциация правового понимания феномена «мошенничества» и его восприятия в обыденной картине мира. Доказывается, что в понятие мошеннического дискурса целесообразно включать ряд коммуникативных актов, квалифицируемых Уголовным кодексом Российской Федерации как кража или вымогательство. Центральным жанром мошеннического дискурса является речевой жанр «развод» / «разводилов», основанный на сознательном и целенаправленном манипулятивном воздействии инициатора коммуникации (мошенника) на адресата (жертву). Широкое распространение в современном мире дистанционной связи определяет преобладание «разводов» с использованием различных технических средств, обеспечивающих синхронное или асинхронное взаимодействие между субъектами коммуникации. Жанр «развод» / «разводилов» воплощает формульность мошеннического дискурса и реализуется через ограниченное число стратегий, в каждой из которых используется устойчивый набор средств воздействия. Основными стратегиями являются апелляция к страху, апелляция к удаче и создание иллюзии рутинности. В рамках стратегии апелляции к страху выделяются три тактики, а именно: тактика внушения страха за свое материальное благополучие, тактика внушения страха за безопасность близкого, тактика внушения боязни общественного порицания. Анализ осуществляется методом сплошной выборки на материале сообщений (более 400 единиц) потенциальных или состоявшихся жертв технически опосредованного мошенничества, изложенных в форме нарратива и размещенных на различных ресурсах в медиапространстве.

Ключевые слова: мошенничество, дискурс, лингвобезопасность, речевые манипуляции, коммуникативные стратегии

Для цитирования: Смирнова И. В. Дискурс технически опосредованного мошенничества: жанр «развод» / «разводилов» и его стратегии // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 90–103. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-90-103>, EDN: ETJBPD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**The discourse of technically mediated fraud: The genre “razvod” / “razvodilovo”
(≈ “swindle” / “con game”) and its strategies****I. V. Smirnova**

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82 b. 1 Vernadskogo Ave., intra-city area Troparevo-Nikulino municipal district, Moscow 119571, Russia

Irina V. Smirnova, smirnova-iv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7394-3155>, AuthorID: 1032397

Abstract. The article examines fraudulent discourse – a special type of discourse, the purpose of which is to take possession of other people’s property and obtain benefits through deceit or breach of trust. The author differentiates the legal understanding of the phenomenon of “fraud” and its perception in the ordinary worldview. It is proved that the concept of fraudulent discourse should include a number of communicative acts qualified by the Criminal Code of the Russian Federation as theft or extortion. The central genre of fraudulent discourse is the speech genre “swindle” / “con game”, based on the conscious and purposeful manipulative influence of the initiator of communication (fraudster) on the addressee (victim). Nowadays, the wide spread of remote communication determines the predominance of “swindle” using various technical means that provide synchronous or asynchronous interaction between the subjects of communication. The “swindle” / “con game” genre embodies the formulaicity of fraudulent discourse and is implemented through a limited number of strategies, each of which uses a stable set of means of influence. The main strategies are the appeal to fear, the appeal to luck and creation of the illusion of routine. As part of the fear appeal strategy, three tactics are distinguished, namely, the tactics of instilling fear for one’s prosperity and well-being, the tactics of instilling fear for the safety of a family member, and the tactics of instilling fear of public reprimand. The analysis is carried out by a continuous sampling method and is based on messages (more than 400 units) of potential victims or victims of technically mediated fraud, presented in the form of a narrative and posted on various communication resources in the media space.

Keywords: fraud, discourse, linguistic security, speech manipulation, communication strategies

For citation: Smirnova I. V. The discourse of technically mediated fraud: The genre “razvod” / “razvodilovo” (≈ “swindle” / “con game”) and its strategies. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 90–103 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-90-103>, EDN: ETJBPD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Мошенничество является одной из наиболее распространенных преступных практик. Большинство мошеннических технологий носит коммуникативный характер, то есть предполагает синхронное или асинхронное вербальное взаимодействие между адресантом и адресатом (мошенником и жертвой). Можно констатировать, что в современном коммуникативном пространстве сложился речевой жанр «развод» / «разводилов»¹, в котором воплощается формульность мошеннического дискурса (о связи формульности дискурса и понятия речевого жанра см.: [4: 285]). Речевые акты в рамках данного жанра имеют общую коммуникативную цель – обман, направленный на получение выгоды. Для осуществления коммуникативного воздействия используется ряд стратегий, которые будут рассмотрены в настоящей статье.

В последние десятилетия в связи с развитием электронной коммуникации получило распространение технически опосредованное мошенничество, в ходе совершения которого адресат и адресант не встречаются лицом к лицу. Для осуществления «развода» используются сеть «Интернет» и иные средства дистанционной связи. По мере удешевления доступа к электронной коммуникации явление приняло форму эпидемии [5: 65]. Так, информационное агентство «ТАСС» сообщая

ет, что по фактам совершения дистанционного телефонного мошенничества ущерб физическим лицам в России за 2021 г. составил сорок пять миллиардов рублей [6]. Согласно анализу Лаборатории Касперского, только по одному из видов дистанционного телефонного мошенничества с использованием роботизированного обзвона абонентов в том же году количество звонков выросло в тридцать пять раз [7], а согласно данным Яндекса, количество мошеннических звонков в мае 2022 г. выросло на 32% по сравнению с тем же периодом прошлого года [8].

Целью данной работы является определение и анализ коммуникативных стратегий жанра «развод» / «разводилов», применяемых в рамках технически опосредованного мошенничества.

Основная часть

Согласно ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации мошенничеством является «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием» [9]. Уголовный кодекс дефинирует различные виды преступной деятельности, которую можно квалифицировать в качестве мошенничества (ст. 159. Мошенничество, ст. 159.1. Мошенничество в сфере кредитования, ст. 159.2. Мошенничество при получении

¹Название жанра носит просторечный характер и происходит от глагола «разводить», то есть стараться обхитрить, лгать с целью обмана [1], обманывать кого-либо при заключении сделки [2: 374], обманывать кого-либо [3: 86].

выплат, ст. 159.3. Мошенничество с использованием электронных средств платежа, ст. 159.4. (Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности)², ст. 159.5. Мошенничество в сфере страхования, ст. 159.6. Мошенничество в сфере компьютерной информации).

Изучение судебной практики по делам о мошенничестве и постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации показало, что правовое понимание мошенничества, принятое и используемое в юриспруденции, и его понимание с точки зрения обыденной картины мира и речевого узуса не являются идентичными. Бытовое понимание мошенничества является более широким. Оно включает не только действия, подпадающие под указанные выше статьи о мошенничестве, но и поступки, квалифицируемые Уголовным кодексом Российской Федерации как кража или вымогательство.

Анализ понятия «мошенничество» в толковых словарях позволил определить данное явление как «сомнительное поведение с использованием обмана и целью добиться получения выгоды» [10: 291], «поведение, образ действий мошенника» [11: 560], что подтверждает тезис о том что «в языке мошенничество достаточно ясно соотносится с обманом, именно обман как неблагоприятные действия делает данный способ хищения узнаваемым и отличающимся от других» [12: 115].

В мошенническом дискурсе важнейшей характеристикой действия будет являться обман или злоупотребление доверием в ходе воздействия на адресата. Мошеннический дискурс – это сознательное воздействие на коммуниканта с использованием различного рода речевых манипуляций, таких как сообщение ложных / недостоверных сведений, утаивание и/или частичное предоставление информации, с целью завладения чужим имуществом и получения выгоды.

Методом сплошной выборки из сообщений на интернет-форумах (Дром, Авито Доставка, VC.RU, региональные форумы и др.), сайтах сообществ развлекательной направленности (Пикабу, ЯПЛАКАЛЪ и др.), в социальных сетях (ВК, 9111.ru) и материалов интернет-прессы было отобрано и проанализировано более 500 описаний случаев дистанционного мошенничества с использованием технических средств связи. Проведенный анализ позволил разделить весь собранный материал на три группы, для каждой из которых характерна особая стратегия речевого воздействия.

²Утратила силу.

Характеристики собранного материала

Самые ранние описываемые в выборке примеры мошенничества с применением технических средств и информационно-коммуникационных технологий относятся к 2010–2012 гг. С течением времени увеличивается количество описываемых случаев и разнообразие схем, к которым прибегает адресант (мошенник).

Практически во всех случаях мы имеем дело с нарративом жертвы преступления, совершенного или неудавшегося. Данные сообщения имеют либо форму пересказа (97% собранного материала), либо представлены в виде аудиозаписей (3% собранного материала).

Сообщения из выборки позволили выделить следующую структуру, характерную для технически опосредованного мошеннического дискурса (табл. 1).

Инвариантом для любого акта в рамках жанра «развод» являются коммуникативная направленность на изменение психологического состояния адресата (именно она используется нами в качестве основания для наименования стратегии) и ложная самоидентификация адресанта. Все остальные составляющие вариативны.

Стратегия апелляции к страху

Базовой характеристикой данной стратегии будет являться интенсивное эмоциональное воздействие. Страх, по мнению классиков психологии (З. Фрейда, Л. С. Выготского, И. П. Павлова, К. Е. Изарда и др.), представляет собой одну из базовых эмоций (или даже протоземцию) и в ситуации стресса оказывает сильнейшее влияние на поведение человека. Так, страх рассматривают как «аффективное (эмоционально заостренное) состояние, возникающее при конкретной угрозе для жизни и благополучия человека» [13: 9], его относят к проявлениям естественного рефлекса, поскольку он «основан на инстинкте самосохранения, имеет защитный характер и сопровождается определенными физическими изменениями в высшей нервной деятельности» [14: 48].

Социальные потрясения в обществе, вызываемые изменениями в политическом строе государства, войнами, катаклизмами, то есть все события, охватывающие не единицы, а общество в целом, несомненно, влияют на трансформацию человеческих фобий. Распад СССР, экономические потрясения и международные кризисы последних лет привели к тому, что страх превратил-

ся в неотъемлемую часть жизни граждан. Люди боятся социальной незащищенности, опасаются за собственную безопасность и безопасность своей семьи. «На первом месте в списке главных российских страхов стоит не сам опрашиваемый, но его близкие» [15: 128]. К страхам советского времени также относят «внутренний страх перед государством» [15: там же]. После распада СССР падает доверие к сотрудникам правоохранительных органов. «Превратилась в иллюзию вера, что милиция прибудет, чтобы вам помочь» [15: 112]. Современная статистика демонстрирует одновременно некоторое увеличение доверия к правоохранительным органам [16] и общую тревожность граждан в отношении полиции и судебных органов [17]. Также доказано, что граждане сравнительно редко обращаются к правоохранителям, даже столкнувшись с преступлением³. Финансовое мошенничество регулярно входит в рейтинг основных тревожностей россиян согласно «Национальному индексу тревожностей» [20].

В рамках данной стратегии можно выделить три речевые тактики, в каждой из которых используется различный арсенал языковых средств.

В каждой из описываемых тактик коммуникация происходит через средства мобильной связи по сценарию, компоненты которого могут варьироваться (табл. 2).

В рамках данной стратегии самопрезентация мошенника в институциональной роли, а именно в качестве сотрудника банковской системы, правоохранительных органов или представителя Минцифры России составляет наибольшую часть выборки (88%), самопрезентация во внеинституциональной роли незначительна (12%).

Жертва последовательно общается с несколькими мошенниками: «После непродолжительного разговора я был поставлен перед фактом, что со мной свяжется Служба безопасности Центробанка» (сообщение на VC.RU, 2021)⁴, «Позвонили мне типа из сбера, сказали, что на меня оформили кредит третьи лица... Параллельно меня соединили со "Следователем" из следкома...» (сообщение на Sakh.com, 2021), «Звонки осуществлялись непрерывно, но все время с разных номеров. Около 40 вызовов я насчитал в журнале» (сообщение на Пикабу, 2021).

Злоумышленник демонстрирует принадлежность к той или иной организации:

Таблица 1 / Table 1

Средства воздействия, используемые в технически опосредованном мошенничестве

The means of influence, used in technically mediated fraud

Структурная единица / Structural unit	Содержание и основные параметры структурной единицы / Content and basic parameters of the structural unit
Коммуникативная цель адресанта	Психологическое состояние, целенаправленно формируемое мошенником у жертвы при помощи манипулятивного воздействия
Самопрезентация адресанта	Самоидентификация мошенника в той или иной социальной роли, используемая в ходе манипулятивного воздействия на жертву
Единство или множественность адресанта	Общение с жертвой одного мошенника или последовательное общение с двумя или более мошенниками
Декларация институционального статуса	Наличие или отсутствие в речи мошенника утверждения о принадлежности к какой-либо организации
Эксплуатация темпоральных характеристик общения	Инициирование общения в моменты, нехарактерные для деловой активности, или эмфатизация необходимости принятия решения в сжатые сроки
Лексическая специфика	Использование в речи мошенника терминологии, профессионализмов, числительных, обценной лексики, имен собственных
Апелляции к законодательству	Наличие в речи мошенника ссылок на различные нормативно-правовые акты

³По данным Лаборатории Касперского, за 2019 г. только 4% респондентов, столкнувшихся с телефонным мошенничеством, обратились в правоохранительные органы [18]. По статистике Общероссийского народного фронта за 2021 г. в полицию по факту мошенничества обращались только 12,2% из ставших жертвами противоправных действий [19].

⁴Здесь и далее цитаты авторов сообщений приводятся с сохранением орфографии и пунктуации.

Таблица 2 / Table 2

Структура сценария коммуникации в рамках стратегии апелляции к страху

The communication scenario structure within the fear appeal strategy

Компонент сценария / Scenario component	Содержание и основные параметры компонента сценария / Content and basic parameters of the scenario component
Представление адресанта	Самоидентификация адресанта в институциональной или внеинституциональной роли
Сообщение	Сообщение о противоправных или антиобщественных действиях, совершенных в отношении адресата / совершенных адресатом / совершенных близкими адресата; предложение помощи с целью пресечения противоправных действий в отношении адресата / предотвращения проблем с правоохранительными органами для адресата или его близких
Обоснование необходимости предпринять определенные действия	Предлагаемое адресантом решение устранил описываемую проблему; содействие представителям адресанта будет способствовать решению проблемы; совершение предлагаемых операций с денежными средствами / персональными данными жертвы будет способствовать решению проблемы*

Примечание. *Данный показатель вариативен в зависимости от используемой речевой тактики.

Note. *This indicator varies depending on the speech tactics used.

– называет место работы: *служба безопасности банка, Центробанк, Главное управление экономической безопасности МВД России, сайт «Госуслуги»;*

– называет должность и/или звание: *участковый, дознаватель, лейтенант, майор, сотрудник Центробанка, сотрудник службы безопасности Сбербанка, сотрудник сайта «Госуслуги».*

Жертву побуждают выполнить определенные действия в ограниченный период.

Лексическую специфику коммуникации составляет деловая терминология:

– банковской и кредитной сферы: *кредитная карта, кредитное предложение, компрометация карты, счет, потребительский кредит, денежный перевод, кредитный потенциал, сбережения, система SWIFT;*

– юридической сферы: *мошеннические действия, персональные данные, нарушение закона, хищение, генеральная доверенность, свидетельские показания.*

Наряду с истинными терминами также используется квазитерминология: *блокировка операций, безопасный счет, единый счет, финансовое ответственное лицо, зеркальная заявка, личный финансовый номер, группа лиц по хищению резервных денег, реестр досудебных расследований.*

Присутствуют апелляции к законодательству *«решение суда №...», «закон о переводе денежных средств»,* ссылки на различные статьи Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов.

Тактика внушения страха за свое материальное благополучие

Данная тактика основывается на сочетании эмоционального воздействия и логических аргументов.

Представление адресанта:

– содержит самоидентификацию адресанта в качестве сотрудника правоохранительных органов: *«перезвонил некто, представившийся местным участковым Алексеем Сурковым»* (интернет-издание Право.ru, 2016), *«дознаватель лейтенант Мартынов Сергей Сергеевич»* (сообщение на Пикабу, 2022), *«Евгений, добрый день. Майор Соколов Валерий Витальевич, Следственный комитет»* (сообщение на VC.RU, 2021), *«Здравствуйте. Это Главное управление экономической безопасности МВД России по г. Москве»* (сообщение на VC.RU, 2021), представление банковских структур: *«здрасьте это сотрудник центрального банка Алексей, вам удобно говорить?»* (сообщение на Пикабу, 2018), *«Как рассказала жительница Москвы полицейским, несколько месяцев назад ей позвонил неизвестный мужчина, представившийся сотрудником безопасности крупного банка»* (Лента.Ру, 2021), представителя подразделения Минцифры России: *«позвонил лжесотрудник сайта «Госуслуги» и сказал, что аккаунт мужчины взломан»* (газета АиФ-Томск, 2022);

Сообщение:

- сообщает о наличии проблемы, а именно совершении / попытках совершения противоправных действий в отношении адресата, которые могут привести к потере денег: *«меня вызывали на допрос в рамках уголовного дела инициированного в отношении меня по запросу ЦБ РФ»* (сообщение на Яндекс.Дзен, 2021), *«80-летней женщине позвонил неизвестный, который представился сотрудником Центробанка, и сообщил, что у них произошел сбой в системе, и со счетов пропала большая сумма денег»* (Лента.Ру, 2016). Далее следует одно из нескольких возможных сообщений: *«Грубый голос спрашивает – знаю ли я гражданку Кузнецову Елену (отчество не помню)? Не родственница ли она мне?... данная гражданка бежит с моей генеральной доверенностью и пытается оформить на меня кредиты в разных банках. Почти все банки ей отказали, но один банк одобрил кредит больше, чем в миллион рублей»* (сообщение на Пикабу, 2022), *«сообщил, что у них произошел сбой в системе, и со счетов пропала большая сумма денег... звонивший пообещал “разобраться” и положил трубку»* (интернет-издание Право.ru, 2016), *«две минуты назад была подана заявка на смену вашего личного финансового номера, а также была зафиксирована попытка перевода денег с вашего единого лицевого счета, вы ли это делали»* (сообщение на Пикабу, 2020), *«сказали, что с его счетами происходят мошеннические действия, но они ситуацию контролируют»* (интернет-издание РБК, 2021), *«позвонил неизвестный, который представился работником правоохранительных органов из Москвы. Он сообщил, будто мошенники пытаются оформить кредиты на имя кемеровчанки с целью похитить деньги. Чтобы избежать этого, собеседник рекомендовал женщине “перекрыть кредитный потенциал” и для этого самой оформить как можно больше банковских займов и затем перевести все деньги на “безопасные” счета»* (сайт пресс-службы ГУ МВД по Кемеровской области, 2022), *«Молодому человеку позвонили якобы из службы безопасности его банка и сообщили, что с его карточки пытаются похитить деньги. Юноша растерялся, а на том конце провода рассказали, что операцию можно заблокировать, достаточно только назвать данные карты и пароли из СМС-сообщений... они рассказали юноше, что прямо сейчас кто-то*
- пытается оформить на его имя кредит»* (газета Аргументы и Факты, 2020);
 - Обоснование необходимости предпринять определенные действия:**
 - быстро принять решение, иначе будет поздно и ситуация выйдет из-под контроля: *«плохие дела творятся с вашим счетом, телефонный номер, привязанный к нему, сменить пытаются, да еще и кредит оформить на 100 к»* (сообщение на Яплагал, 2022);
 - проинформировать о текущей ситуации специалиста другого ведомства, которому адресата передают для дальнейшего разбирательства: *«растерянную женщину переключили на другого специалиста, который предложил ей двухфакторную защиту банковских счетов»* (сетевое издание Чайковские.рф, 2022). Это действие необходимо, чтобы жертва не успела осмыслить происходящее и обратиться за помощью или советом куда-либо еще: *«сотрудник Центробанка” висел на телефоне, требуя, чтобы я не отключался, и беспокоился, хорошо ли мой телефон заряжен»* (сообщение на Пикабу, 2022);
 - перевести денежные средства на безопасный, резервный или единый счет, заложить в безопасную ячейку банка или перевести через терминал: *«Позвонил “следователь”. Велел выполнять все указания “сотрудника Центробанка” и объявил, что мне будет открыт новый “единый счёт”, куда и нужно будет перевести деньги (видимо, для их спасения)»* (сообщение на Пикабу, 2022), *«в другое отделение полиции Зеленограда обратился 28-летний местный житель, которому днем ранее также позвонил неизвестный и пояснил, что произошла утечка личных данных из Центробанка и все имеющиеся деньги необходимо перевести на резервный счет»* (Инфоportal Зеленограда, 2022), *«Через несколько минут томичу позвонил “представитель Центробанка РФ” и сообщил, что для сохранности денег необходимо снять свои накопления со всех банковских карт и перевести на “безопасный счет”»* (газета Аиф-Томск, 2022);
 - передать данные для разрешения проблемы: *«у вас скомпрометирована карта, пришлите код из СМС чтобы мы заблокировали операцию»* (сообщение на Хабр, 2021);
 - оформить заявку на совершение финансовой операции: *«на меня оформили кредит третьи лица, и чтобы его отменить, нужно подать вторую заявку, тогда в системе произойдет конфликт*

и обе заявки аннулируются» (сообщение на Sakh.com, 2021);

- воздержаться от разглашения сведений о происходящем для соблюдения процессуальных норм: *«Сто раз повторили, чтобы никаких третьих лиц, потому что банковская тайна, тайна следствия... в случае разглашения мне светят статьи номер такая-то и какая-то ещё. Потому что вообще дело об этом мошенничестве уже заведено, уже и следователь есть»* (сообщение на Пикабу, 2020), *«раздался звонок якобы от следователя из Саратова, который пояснил, что по факту мошенничества ведется следствие, и ей [пенсионерке] необходимо выполнять все требования сотрудников полиции. "Следователь" предупредил об уголовной ответственности за разглашение данной информации и настоятельно рекомендовал следовать всем указаниям»* (Новостной сайт Актарский уезд, 2022).

В рамках данной тактики общение происходит последовательно с несколькими злоумышленниками, которые побуждают жертву оперативно выполнить действия, описанные выше.

В процессе её применения используется широкий спектр лексических средств манипуляции. Адресант оперирует терминами, профессионализмами, квазитерминами, а также словами с функционально-стилистической коннотацией для отсылки адресата к нормам законодательства и процессуальным действиям: *получение повестки, явиться в отделение полиции для дачи показаний, передача дела, разговор будет записан*. В каждом частном случае употребление стилистически окрашенных лексических средств «позволяет скорректировать воздействие на адресата и сделать его более эффективным» [21: 75].

Наряду с реальными профессионализмами из финансовой сферы Российской Федерации, злоумышленники могут использовать квазитермины (то есть имитацию терминологии), например, *безопасный счет* (интернет-издание Sakhpress, 2022), *двухфакторная защита* (интернет-издание Life Hack TV, 2020), *перекрытие кредитного потенциала* (интернет-издание БЕЛТА, 2021) или термины из делового оборота государств постсоветского пространства, в обиходе которых используется русский язык. Так, термин *единый лицевой счет* зафиксирован в Приказе Министерства связи и массовых коммуникаций РФ и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 28 декаб-

ря 2015 г. № 589/944/пр «Об утверждении Порядка и способов размещения информации, ведения реестров в государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства, доступа к системе и к информации, размещенной в ней» [22], то есть является термином ГИС ЖКХ⁵, но не Центробанка. Термин *финансовый номер* распространен на территории Украины, например, его можно найти в русскоязычных версиях инструкций для пользователей: по привязке номера мобильного телефона к банковскому счету в «Приватбанке» (сайт Приватбанка, 2022), по защите данного номера от мошенников «МТБ Банка» (сайт МТБ Банка, 2022) или банка «Південний» (сайт банка Південний, 2022) и др. *Единый реестр досудебных расследований* представляет собой электронную базу данных сообщений о преступлениях, введенную в действие на территории Украины приказом Генеральной прокуратуры Украины № 69 от 17.08.2012 «О едином реестре досудебных расследований» [23]. Данный реестр заменяет стадию возбуждения уголовного дела, которое считается открытым с момента внесения сообщения о преступлении в реестр.

Жертвы также упоминают, что речь злоумышленников эмоционально окрашена, подача информации происходит уверенно и с напором: *«недавно тоже позвонила серьезная тетенька типа со сбербанка и, назвав меня по имени-отчеству, деловито сказала, что кто-то снял с моей карты большую сумму денег»* (сообщение на Sakh.com, 2021), *«в первый раз Галина Васильевна услышала уверенный голос в трубке ещё в апреле, тогда мужчина представился сотрудником банка»* (газета Комсомольская правда, 2022).

Тактика внушения страха за безопасность близкого

Данная тактика существенно отличается от предыдущей способом и средствами воздействия на адресата. Адресатом манипулируют исключительно путем эмоционального воздействия.

Представление адресанта:

- адресант множественный (родственник жертвы и сотрудник правоохранительных органов). Первоначально к жертве обращается мошенник, имитирующий речь близкого родственника (как правило, сына или дочери) адресата, а затем мошенник в роли сотрудника правоохранительных органов: *«кто-то позвонил, и таким дрожащим голосом сказал примерно*

⁵Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства.

следующее: *мама ты только не волнуйся, все хорошо, я человека сбил насмерть и сейчас в милиции*» (сообщение на Дром, 2012), *«Мама у меня проблемы», далее трубку передали другому человеку: «Добрый день, я старший оперуполномоченный ФИО неразборчиво, как я могу к вам обращаться?»* (сообщение на Пикабу, 2016), *«Мама, помоги мне, пожалуйста, я человека сбил! Помоги прошу! У меня один звонок, следователь дал позвонить, сейчас ему дам трубку!»* (сообщение на Пикабу, 2017)

Сообщение:

- адресант сообщает о травмирующем событии (дорожно-транспортном происшествии) со своим участием: *«мама, я попала в аварию, сбита человека, он при смерти»* (интернет-издание Блокнот Шахты, 2021), *«Мама, я попал в аварию. Сбил человека»* (сообщение на Брокер Трибунал, 2020)

Обоснование необходимости предпринять определенные действия:

- предложение решить обозначенную проблему за вознаграждение: *«Пришла СМ-Ска в 3 утра: “Мама, мне срочно нужны деньги! Иначе мне конец. Срочно перезвони!”* (сообщение на Пикабу, 2016), *«Следователь прибыл на место и обещал помочь, нужны 800 тысяч рублей! Ты дашь мне их, ты дашь?»* (интернет-издание Блокнот Шахты, 2021), *«Гарантировано уголовное дело и судимость, я с ней работу потеряю. Единственный шанс – порешать за деньги, как инспектор предложил, раз я трезвый и ранее виновником ДТП не числился. Но это нужно быстро. Мам, он сам расскажет. Послушай внимательно, это очень срочно»* (сообщение на Брокер Трибунал, 2020);
- требование воздержаться от передачи информации о ситуации третьим лицам: *«Эти деньги нужно будет передать моему курьеру, он их привезёт мне. Звонить никуда не нужно, иначе ничего не получится и вашего сына посадят»* (сообщение на Пикабу, 2017).

Институциональность реализуется в речи мошенника, играющего роль сотрудника правоохранительных органов. Адресант, как правило, сообщает свою должность *следователь, прокурор, старший оперуполномоченный* и/или информирует о принадлежности к определенной правоохранительной структуре *прокуратура, отделение полиции*.

Указание на особую роль времени встречается в 35% описываемых случаев. Адресант отправляет сообщение и/или звонит в необычное для деловой активности время –

ночью или рано утром: *«Звонок на мобильный (не определен) в ночь с воскресения на понедельник в 6 утра»* (сообщение на Мицубиси Лансер Клуб, 2006). Время звонка дезориентирует жертву, а необходимость быстро отреагировать на сообщение не дает ей адекватно оценить обстановку и принять взвешенное решение.

В рамках данной тактики коммуниканты не апеллируют к законодательству. Все участники общения понимают, что речь идет о коррупционном взаимодействии (взятке должностному лицу), а в таком случае использование делового стиля общения и специализированной терминологии будет выглядеть неуместным. Также, в отличие от следующей тактики, отсутствует обценная лексика. Лексическую специфику составляют конструкции, имеющие яркую эмоционально-экспрессивную окраску: *«Мамочка, помоги, спаси, я попала в аварию, у меня разбито лицо»* (интернет-издание СТВ, 2022), *«Мама, мне срочно нужны деньги! инае мне конец. Срочно перезвони!»* (сообщение на Пикабу, 2016).

Тактика внушения боязни общественного порицания

Большинство случаев, отнесенных к данной тактике, юридически квалифицируется как вымогательство. Однако в каждом из описываемых примеров само сообщение адресанта является недостоверным и направлено на введение адресата в заблуждение, поэтому с дискурсивной точки зрения является мошенническим.

Ведущим фактором воздействия также будут являться эмоции, а именно страх, но не страх за благополучие близкого или страх потери денег, а страх перед общественным порицанием и связанными с ним потенциальными деструктивными для адресата репутационными последствиями.

Представление адресанта:

- самоидентификация адресанта в данной тактике зависит от используемого сценария. В отдельных случаях адресант может представиться сотрудником правоохранительных органов: *«Мне позвонили сотрудники ГИБДД и сообщили, что я якобы сбита во дворе человека и скрылась с места ДТП»* (сообщение на форуме 9991.ru, 2018), администратором сервиса по предоставлению интим-услуг *«Это Ахмед... чеченец ты там проституток заказывал вчера, у меня из-за тебя касса встала»* (сообщение на Пикабу, 2022) или вовсе не представиться: *«Звонок с неизвестного номера, тональность довольно агрессивная. Сказали: ну что, будем по-*

любовно договариваться или как? (интернет-издание BFM.RU, 2020).

Сообщение:

- адресант предъявляет требование или обвинение в некоем незаконном и/или общественно неодобряемом действии: «*Вы там-то, рядом с моим домом, сбили человека первого декабря, звонок утром третьего*» (интернет-издание BFM.RU, 2020), «*В мае 2021 девушке написал незнакомец. Он заявил, что у неких злодеев есть её интимные фотографии и они опубликуют их на сайте, если она не заплатит 40 тысяч рублей*» (сообщение на Яплакал, 2022).

Обоснование необходимости предпринять определенные действия:

- адресант требует вознаграждения за урегулирование конфликта / решение проблемы / неразглашение информации. Так, в одном из описываемых случаев адресат, молодой человек, обратился на сайт интим-услуг с целью трудоустройства в качестве сотрудника эскорт-агентства: «... парню позвонил мужчина по имени Анатолий, который представился полицейским. Он заявил, что молодой [человек] совершает преступление, которое проходит по статье о проституции. Хотя это и административное нарушение, за которое карают штрафом в 1500–2000 рублей, парень не захотел портить репутацию. Мошенник потребовал за молчание все деньги, которые есть у россиянина, и тот отдал ему 110 000 рублей» (интернет-ресурс журнала Секрет фирмы, 2022), в другом случае: «Он сказал, что на одном сайте есть несколько интимных фотографий Даниэлы и он может разослать их по списку её контактов (а также по списку их контактов!). Чтобы этого избежать, девушке нужно заплатить всего 200 тысяч рублей» (сообщение на Яплакал, 2022).

Как было сказано выше, самоидентификация адресанта в рамках данной тактики жанра «развод» зависит от сценария. Адресант может представляться в единственном числе (49%) либо как группа (51%). В похожих пропорциях варьируются показатели институциональности (46%) и внеинституциональности (54%). При самоидентификации адресант использует названия различных должностей *участковый, менеджер, администратор, сотрудник ГИБДД, следователь МВД*. Злоумышленник также эксплуатирует фактор темпоральности. Он торопит жертву, требуя как можно скорее рассчитаться.

Обвинение осуществляется в повышенном тоне и сопровождается угрозами. Професси-

ональная лексика, терминология и квазитерминология в данной тактике не используются. Общение сторон максимально эмоционально окрашено, поэтому адресат и адресант допускают использование обценной лексики: «*Я тебя оставляю на инвалидной коляске. Я тебя на инвалидной коляске оставляю на всю оставшуюся жизнь, а твоей семье буду вытаскивать иголки в ногти... Ну все, **** [конец тебе]*» (Youtube, 2022), «*И я этого мужика послал, а он говорит убьет, если не закину 5 к до сегодняшнего дня*» (сообщение на Яндекс.Кью, 2020).

В количественном отношении в рамках стратегии апелляции к страху наиболее частотна использование тактики внушения страха за свое материальное благополучие (72%), менее частотна тактика внушения страха за безопасность близкого (16%), наименее частотна тактика внушения боязни общественного порицания (12%).

Стратегия апелляции к удаче

Вторая стратегия мошеннического дискурса направлена на формирование у адресата позитивных эмоций. Мошенник воздействует на жертву, апеллируя к внезапной удаче, уникальности адресата, одновременно вызывая азарт и предвкушение успеха. Именно предвкушение как «ожидание получения чего-то приятного» [24: 731] и возможность ощутить себя особенным являются ключевыми эмоциональными элементами данной стратегии.

Представление адресанта:

- злоумышленник использует различные роли. Может представляться в качестве физического лица: «*Мне в вк добавила девушка ... с предложением заработать деньги на инвестициях*» (сообщение на Яндекс Кью, 2021), в том числе в качестве известной персоны «*Привет! Я Крис Хемсворт, известный актер из Австралии, живу в Лос-Анджелесе. Ты такая симпатичная, давай познакомимся*» (газета Комсомольская правда, 2018). Иногда эксплицитная самоидентификация адресанта отсутствует. Мошенник не обращается к адресату и никак себя не называет: «*Пятерочка выручает! Именно карта нашей торговой сети придет вам на помощь! А сегодня вы стали победителем нашего розыгрыша*» (Онлайн-дайджест Консалтпотра, 2022), «*Вы были утверждены [на] единовременную сумму \$200.000.00 долларов (ДВЕСТИ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ США) наличными... Просто свяжитесь с нашим агентом fiduciary*» (интернет-издание Настрой всё, 2022).

Сообщение:

- о получении крупного приза: «Недавно получаю в мессенджер сообщение, что мой перевод в Системе стал призовым. И мне положен сертификат на миллион с гаком рублей» (интернет-издание Финансовая культура, 2021), «ВЫИГРЫШ 200000 ДОЛЛАРОВ! МЫ ВЫБРАЛИ ВАС!» (интернет-издание Настрой всё, 2022);
- о возможности заработать большую денежную сумму без усилий: «Это номер карты девушки, которая по телеграмм якобы инвестирует... как она говорит через 8 часов после вложения денег вы получаете сумму в 5 раз больше на вашу карту» (сообщение на Яндекс Кью, 2020);
- о внимании со стороны известной персоны. Например, адресант представляется актером популярного турецкого сериала: «Поклонница картины призналась, она поверила в то, что ей написал актер. Ее даже не смутило, что Керем общается с ней на русском языке. Мошенник наговорил ей множество комплиментов, а затем попросил оплатить пересылку контейнера с вещами из Стамбула в Москву» (интернет-портал Вокруг.ТВ, 2022).

Обоснование необходимости предпринять определенные действия:

- возможность стать ближе к известному человеку и получить что-то из его личных вещей: «В качестве компенсации аферист предложил женщине забрать себе любую вещь из посылки. Фанатка следовала инструкциями «актера» и раз за разом присылала деньги» (интернет-портал Вокруг.ТВ, 2022);
- необходимость совершить ряд последовательных шагов, которые приведут к получению выгоды: «Молодой человек рассказал, что в конце июля ему позвонили и предложили работу в интернете. Для этого новгородцу сказали зарегистрироваться на специальном сайте и открыть счет, на который будут поступать деньги, часть которых он сможет оставить себе. Также мужчина добавил, что для начала работы необходимо внести 9 900 рублей, чтобы подтвердить свою платежеспособность» (интернет-портал 53 Новости, 2022), «Для того, чтобы получить выигрыш, необходимо перейти по ссылке и отправить смс-сообщение с текстом «Участвую»... Нужно было произвести оплату за доставку товара» (интернет-издание Ей?нсурата?дары сайты, 2022), «стоимость авто 6 154 000 рублей и приз он может получить деньгами. Для этого нужно всего лишь перевести 92 310 рублей в каче-

стве комиссии» (сообщение на форуме Автопортал, 2017).

В рамках данной тактики эксплицитная самоидентификация адресанта часто отсутствует, в сообщениях от физического лица / известной персоны адресант представлен в единственном числе. В группе сообщений о крупном выигрыше или о возможности быстро заработать мошенник не называет свою должность или организацию, обращаясь к адресату как частное лицо (54%), либо никак себя не идентифицирует, так как сообщение является обезличенной рассылкой (34%). В группе сообщений от известных людей каждый адресант уникален (12%), приводится имя реально существующего человека. В данной стратегии институциональность не является значимым фактором, она представлена в единичных сообщениях.

В стратегии апелляции к удаче активно эксплуатируется эмоционально-окрашенная лексика с позитивной оценочностью: «Он начинает активно поздравлять с днём рождения... При этом закидывает удочки, есть ли карта Сбербанка, поддерживаемая приложением "мобильный банк"... Некий Орлов отвечает отлично, и просит отправить ему номер карты и контрольные три цифры, предупреждая, что акция действует в течении часа» (сообщение из блога Ru_Fraud, 2016), «ООО ... поздравляет! По итогам акции Шанс 2012 на ваш номер выпал приз: автомобиль Chevrolet Lacetti... Молодой человек, ответивший на мой звонок, объяснил мне... по счастливому стечению обстоятельств я являюсь обладателем главного приза» (сообщение на форуме IAPD, 2012). Также от адресата требуется быстро принять решение. Выгодные предложения действуют в течение очень короткого периода. В данной стратегии значимым средством воздействия являются числительные, которыми обозначаются крупные денежные суммы. Апелляции к законодательству не представлены.

В рамках стратегии апелляции к удаче отдельные тактики не выделяются. Наиболее частотным в данной группе сообщений будет использование предвкушения получения денежного выигрыша (59% выборки), менее частотным предвкушение получения хорошей работы / быстрого дохода (26%), наименее частотным предвкушение встречи со знаменитостью (15%).

Стратегия создания иллюзии рутинности

В определениях, которые можно встретить в литературе, рутинность и рутинность раскрываются через образы установившегося порядка, шаблонности, привычных действий,

монотонности, косности. Рутинность – это нечто «обязательное, постоянное, привычное, вполне предсказуемое, добровольно выбираемое, узнаваемое, совершаемое полу- или даже вполне бессознательно» [25: 12]. Для данной стратегии базовой характеристикой будет имитация привычных действий. Создание эмоционального возбуждения у адресата или построение логической аргументации не предполагаются.

Мошенник в процессе взаимодействия с жертвой имитирует повторяющиеся рутинные коммуникативные действия (например, покупку товаров в интернет-магазине, установку программного обеспечения на компьютер или смартфон, бронирование гостиниц, обращение в банк). Сценарий может иметь различные варианты: сделка купли-продажи, продажа товаров через интернет-аукцион, ошибка системы, крупная выплата за недополученные товары и услуги или предоставленные услуги ненадлежащего качества, оплата налогов и сборов и др. При этом последовательность действий практически идентична во всех случаях:

Представление адресанта:

- мошенник может представляться в качестве физического лица или не представиться вовсе, поскольку сообщение поступает жертве в форме обезличенной рассылки. Несколько примеров подобной самоидентификации из «разводов», имитирующих работу сайтов интернет-аукционов и торговых площадок: «Продаем дачу, позвонили “покупатели”, сказали, что хотят купить, но не в городе. Попросили придержать до выходных, сами предложили перевести аванс. Ну а дальше как и у всех номер карты, код, и сто десять [тысяч], отложенные на отпуск и билеты, улетают со счета на левый Киви кошелек» (сообщение на Пикабу, 2019), «Девушка назвалась Юлией, Луганская обл. г Кировск... Переписывались 3 дня, просила много фото, задавала много вопросов. Все выглядело очень правдоподобно» (сообщение на Пикабу, 2016).

Сообщение:

- адресант сообщает о желании заключить сделку, о совершении оплаты, о необходимости совершить иные рутинные действия: «Покупатель попросил оформить покупку через Авито Доставку. Сказал, что все оплатил и прислал мне ссылку для получения денег. Нужно было ввести данные банковской карты. У меня четыре раза списалась сумма с карты» (сообщение на Авито Доставка, 2020), «Во время уточнения всех деталей, мошенник объяснил, что сначала он мне переведет

немного денег как предоплату и мне нужно будет иметь привязанную карту к Qivi кошельку. Стоит отметить, что все это время он очень интересовался ноутбуком и даже попросил записать видео, в котором я показываю его внешнее состояние, т. е. выглядел действительно как потенциальный покупатель» (сообщение на Пикабу, 2018).

Обоснование необходимости предпринять определенные действия:

- в данном случае не требуется, поскольку адресат должен совершить действия, типичные для той или иной ситуации. Необходимость совершения этих действий входит в его пресуппозицию. Например, адресат размещает объявление или пытается купить товар на сайте интернет-аукциона. С ним через мессенджер сайта связываются мошенники, выступающие в роли покупателя или продавца. Для «удобства» они размещают в чате инструкцию используемого сайта по оплате товара. Данная инструкция включает описание типичных действий, с которыми адресат не раз сталкивался при работе с другими сайтами и приложениями. В силу привычности операций он не подозревает ничего противозаконного. Жертве также предоставляется ссылка для оплаты или получения денег с адресом, похожим на адрес интернет-аукциона, где проходит сделка, но не имеющим к нему отношения: «Продавала товар. Покупатель попросил оформить покупку через Авито Доставку. Сказал, что все оплатил и прислал мне ссылку для получения денег. Нужно было ввести данные банковской карты» (сообщение на Авито Доставка, 2020). В подобных случаях не предполагается ни эмоциональное, ни логическое воздействие, поскольку адресат не должен ощутить, что происходит что-то необычное и нуждающееся в обосновании. Адресант создает иллюзию рутинности: «Покупатель попросил Авито Доставку, скинул ссылку. Я перешла по ней и увидела запрос на получение средств. Ввела данные, нажала получить средства и мне приходит смс с кодом подтверждения. Ввожу код и мне приходит уведомление о попытке списания! Правда я деньги все со своей карты вывела. И списывать было нечего. Покупатель начал кидать скрины Авито поддержки, что так они проверяют карту» (сообщение на Авито Доставка, 2020), «были заказаны эл. билеты на сайте busfor. при попытках оплаты несколько раз приходило смс о снятии наличных в долларах, не от-

носящееся к моему платежу, а также другой цены. Менеджер объяснил, что это ошибка системы... сейчас просят оформить возврат, при котором на карточке должна быть такая же сумма для проверки карты, которая заморозится перед возвратом» (сообщение на Правовед.ру, 2021). Обман обнаруживается после завершения перевода, поскольку противная сторона тут же прекращает диалог и вносит адресата в «черный список» контактов.

Для данной стратегии характерно взаимодействие жертвы с одним мошенником. Институциональность присутствует только в сообщениях-рассылках с поддельными платежными документами, а именно счетами для оплаты услуг ЖКХ. В любом подобном документе содержится информация о лицевом счете абонента, реквизиты управляющей компании, номер расчетного счета для перевода оплаты, который, как правило, и является объектом подмены, то есть весьма обширный объем числовых данных, которые вряд ли можно выучить наизусть и для подробной сверки которых требуется время. Эта группа сообщений ярко демонстрирует особую роль числительных в данной стратегии.

Фактор темпоральности эксплуатируется только в группе сообщений о покупке и продаже товаров. Предложение покупки / продажи товара можно ограничить по времени, мошенник получает возможность торопить жертву. В случае с обезличенной рассылкой такого ограничения нет, ведь злоумышленник не может синхронно взаимодействовать с адресатом и воздействовать на него с целью скорейшего достижения результата.

В рамках стратегии создания иллюзии рутинности отдельные тактики также не выделяются. Наиболее частотными будут мошеннические действия при покупке / продаже товаров на различных аукционах / сервисах / площадках (72% выборки), менее частотными – действия злоумышленников, маскирующихся под провайдеров сотовой / интернет-связи (15%), наименее частотными – действия по распространению поддельных документов об оплате услуг ЖКХ (13%).

Заключение

1. Мошеннический дискурс – это сознательное воздействие на коммуниканта с использованием различного рода речевых манипуляций (таких как сообщение ложных / недостоверных сведений, утаивание и/или частичное предоставление информации) с целью завладения чужим имуществом и получения выгоды. Основным жанром дан-

ного дискурса является формульный жанр «развод» / «разводилово».

2. Жанр «развод» / «разводилово» включает три основные стратегии воздействия на адресата: стратегия апелляции к страху, стратегия апелляции к удаче, стратегия создания иллюзии рутинности.

3. Средства воздействия, используемые в технически опосредованном мошенничестве, могут включать коммуникативную цель адресанта по изменению психологического состояния жертвы, самопрезентацию адресанта (декларацию институционального или внеинституционального статуса), единство или множественность адресанта, эксплуатацию темпоральных характеристик общения, маркированную лексику, апелляции к законодательству. Инвариантом для любого коммуникативного акта мошенничества будут являться направленность на изменение психологического состояния адресата и наличие ложной самоидентификации адресанта.

4. Наиболее частотной является стратегия апелляции к страху. Для данной стратегии характерна самопрезентация адресанта в качестве представителя государственного или финансового института, множественность адресанта, апелляции к законодательству, эксплуатация фактора темпоральности и использование правовой и финансовой терминологии, в том числе квазитерминологии.

5. Стратегия апелляции к страху включает три тактики речевого воздействия: тактика внушения страха за свое материальное благополучие, тактика внушения страха за безопасность близкого, тактика внушения боязни общественного порицания.

6. Для тактики внушения страха за свое материальное благополучие характерны эмфатизация институциональности, множественность адресанта, апелляции к законодательству. Семантика темпоральности в речи имеет большое значение, поскольку быстрое принятие жертвой необдуманных решений является одной из задач мошенника.

7. Для тактики внушения страха за безопасность близкого характерна множественность адресанта (мошенников всегда двое – «представитель правоохранительных органов» и «родственник жертвы»). Эксплуатация темпоральности реализуется через инициирование общения в моменты нехарактерные для деловой активности (поздняя ночь, раннее утро). Присутствует эмоционально-экспрессивная лексика.

8. В рамках тактики внушения боязни общественного порицания самоидентификация адресанта варьируется. Он может выступать в роли физического лица или представителя криминальной группы. Апелляции к законода-

тельству единичны. Лексическую специфику составляет использование обсценной лексики.

9. В рамках стратегии апелляции к удаче мошенник воздействует на жертву через создание предвкушения успеха и ощущения собственной избранности. Самоидентификация адресанта варьируется. Мошенник может выступать в роли физического лица либо самоидентификация может отсутствовать. Эксплуатация темпоральной характеристики реализуется через сообщение об ограниченном периоде, когда жертва может воспользоваться выгодным предложением, получить приз, компенсацию. Особую роль играют числительные (мошенник делает акцент на ко-

личестве денежных средств). Активно эксплуатируется эмоционально-окрашенная лексика с позитивной оценочностью.

10. В рамках стратегии создания иллюзии рутинности характерно воздействие на адресата через привычность коммуникативных сценариев (покупка товаров в интернет-магазине, установка программного обеспечения на компьютер или смартфон, бронирование гостиниц, обращение в банк). Адресант может выступать в роли физического лица, эксплицитная самоидентификация адресанта также может отсутствовать. Эксплуатация темпоральной характеристики реализуется только в группе сообщений о купле-продаже товаров через интернет-площадки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Елистратов В. С.* Словарь русского арго (материалы 1980–1990-х гг.) : ок. 9000 слов, 3000 идиомат. выражений. М. : Русские словари, 2000. 693 с.

2. *Никитина Т. Г.* Толковый словарь молодежного сленга: слова, непонятные взрослым. Ок. 2000 слов. М. : ООО «Издательство Астрель» ; ООО «Издательство АСТ», 2003. 736 с.

3. *Беглова Е. И.* Некодифицированная лексика в печатных СМИ 1990–2000-х годов : словарь. Уфа : Гилем, 2006. 271 с.

4. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 390 с.

5. *Слышкин Г. Г., Малыгина Л. Е., Павлова Е. С.* Лингвобезопасность в аспекте ценностных, идеологических и социальных изменений // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 64–69.

6. *Тереженко М.* Ущерб от телефонного мошенничества с начала года в России составил 45 млрд рублей // ТАСС. 2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13194049> (дата обращения: 24.01.2023).

7. Роботы-мошенники стали звонить россиянам в 35 раз чаще // Право.ru. 2021. URL: <https://pravo.ru/news/237483/> (дата обращения: 24.01.2023).

8. «Kaspersky и «Яндекс» сообщили о росте числа звонков телефонных мошенников // РБК. 2022. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/22/06/2022/62b2b1609a7947023acdec45?ysclid=lapfpwd1hb799177955 (дата обращения: 24.01.2023).

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8012ecdf64b7c9cfd62e90d7f55f9b5b7b72b755/ (дата обращения: 24.01.2023).

10. *Шушков А. А.* Толково-понятийный словарь русского языка: 605 семантических групп: более 16500 слов и устойчивых выражений. М. : ООО Издательство «Астрель» ; ООО «Издательство АСТ» ; ООО «Транзиткнига», 2003. 765 с.

11. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

12. *Третьякова Н. С.* Лингвистическая характеристика понятия «мошенничество»: история и современность // Уголовное право. 2015. № 5. С. 113–115.

13. *Захаров А. И.* Дневные и ночные страхи у детей. СПб. : Речь, 2005. 320 с.

14. *Павлов И. П.* Физиология ВНД. М. : Наука, 1954. 156 с.

15. *Матвеева С. Я., Шляпентох В. Э.* Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. 179 с.

16. ВЦИОМ Индекс страхов // ВЦИОМ. 2023. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-strakhov> (дата обращения: 11.03.2023).

17. Исследование. 1. Национальный индекс тревожностей. Ежеквартальный рейтинг фобий россиян на основе анализа СМИ и социальных сетей // КРОС. 2021. URL: <https://www.cros.ru/ru/exploration/research/2121/> (дата обращения: 11.03.2023).

18. «Лаборатория Касперского»: каждый десятый россиянин пострадал от телефонных мошенников // Открытые системы. 2019. URL: <https://www.osp.ru/news/2019/0823/13037527?ysclid=lf2vm42ipu689165179> (дата обращения: 11.03.2023).

19. Опрос Народного фронта: лишь 16,8% жертв финансовых мошенников удалось вернуть деньги // Общероссийский народный фронт. 2021. URL: <https://onf.ru/2021/06/01/opros-narodnogo-fronta-lish-168-zhertv-finansovyh-moshennikov-udalos-vernut-dengi/?ysclid=lf2t9a9rgw29669936> (дата обращения: 11.03.2023).

20. КРОС Исследование. 2. Национальный индекс тревожностей. Ежеквартальный рейтинг фобий россиян на основе анализа СМИ и социальных сетей // КРОС. 2021. URL: <https://www.cros.ru/ru/exploration/research/2165/> (дата обращения: 11.03.2023).

21. *Шагбанова Х. С.* Языковые средства речевого манипулирования // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9, № 5–1. С. 72–80.

22. Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 28 декабря 2015 г. № 589/944/пр «Об утверждении Порядка и способов размещения информации, ведения реестров в государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства, доступа к системе и к информации, размещенной в ней». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420332830?ysclid=17roj7hpbv450172324> (дата обращения: 24.01.2023)

23. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 01.01.2015. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 24.01.2023).

24. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ; ОГИЗ ;

Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940. Т. 3, 1424 с.

25. Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. М. : Канон, 2004. 432 с.

REFERENCES

1. Elistratov V. S. *Slovar' russkogo argo: (materialy 1980–1990-x gg.) : ok. 9000 slov, 3000 idiomat. vyrazhenij* [Russian slang dictionary (materials 1980–1990) : Aprox. 9000 words, 3000 idioms]. Moscow, Russkii slovani, 2000. 693 p. (in Russian).
2. Nikitina T. G. *Tolkovyj slovar' molodezhnogo slenga: slova, neponyatnye vzroslym. Ok. 2000 slov* [Youth slang explanatory dictionary: Words incomprehensible for adults]. Moscow, OOO "Izdatel'stvo Astrel", OOO "Izdatel'stvo AST", 2003. 736 p. (in Russian).
3. Beglova E. I. *Nekodifitsirovannaya leksika v pechatnykh SMI 1990–2000-x godov: slovar'* [Uncodified lexis of mass media 1990–2000]. Ufa, Gilem, 2006. 271 p. (in Russian).
4. Karasik V. I. *Zazykovoij krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis, 2004. 390 p. (in Russian).
5. Slyshkin G. G., Malygina L. E., Pavlova E. S. Linguistic security in the aspect of value, ideological and social changes. *Verkhnevolzhskii Philological Bulletin*, 2022, no. 1 (28), pp. 64–69 (in Russian).
6. Tereshchenko M. Damage from telephone fraud since the beginning of the year in Russia amounted to 45 billion rubles. *TASS*, 2021. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/13194049> (accessed January 24, 2023) (in Russian).
7. Fraudster robots has begun calling Russians 35 times more often. *Pravo.ru*, 2021. Available at: <https://pravo.ru/news/237483/> (accessed January 24, 2023) (in Russian).
8. Kaspersky and Yandex reported an increase in the number of fraudulent phone calls. *RBK*, 2022. Available at: https://www.rbc.ru/technology_and_media/22/06/2022/62b2b1609a7947023acdec45?ysclid=lapfpwd1hb799177955 (accessed January 24, 2023) (in Russian).
9. *Criminal code of the Russian Federation*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8012ecdf64b7c9fd62e90d7f55f9b5b7b72b755/ (accessed January 24, 2023) (in Russian).
10. Shushkov A. A. *Tolkovo-ponyatijnyj slovar' russkogo yazyka: 605 semanticheskikh grupp: Bolee 16500 slov i ustojchivykh vyrazhenij* [Explanatory and conceptual dictionary of the Russian language: 605 semantic groups: More than 16,500 words and set expressions]. Moscow, OOO Izdatel'stvo "Astrel", OOO "Izdatel'stvo AST", OOO "Tranzitkniga", 2003. 765 p. (in Russian).
11. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov* [Kuznetsov S. A., comp. and ch. ed. Large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg, Norint, 2000. 1536 p. (in Russian).
12. Tret'yakova N. S. Linguistic characteristics of the concept of "fraud": History and modernity. *Ugolovnoe pravo*, 2015, no. 5, pp. 113–115 (in Russian).
13. Zakharov A. I. *Dnevnye i nochnye strakhi u detej* [Day and night fears in children]. Saint Petersburg, Rech', 2005. 320 p. (in Russian).
14. Pavlov I. P. *Fiziologiya VND* [Physiology of GNI]. Moscow, Nauka, 1954. 156 p. (in Russian).
15. Matveeva S. Ya., Shlyapentokh V. E. *Strakhi v Rossii v proshlom i nastoyashchem* [Fears in Russia in the past and present]. Novosibirsk, Sibirskij khronograf, 2000. 179 p. (in Russian).
16. WCIOM Fear index. *VCIOM*, 2023. Available at: <https://wciom.ru/ratings/indeks-strakhov> (accessed March 11, 2023) (in Russian).
17. CROS Research. 1. National anxiety index. Russians' quarterly phobia rating based on the analysis of mass media and social networks. *KROS*, 2021. Available at: <https://www.cros.ru/ru/exploration/research/2121/> (accessed March 11, 2023) (in Russian).
18. "Kaspersky Lab": Every tenth Russian suffered from telephone scammers. *Open Systems*, 2019. Available at: <https://www.osp.ru/news/2019/0823/13037527?ysclid=lf2vm42ipu689165179> (accessed March 11, 2023) (in Russian).
19. People's front poll: Only 16.8% of financial fraud victims managed to get their money back. *Obshcherossijskij narodnyj front*, 2021. Available at: <https://onf.ru/2021/06/01/opros-narodnogo-fronta-lish-168-zhertv-finansovyh-moshennikov-udalos-vernut-dengi/?ysclid=lf2t9a9rgw29669936> (accessed March 11, 2023) (in Russian).
20. CROS Research. 2. National anxiety index. Russians' quarterly phobia rating based on the analysis of mass media and social networks. *KROS*, 2021. Available at: <https://www.cros.ru/ru/exploration/research/2165/> (accessed March 11, 2023) (in Russian).
21. Shagbanova H. S. Linguistic means of speech manipulation. *Theories and Problems of Political Studies*, 2020, vol. 9, no. 5-1, pp. 72–80 (in Russian).
22. *Order of the Ministry of Telecom and Mass Communications of the Russian Federation and the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation dated December 28, 2015 No. 589/944/pr "On approval of the Procedure and methods for posting information, maintaining registers in the state information system of housing and communal services, access to the system and information contained in it"*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/420332830?ysclid=17roj7pbv450172324> (accessed January 24, 2023) (in Russian).
23. *Criminal procedure code of the republic of Kazakhstan*. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (accessed January 24, 2023) (in Russian).
24. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Pod red. D. N. Ushakova* [Ushakov D. N., ed. Explanatory dictionary of the Russian language: Modern edition]. Moscow, Gos. in-t "Sov. entsycl.", OGIZ, Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarej, 1935–1940, vol. 3, 1424 p. (in Russian).
25. Kasavin I. T., Shchavlev S. P. *Analiz povsednevnosti* [Everyday life analysis]. Moscow, Kanon, 2004. 432 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 09.02.2023; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 14.04.2023
The article was submitted 09.02.2023; approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 14.04.2023

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *С. С. Дударева*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 21.02.2024. Подписано в свет 01.03.2024.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 12.09 (13.0). Тираж 100. Заказ 19-Т.

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.